

ВЕСТНИК ГУМАНИТАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2308-8117

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

3 (30) 2020

Учредитель: АНО ВО «Гуманитарный университет»
(г. Екатеринбург)

Адрес редакции: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19
E-mail: ektbriogu@mail.ru

Адрес издателя: 620049, г. Екатеринбург,
ул. Студенческая, д. 19

Выходит 4 раза в год

Журнал включен в Российский индекс
научного цитирования (РИНЦ)

Распространяется бесплатно

Редакционная коллегия

Главный редактор

Закс Л. А., д-р филос. наук, профессор

Заместители главного редактора

Мясникова Л. А., д-р филос. наук, профессор (*направление «Философские науки»*)

Мицек С. А., д-р экон. наук, доцент (*направление «Экономические науки»*)

Семитко А. П., д-р юрид. наук, профессор (*направление «Юридические науки»*)

Члены редколлегии

Козлова О. А., д-р экон. наук, профессор

Мицек Е. Б., д-р экон. наук, доцент

Светлов Н. М., д-р экон. наук, профессор

Тарасьев А. М., д-р физ.-мат. наук, профессор

Хмелькова Н. В., д-р экон. наук, доцент

Архипов С. И., д-р юрид. наук, профессор

Балакшин В. С., д-р юрид. наук, профессор

Глушкова С. И., д-р полит. наук, доцент

Курченко В. Н., д-р юрид. наук, профессор

Незнамова З. А., д-р юрид. наук, профессор

Семякин М. Н., д-р юрид. наук, профессор

Брандт Г. А., д-р филос. наук, доцент

Зайцев П. Л., д-р филос. наук, профессор

Коркунова О. В., д-р филос. наук, доцент

Круглова Т. А., д-р филос. наук, доцент

Перцев А. В., д-р филос. наук, профессор

Редакционный совет

Болдыгин Г. В., канд. филос. наук, основатель Гуманитарного университета,
почетный профессор ГУ

Красовский А. А., д-р наук (Вена-Лаксенбург, Австрия)

Палокангас Т., д-р наук, профессор (Хельсинки, Финляндия)

Родригез-Бланко В., профессор (Гилфорд, Великобритания)

Руденко В. Н., д-р юрид. наук, профессор, член-корреспондент РАН

Руткевич А. М., д-р филос. наук, профессор (г. Москва)

Чжу Б., д-р наук, профессор (Пекин, Китай)

THE REVIEW OF THE LIBERAL ARTS UNIVERSITY

SCIENTIFIC JOURNAL

3 (30) 2020

ISSN 2308-8117 (Vestnik Gumanitarnogo universiteta)

Frequency: 4 times a year

Publisher: Liberal Arts University – University for Humanities
(Ekaterinburg)

Editorial address: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.
E-mail: ektbriogu@mail.ru
Publisher: 620049, Ekaterinburg,
19, Studencheskaya st.

Distributed free of charge

Editor-in-Chief

L. A. Zaks, Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Deputy Editors-in-Chief

L. A. Myasnikova, Doctor of Philosophical Sciences, Prof. ("Philosophical sciences" branch)

S. A. Mitsek, Doctor of Economic Sciences, Associate Prof. ("Economic Sciences" branch)

A. P. Semitko, Doctor of Legal Sciences, Prof. ("Legal sciences" branch)

The editorial board

Kozlova O. A., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Mitsek E. B., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Svetlov N. M., Doctor of Economic Sciences, Prof.

Taras'ev A. M., Doctor of Physical and Mathematical Sciences, Prof.

Khmelkova N. V., Doctor of Economic Sciences, Associate Prof.

Arkhipov S. I., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Balakshin V. S., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Glushkova S. I., Doctor of Political Sciences, Associate Prof.

Kurchenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Neznamova Z. A., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Semyakin M. N., Doctor of Legal Sciences, Prof.

Brandt G. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Zaitsev P. L., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

Korkunova O. V., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Kruglova T. A., Doctor of Philosophical Sciences, Associate Prof.

Pertsev A. V., Doctor of Philosophical Sciences, Prof.

The editorial council

Boldygin G. V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Prof,

founder of Liberal Arts University – University for Humanities, Professor Emeritus

Krasovskii A. A., PhD (Doctorat) (Vienna-Laxenburg, Austria)

Palokangas T., PhD (Doctorat), Prof. (Helsinki, Finland)

Rodriguez-Blanco V., Professor (Guildford, Great Britain)

Rudenko V. N., Doctor of Legal Sciences, Prof., Member of the Russian Academy of Sciences

Rutkevich A. M., Doctor of Philosophical Sciences, Prof. (Moscow)

Zhu B., PhD (Doctorat), Prof. (Beijing, China)

Содержание

Экономика	5
<i>Мицек С. А., Мицек Е. Б.</i>	
Экономика России в графиках	6
 Юриспруденция	55
<i>Алексеев С. С.</i>	
У истоков конституции России (субъективные заметки)	56
<i>Мелен-Сукраманьян Ф.</i>	
Принцип равенства в практике Конституционного совета.	
Каковы перспективы приоритетного вопроса о конституционности?	85
<i>Пучков В. О.</i>	
«Гражданско-правовая природа межкомнатной перегородки»: опыт ненаписанного исследования (о некоторых тенденциях методологического развития цивилистики в цифровую эпоху)	96
 Философия	113
<i>Лоскутов В. А.</i>	
Ретрожизнь – жизнь под куполом советской истории (статья третья)	114
<i>Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В.</i>	
Роль творчества Ф. М. Достоевского в становлении концепции садомазохизма в неомарксистской философии Э. Фромма	130
<i>Суворов Д. В.</i>	
К вопросу о «национальных композиторских школах» и их «основоположниках»	139
 Научные события	147
<i>Дроздова А. В.</i>	
О ежегодной конференции Гуманитарного университета	
«Публичное/частное в современной цивилизации»	148
<i>Дроздова А. В.</i>	
«Новые голоса-2020» в онлайн-формате	150
 Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»	153

Contents

Economics	5
<i>Mitsek S. A., Mitsek E. B.</i> The Economy of Russia in Graphics	6
Law	55
<i>Alekseev S. S.</i> At the Origin of the Constitution of Russia: Subjective Notes	56
<i>Mélin-Soucramanien F.</i> The Principle of Equality in the Jurisprudence of the Constitutional Council. What Are the Prospects for the Priority Issue of Constitutionality?	85
<i>Puchkov V. O.</i> “Civil and Legal Nature of the Room Divider”: The Experience of the Unwritten Study (on the Certain Tendencies in the Development of Civil Law Science Methodology in the Digital Age)	96
Philosophy	113
<i>Loskutov V. A.</i> Retro Life – Life Under the Dome of Soviet History (The Third Article)	114
<i>Lesevitsky A. V., Lyakhin E. V.</i> The Role of F. M. Dostoevsky's Artwork in the Formation of the Concept of Sado-Masochism in the Neo-Marxist Philosophy of E. Fromm	130
<i>Suvorov D. V.</i> To the Issue of “National Schools of Composition” and their “Founders”	139
Scientific Events	147
<i>Drozdova A. V.</i> On Annual Conference “The Public/Private in the Current Civilization” Hosted by University for Humanities (Yekaterinburg)	148
<i>Drozdova A. V.</i> «New Voices-2020» in Online Format	150
Submission Requirements for «LAU Vestnik» authors	153

|| ЭКОНОМИКА

Экономика России в графиках

Статья посвящена подробной графической иллюстрации динамики важнейших макроэкономических переменных экономики России. Они охватывают такие секторы, как производство, цены, инвестиции, денежный, банковский, фискальный и внешнеэкономический секторы.

Графики построены на основе таких источников данных, как Федеральная служба государственной статистики, Банк России и некоторые другие и для наглядности представления сглажены фильтром Ходрика – Прескотта. Эластичности зависимых переменных, полученные на основе уравнений авторской эконометрической модели, позволяют выявить основные факторы, влияющие на динамику включенных в анализ переменных.

Авторы делают выводы, что основными причинами замедления темпов экономики России после 2013 года стали недостаток инвестиций в основной капитал, стагнация совокупной производительности факторов производства, неблагоприятные внешнеэкономические тенденции и рост налогового бремени.

Ключевые слова: экономика России; экономический рост; ликвидность; совокупная производительность; инвестиции в основной капитал.

Введение

Содержанием статьи является детализированное графическое описание динамики важнейших макроэкономических переменных России.

Графики строились следующим образом: брались квартальные ряды данных, большая часть которых лежит в диапазоне Q1 1999 – Q4 2019. Их источниками служили Федеральная служба государственной статистики (Росстат) [1], Банк России [2] и группа RIM Института народнохозяйственного прогнозирования РАН [3].

Данные о ВВП стран – членов ОЭСР взяты с сайта этой организации [4]. Эти ряды сглаживались с помощью фильтра Ходрика – Прескотта при $\lambda = 1\,600$ и представлялись в виде графиков.

В тексте авторы ссылались на авторскую эконометрическую модель экономики России в версии 2020 года, основные результаты которой будут опубликованы в одном из следующих номеров «Вестника Гуманитарного университета».

Эластичности зависимых переменных, рассчитанные на основе уравнений модели, позволили определить основные факторы, оказывающие влияние на эти переменные.

Очевидно, что пандемия Covid-19 внесла существенные коррективы в макроэкономические тренды большинства стран в 2020 году. Но авторы выражают уверенность, что по мере преодоления последствий эпидемии зависимости между основными переменными будут восстановлены. Поэтому графики, представленные в статье, позволят читателю получить наглядное представление о том, что происходило в экономике России до начала пандемии, а также послужить основой для прогнозирования тенденций ее основных показателей в будущем.

* **Сергей Александрович Мицек**, д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой финансов и кредита, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: sergey.mitsek@gmail.com, ORCID 0000-0001-9503-9132

** **Елена Борисовна Мицек**, д-р экон. наук, профессор кафедры менеджмента и маркетинга, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

E-mail: emitsek@mail.ru, ORCID 0000-0001-9407-581X

Производство

Начнем описание с производственного блока. Его главный показатель – динамика физического объема ВВП – представлен на следующем графике (рис. 1).

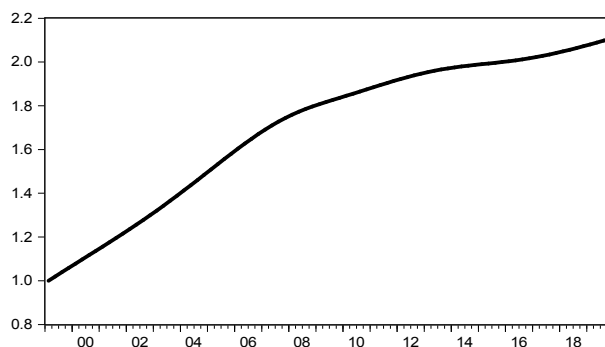

Рис. 1. Индекс ВВП России, Q1 1999 = 1; источники: [1], расчеты авторов

Мы видим, что за весь рассматриваемый период (21 год) ВВП России вырос в 2,1 раза, однако после 2008 г. темпы его роста резко сократились. Если в 2000–2008 гг. они в среднем превышали 6 % в год, то затем были ниже 2 % в год. Динамика ВВП объясняется различными причинами. В первую очередь надо исследовать рост основных факторов производства, труда и основного капитала, представленных на следующих графиках.

Как показывает рис. 2, объем основного капитала за весь рассматриваемый период вырос на 28 % в неизменных ценах, особенно быстро он рос в 2005–2009 гг. Но затем эта тенденция изменилась, темп его роста стал неуклонно сокращаться (рис. 3).

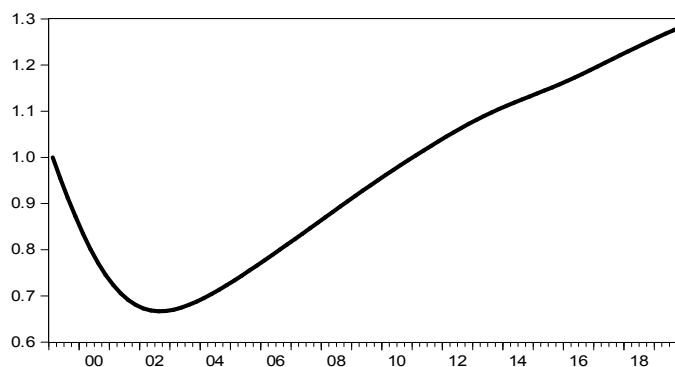

Рис. 2. Индекс основного капитала (дефлятор валового накопления основного капитала), Q1 1999 = 1; источники: [1], расчеты авторов

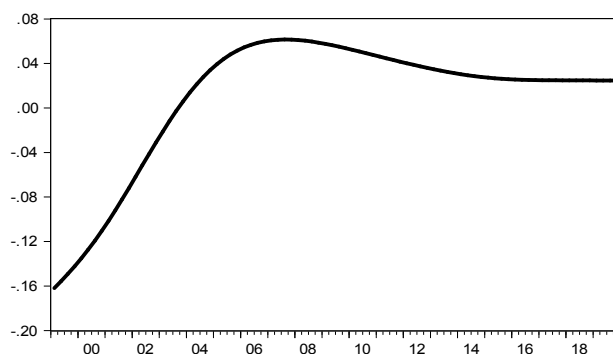

Рис. 3. Темпы роста основного капитала в неизменных ценах (дефлятор валового накопления основного капитала); источники: [1], расчеты авторов

Рис. 4 показывает, что численность занятых за весь указанный период выросла на 15 %.

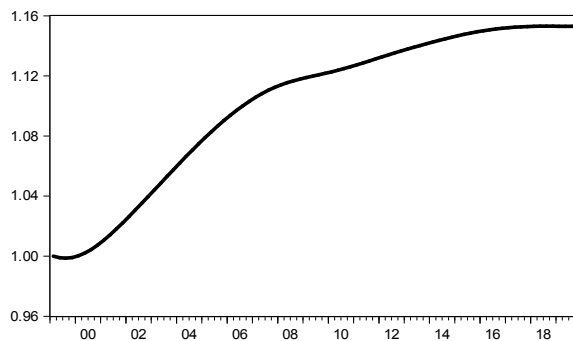

Рис. 4. Индекс численности занятых, Q1 1999 = 1;
источники: [1], расчеты авторов

Но темп роста численности занятых неуклонно сокращался после 2008 года и в 2014–2019 гг. был в среднем ниже 0,2 % в год (рис. 5).

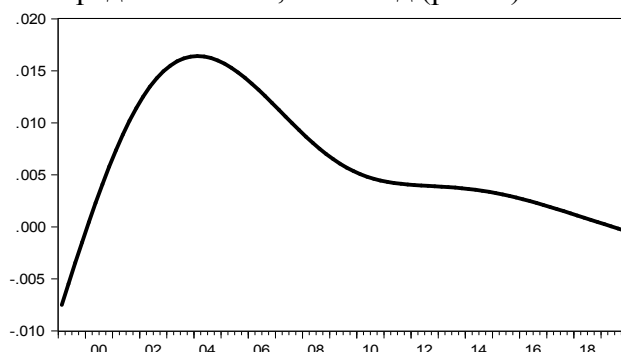

Рис. 5. Темп роста численности занятых;
источники: [1], расчеты авторов

Итак, одна из причин замедления ВВП России состоит в снижении темпов роста факторов производства. Рассмотрим теперь, как менялась эффективность их использования.

Как показывает рис. 6, производительность труда в экономике России за весь рассматриваемый период выросла более чем на 80 %. Но темпы роста этого показателя постоянно снижались и в 2014–2019 гг. составили в среднем менее 1 % в год (рис. 7).

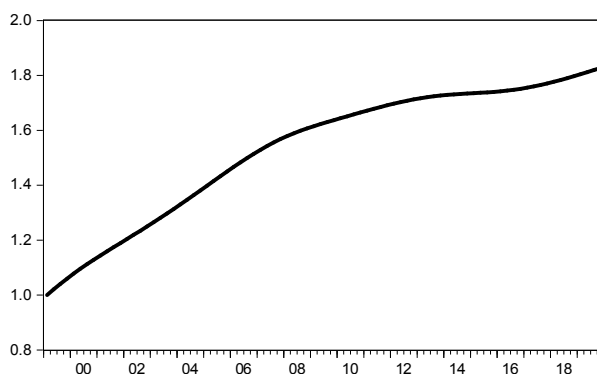

Рис. 6. Индекс производительности труда, Q1 1999 = 1;
источники: [1], расчеты авторов

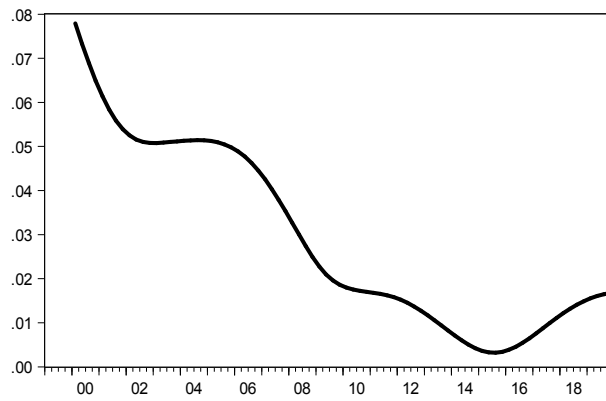

Рис. 7. Темпы роста производительности труда;
источники: [1], расчеты авторов

Рисунок 8 показывает, что фондоотдача выросла почти в два раза в короткий период 1999–2003 гг. Но затем, особенно после 2006 года, имело место снижение средней эффективности использования основного капитала (рис. 9).

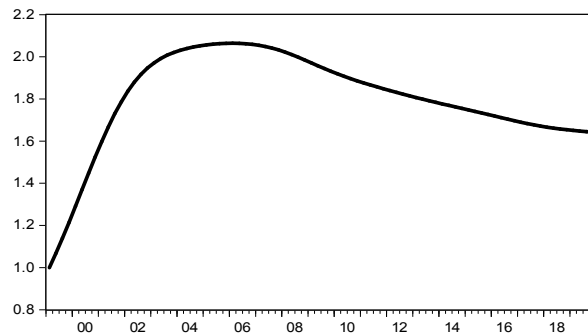

Рис. 8. Индекс фондоотдачи, Q1 1999 = 1;
источники: [1], расчеты авторов

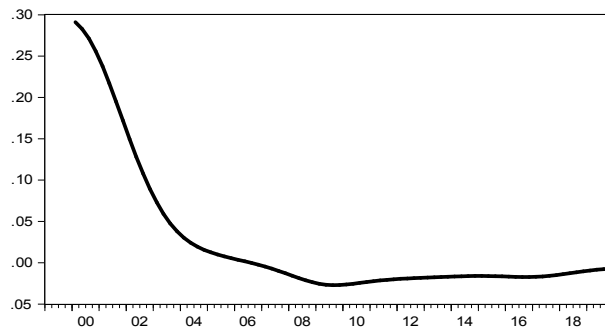

Рис. 9. Темпы роста фондоотдачи;
источники: [1], расчеты авторов

Рост производительности труда во многом определяется его фондовооруженностью, динамика которой показана на следующем графике (рис. 10).

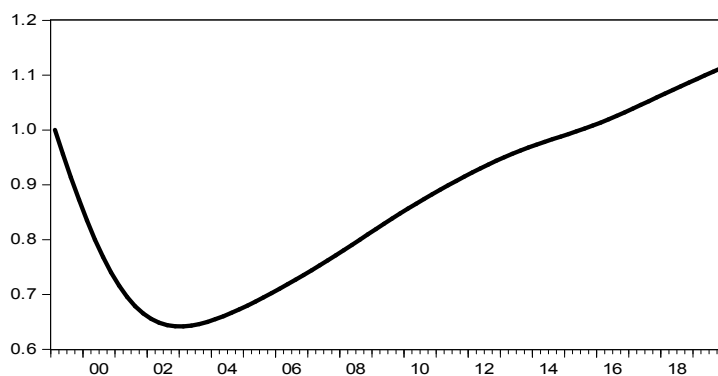

Рис. 10. Индекс фондовооруженности труда, Q1 1999 = 1;
источники: [1], расчеты авторов

Фондовооруженность труда снижалась вплоть до конца 2002 г., что связано с падением реального объема основного капитала. Затем она стала расти, но в целом этот индекс вырос всего лишь на 11 % за рассматриваемый период. Темпы его роста постепенно снижались после 2008 г. (рис. 11).

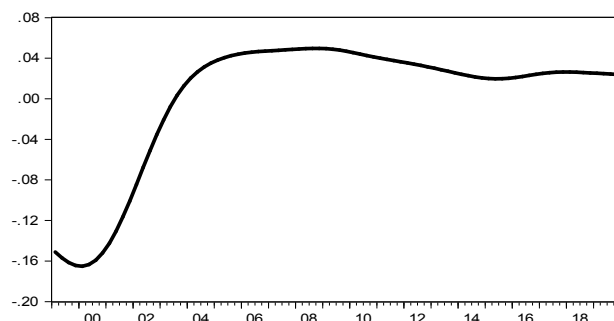

Рис. 11. Темпы роста фондовооруженности труда;
источники: [1], расчеты авторов

Следовательно, мы можем сделать вывод, что замедление темпов роста ВВП России произошло, во-первых, вследствие недостатка инвестиций в основной капитал, что привело к медленному росту фондовооруженности труда и, как следствие, его производительности. Во-вторых, это падение эффективности использования основного капитала.

Тем не менее, сравнивая графики 1, 2 и 4 мы видим, что ВВП за весь период вырос в значительно большей пропорции, чем затраты факторов производства. Значит, имел место рост совокупной факторной производительности (СФП). Действительно, как показывает рис. 12, за 2000–2008 гг. СФП экономики России выросла более чем на 40 %, но ее темпы неуклонно снижались, и после 2014 г. она почти не росла.

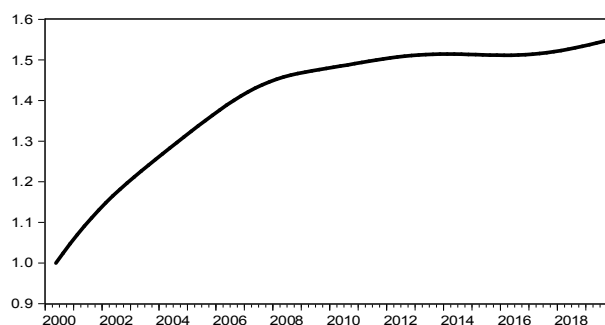

Рис. 12. Индекс совокупной факторной производительности (СФП), Q2 2000 = 1;
источники: [1], расчеты авторов

Как показал Р. Гордон [5, р. 54], индекс СФП есть средневзвешенная величина индексов фондоотдачи и производительности труда, а весами являются эластичности выпуска по этим факторам (при условии, что их сумма равна 1, т. е. отдача от масштаба постоянна). Поэтому, основываясь на рис. 8 и 9, можно сказать, что замедление СФП в значительной степени есть результат падения эффективности использования обоих факторов, но в большей степени основного капитала.

Для того чтобы понять динамику производства в России, мы должны объяснить динамику а) основных факторов производства и б) совокупной производительности. Главным фактором, определяющим динамику основного капитала, является, конечно, валовое накопление основного капитала, график которого представлен на рис. 13.

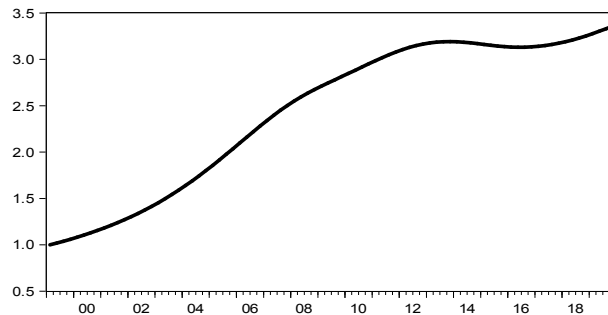

Рис. 13. Индекс валового накопления основного капитала (дефлятор валового накопления основного капитала), $Q1\ 1999 = 1$;
источники: [1], расчеты авторов

Мы видим, что за весь рассматриваемый период валовое накопление основного капитала выросло в реальном исчислении более чем в 3 раза, хотя его рост и существенно замедлился после 2013 г. (см. также графики ниже). Почему же тогда рост основного капитала был значительно меньшим, чем рост инвестиций? Причина – в малом *абсолютном* объеме инвестиций, что видно из значения эластичности объема основного капитала по величине валового накопления. Как видно из следующего рисунка, ее величина, хоть и повышалась вплоть до 2015 г., никогда не превышала 0,13.

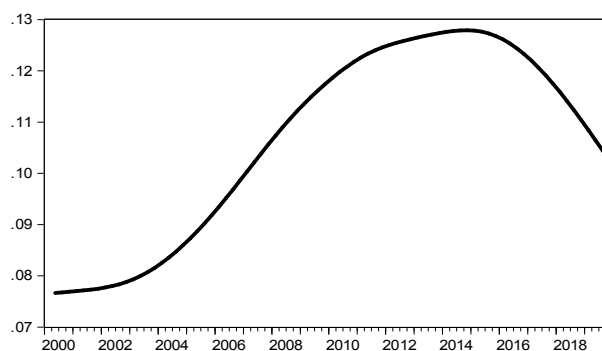

Рис. 14. Долгосрочная эластичность объема основного капитала по величине валового накопления основного капитала;
источники: [1], расчеты авторов

Основной переменной, влияющей на количество *занятых* в России, является численность экономически активного населения. График его динамики представлен на следующем рисунке (15).

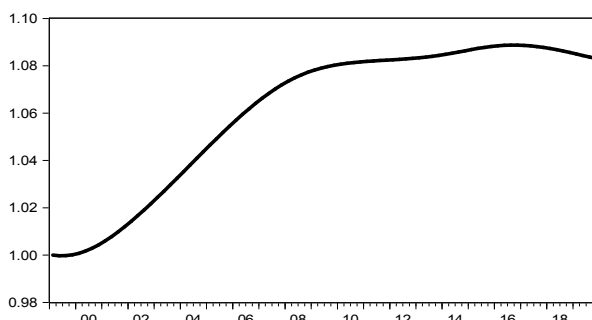

Рис. 15. Индекс численности экономически активного населения, $Q1\ 1999 = 1$; источники: [1], расчеты авторов

Численность экономически активного населения выросла за весь период всего на 8 %, и этот рост заметно меньше роста числа занятых, а после 2008 г. он вообще почти прекратился. Иными словами, а) рост численности последних после 2008 года в большой степени определялся снижением числа безработных (рис. 16); б) в сокращении прироста занятых большую роль сыграли демографические факторы и исчерпание возможностей роста экономической активности граждан.

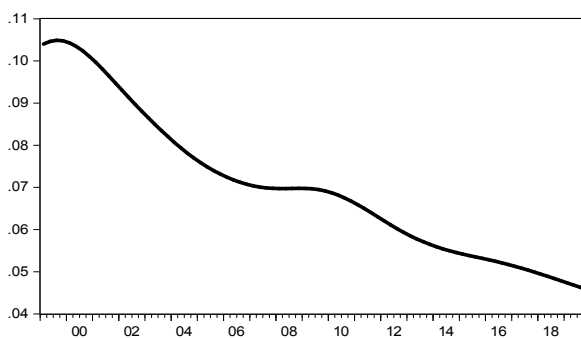

Рис. 16. Уровень безработицы; источники: [1], расчеты авторов

Отметим также, что в уравнении численности занятых существенной переменной с отрицательным знаком является объем ВВП стран – членов ОЭСР. Этот результат можно интерпретировать таким образом, что с ростом экономики развитых стран уменьшается миграция рабочей силы в Россию (или увеличивается эмиграция из России).

Как показывает уравнение производственной функции, на величину *совокупной производительности* факторов производства существенное влияние оказывают следующие переменные:

- индекс цен на капитальные блага (оборудование и строительно-монтажные работы) (отрицательное);
- индекс совокупного спроса;
- удельный вес импорта в ВВП;
- индекс ВВП стран – членов ОЭСР;
- реальный индекс цен на приобретенные топливно-энергетические ресурсы (отрицательное);
- объем банковских кредитов организациям в реальном исчислении;
- величина реальных кассовых остатков.

Рост цен на капитальные блага препятствует инвестициям и воплощенному в них техническому прогрессу. График этой величины будет приведен ниже, здесь же укажем, что годовые темпы роста цен на капитальные блага снизились с более чем 30 % в 1999 г. до менее 6 % в 2019 г. При этом их *реальный* индекс (отношение данного индекса к индексу дефлятора ВВП) за период 1999–2012 гг. снизился примерно на 15 %, но затем стал *расти* и вырос примерно на 7,5 % к концу 2019 г., что стало препятствовать росту СФП.

Индекс совокупного спроса определяется формулой:

$$AD = \frac{C^{SC} \times I^{SI} \times G^{SG} \times EXP^{SEXP}}{IMP^{SIMP}}, \quad (1)$$

где AD – указанный индекс;

C – индекс физического объема потребительских расходов;

I – индекс физического объема валового накопления основного капитала;

G – индекс физического объема государственных закупок;

EXP – индекс физического объема экспорта;

IMP – индекс физического объема импорта;

$SC, SI, SG, SEXP, SIMP$ – доля номинальной величины потребительских расходов, валового накопления основного капитала, государственных закупок, экспорта и импорта в номинальном объеме ВВП, соответственно.

Как показывает рис. 17, после 2008 г. индекс совокупного спроса несколько опережал индекс ВВП, а темпы роста первого были несколько выше темпов второго в 2004–2015 гг.

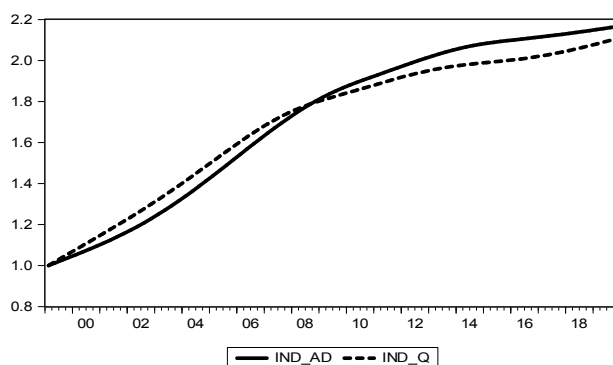

Рис. 17. Индексы ВВП (IND_Q) и совокупного спроса (IND_AD), $Q1\ 1999 = 1$;
источники: [1], расчеты авторов

Такая динамика способствовала росту СФП: чем ее можно объяснить?

Во-первых (рис. 18), падением темпов роста импорта (до 2015 г.), относительно быстрым ростом физического объема потребительских расходов (до 2014 г.), валового накопления (до 2012 г.) и экспорта, особенно после 2012 г.

Экспорт всегда был «тягачом» экономики России, а потребление и инвестиции – длительное время. В то же время высокие темпы роста импорта были сдерживающим фактором (за исключением периода, охватывающего 2013–2017 годы).

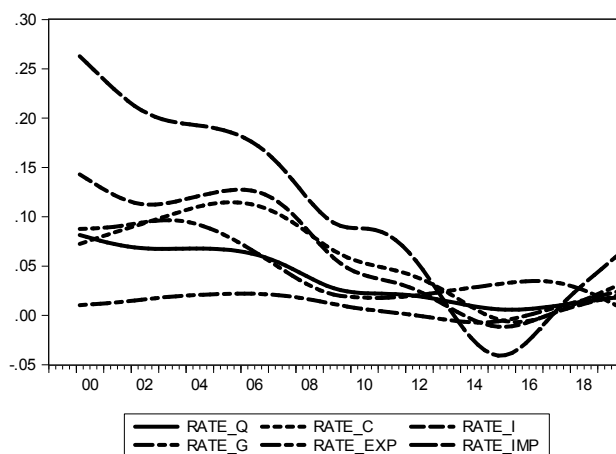

Рис. 18. Темпы роста физического объема ВВП ($RATE_Q$), потребительских расходов домашних хозяйств ($RATE_C$), валового накопления основного капитала ($RATE_I$), государственных закупок ($RATE_G$), экспорта ($RATE_EXP$) и импорта ($RATE_IMP$); источники: [1], расчеты авторов

Во-вторых, если принять во внимание ценовой фактор, это рост доли потребительских расходов (вплоть до 2014 г. включительно) и валового накопления основного капитала в ВВП (этот процесс затормозился после 2008 г.).

Рассмотрим отмеченные выше прочие факторы, влияющие на совокупную производительность экономики России.

Темпы роста мировой экономики, представленной в модели объемом ВВП стран – членов ОЭСР, после 2008 г. ускорились, что способствовало росту СФП.

Как видно из следующего графика (рис. 19), цены на приобретаемые промышленными организациями топливно-энергетические ресурсы неуклонно росли относительно общего индекса цен (наибольший рост показали цены на нефтепродукты). Этот процесс особенно усилился после 2014 г., что способствовало снижению СФП.

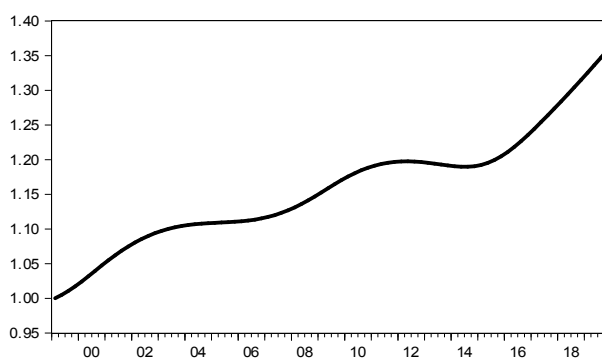

Рис. 19. Реальный индекс цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы (дефлятор ВВП), $Q1\ 1999 = 1$; источники: [1], расчеты авторов

Заметную роль в росте СФП играют показатели ликвидности экономики – объемы кредитов, выданных организациям, и величина реальных кассовых остатков. Как будет показано ниже, темпы роста первого показателя неуклонно снижались за весь рассматриваемый период в неизменных ценах, а начиная с 2017 г. этот объем вообще перестал расти. Темпы роста реальных кассовых остатков неуклонно сокращались после 2004 г. и вплоть до 2015-го. Затем они немного выросли. Следовательно, замедление роста ликвидности экономики способствовало замедлению роста СФП после 2008 г.

Ниже будет также показано снижение доли импорта в ВВП, что также способствовало замедлению СФП.

Таким образом, мы можем сделать следующие выводы. Замедлению роста СФП после 2008 г. способствовало ускорение роста цен на капитальные блага и приобретаемые бизнесом топливно-энергетические ресурсы, а также замедление темпов ликвидности. Относительно более быстрый рост совокупного спроса и мировой экономики после 2008 г. препятствовал этой тенденции.

Цены

На следующем рисунке (рис. 20) представлены графики роста основных дефляторов экономики России. Из него видно, что, во-первых, инфляция снижалась вплоть до 2014 года, затем этот процесс замедлился. Во-вторых, до 2012 г. очевиден более быстрый, чем общий индекс, рост цен на государственные закупки, транспортных тарифов и (рис. 19) приобретаемых топливно-энергетических ресурсов. Индекс потребительских цен рос более низкими темпами на большей части рассматриваемого периода.

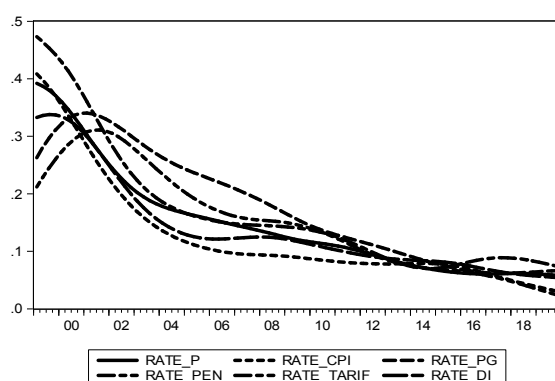

Рис. 20. Темпы роста дефлятора ВВП ($RATE_P$), индекса потребительских цен ($RATE_CPI$), дефлятора валового накопления основного капитала ($RATE_DI$), дефлятора государственных закупок ($RATE_PG$); источники: [1], расчеты авторов

График ценовых индексов в реальном исчислении (рис. 21) также дает картину инфляции в России. Оба рисунка четко показывают, что с точки зрения структурных сдвигов главными причинами инфляции в России был рост цен на государственные закупки, на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы и в меньшей степени транспортные тарифы.

Причины того, почему потребительские цены длительное время росли медленнее общего индекса цен, должно выяснить отдельное исследование, но априори можно выдвинуть гипотезу, что такой динамике способствовали:

- государственный контроль над потребительскими ценами;
- субсидирование отдельных потребительских товаров;
- реальное укрепление рубля (вплоть до 2010 г.);
- более высокая степень конкуренции на рынках потребительских товаров.

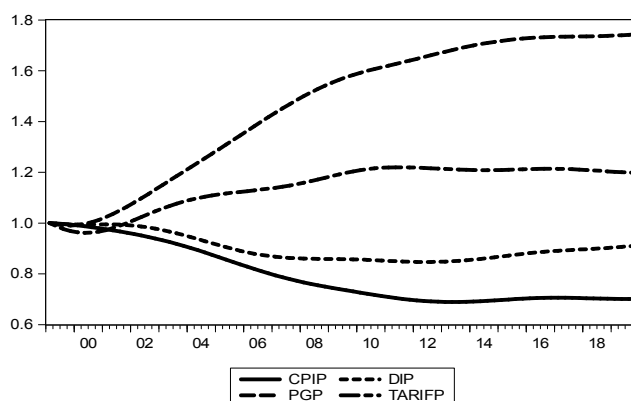

Рис. 21. Индекс потребительских цен (CPIP),
дефлятор валового накопления основного капитала (DIP),
дефлятор государственных закупок (PGP),
индекс тарифов на грузовых перевозки (TARIFP) в реальном исчислении (дефлятор ВВП),
Q1 1999 = 1; источники: [1], расчеты авторов

Следовательно, на основе рис. 21 можно сделать выводы а) о росте издержек в экономике России, что могло послужить снижению как СФП, так и инвестиций; б) о снижении относительной ценовой привлекательности производства потребительских товаров. С точки зрения теории австрийской школы [6, особенно с. 336–344; 7, с. 28–29] это может послужить одной из причин спада в экономике.

Рассмотрим теперь роль тех (помимо структурных) факторов инфляции, которые определяются эконометрическими уравнениями. Как показывает уравнение дефлятора ВВП, важнейшими факторами, определяющими его динамику, являются:

- дефлятор государственных закупок;
- «эффективная зарплата» (средняя зарплата 1 работника, деленная на производительность труда);
- денежная масса (в национальном определении);
- объем ВВП (отрицательно);
- долларový индекс экспортных цен;
- курс доллара.

О роли дефлятора государственных закупок как фактора инфляции сказано выше. Рост производства товаров и услуг способствует снижению цен, и потому замедление темпов ВВП усилило инфляцию.

Представленный ниже график (рис. 22) показывает рост «эффективной зарплат» в реальном исчислении (т. е., фактически, реальную стоимость труда для бизнеса): за весь рассматриваемый период она выросла почти на 35 %, что послужило важным фактором инфляции. Иными словами, реальная зарплата всегда росла быстрее производительности труда. Но все же этот рост постепенно снижался, что также замедляло инфляцию.

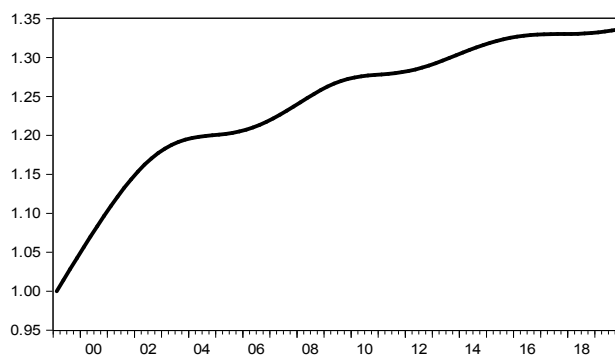

Рис. 22. Индекс «эффективной зарплат» в реальном исчислении (дефлятор ВВП), Q1 1999 = 1; источники: [1], расчеты авторов

Динамика трех остальных важнейших факторов, определяющих общую инфляцию, подробнее будет рассмотрена ниже в соответствующих разделах. Здесь приведем лишь график темпов роста денежной массы: он четко показывает их снижение вплоть до 2015 г., а затем стабилизацию, что послужило снижению инфляции (рис. 23).

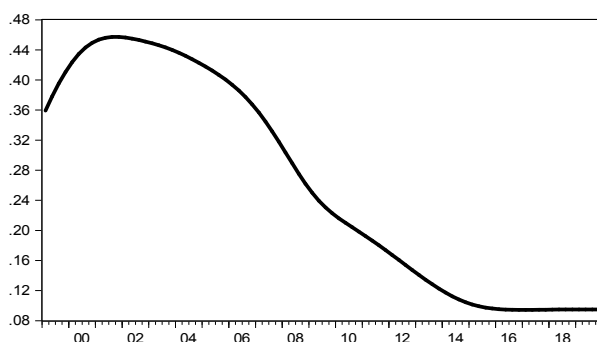

Рис. 23. Темпы роста денежной массы в национальном определении; источники: [2], расчеты авторов

Темпы роста экспортных цен заметно упали после 2008 г., а после 2013-го они вообще стали отрицательными (в долларовом исчислении), что также ослабило инфляцию. Темпы роста курса доллара, напротив, резко выросли после 2008 г., что усилило инфляцию.

Главными факторами, определяющими динамику *индекса потребительских цен* (CPI), являются:

- дефлятор ВВП;
- курс доллара;
- индекс экспортных цен;
- индекс импортных цен.

О динамике первых трех факторов было сказано выше. *Рублевый* индекс импортных цен заметно вырос после 2008 г., но это явилось следствием исключительно падения курса рубля, так как *долларовый* индекс импортных цен замедлил рост после 2008 г., а после 2013-го его рост вообще стал отрицательным. Соответственно, снижение общей инфляции и темпов экспортных цен замедлило рост потребительских цен; ослабление рубля после 2008 года, напротив, способствовало их росту.

Дефлятор государственных закупок и индекс тарифов на грузовые перевозки являются в нашей модели экзогенными переменными, так как определяются в значительной степени государственными решениями. Индекс цен на топливно-энергетические ресурсы, как показали эконометрические оценки, определяется, в первую очередь, следующими факторами:

- дефлятором валового накопления основного капитала;
- индексом тарифов на грузовые перевозки;
- курсом доллара;
- импортными ценами;
- денежной массой.

Интересно, что экспортные цены оказывают весьма слабое влияние на внутренние цены приобретаемых топливно-энергетических ресурсов. Вероятнее всего, это есть следствие государственного регулирования и высокой концентрации внутреннего рынка этих товаров. Поэтому причинами относительно высокого роста этих цен (как показано на рис. 19) послужили в первую очередь ослабление рубля и рост транспортных тарифов.

Дефлятор валового накопления основного капитала зависит от общей инфляции (дефлятора ВВП) и импортных цен. Также заметное влияние на него оказывают цены на топливно-энергетические ресурсы. Следовательно, ускорение роста данного дефлятора после 2012 г. можно связать с ослаблением рубля и ростом энергетических цен.

Таким образом, можно сделать общее заключение по данному разделу. Основными факторами, определившими рост цен в России в рассматриваемый период, были:

- а) рост оплаты государственных закупок в реальном исчислении;
- б) рост денежной массы;
- в) замедление роста объема производства
- г) рост курса доллара;
- д) рост зарплаты, опережающий рост производительности труда;
- е) опережающий рост цен на приобретаемые топливно-энергетические ресурсы и транспортных тарифов.

Социальный блок: доходы и потребление

Макроэкономический индикатор совокупных доходов граждан России в модели вычислялся по формуле:

$$INCOME = PQ + TRAN - REV, \quad (2)$$

где $INCOME$ – доходы;

PQ – объем ВВП в текущих ценах;

$TRAN$ – объем выплаченных гражданам социальных трансфертов;

REV – платежи граждан и организаций в пользу государства (налоги, неналоговые платежи и социальные взносы). Динамика этого индикатора в реальном исчислении представлена на следующем рисунке.

Мы видим, что за 2000–2019 гг. реальные доходы граждан России выросли в 2,8 раза (рис. 24). Поскольку численность населения России за это время не выросла (с учетом Крымского округа с 2015 года), данная величина характеризует внушительный рост реальных доходов на душу населения.

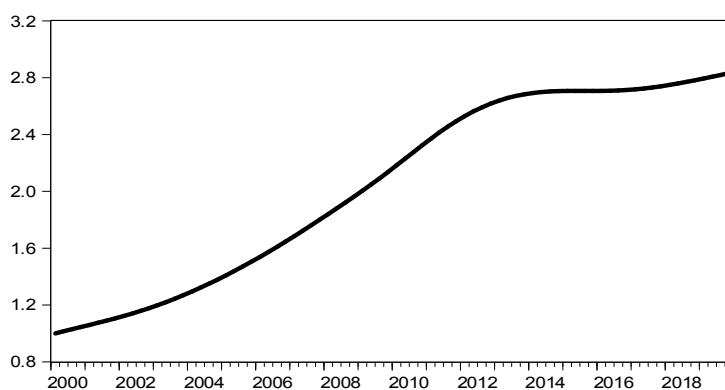

Рис. 24. Индекс реальных доходов граждан России (дефлятор CPI), Q1 2000 = 1;
источники: [1; 3], расчеты авторов

В то же время, как видно на рис. 25, рост реальных доходов граждан резко замедлился после 2010 года.

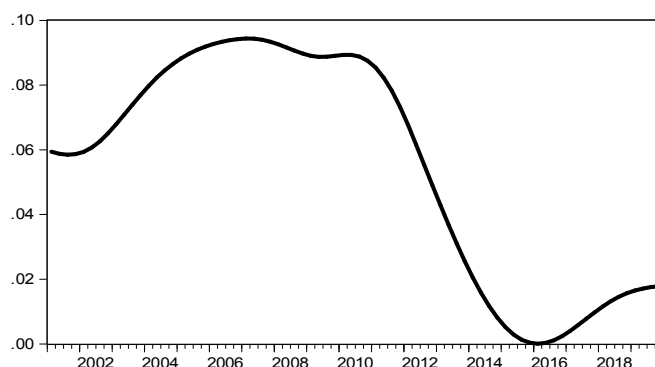

Рис. 25. Темпы роста реальных доходов граждан России (дефлятор CPI);
источники: [1; 3], расчеты авторов

Формула 2 позволяет объяснить это изменение. Во-первых, это резкое замедление роста ВВП – источника доходов факторов производства и пополнения бюджета. Во-вторых, удельный вес платежей в пользу государства в ВВП – источник бюджетных и внебюджетных выплат, – как это видно на рис. 26, в 2019 г. был примерно на 2 % выше, чем в 2015-м. Иными словами, это означает усиление общего налогового бремени, к чему мы вернемся ниже.

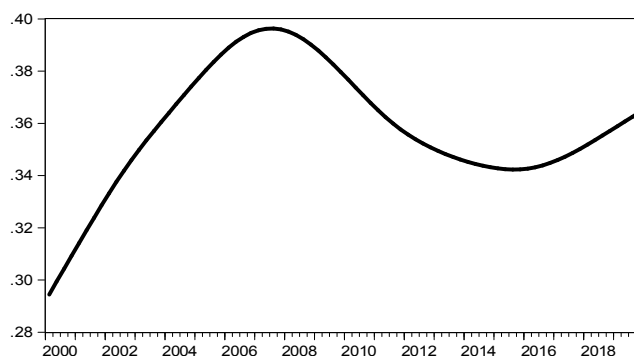

Рис. 26. Отношение платежей граждан и организаций в пользу государства к ВВП;
источники: [1; 3], расчеты авторов

На следующем рисунке (27) показано, как росли отдельные элементы доходов граждан России.

В качестве зарплаты была взята величина валовой зарплаты из системы национальных счетов за вычетом уплаченного подоходного налога и социальных взносов.

В качестве прибыли взята валовая прибыль из системы национальных счетов, и из нее вычтены уплаченные налог на прибыль и НДС.

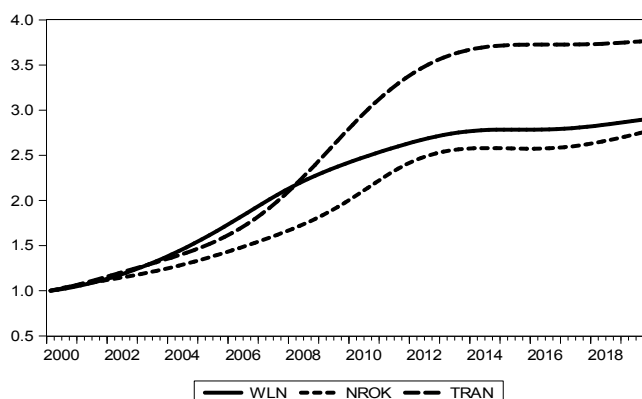

Рис. 27. Индекс чистой зарплаты (WLN), чистой прибыли (NROK) и социальных трансфертов в реальном исчислении (дефлятор CPI), Q1 2000 = 1; источники: [1; 3], расчеты авторов

Мы видим, что в наибольшей степени с 2000 г. выросли трансферты (почти в 3,8 раза в реальном исчислении).

С учетом того, что численность населения старше трудоспособного возраста выросла за этот период примерно на 25 % (мы используем этот показатель, так как не знаем точного числа получателей трансфертов), такая динамика означает внушительный рост реальных доходов получателей трансфертов.

Зарплаты и прибыли выросли за указанный период примерно в 2,9 и 2,7 раза в реальном исчислении, соответственно. Поскольку численность занятых (как показал выше рис. 3) выросла лишь примерно на 15 %, такая динамика означает также серьезный рост средней реальной зарплаты 1 работника.

Рассмотрим теперь причины роста зарплаты – главного источника дохода работающих граждан.

Главным фактором, определяющим величину средней зарплаты, является чистый предельный продукт труда, вычисляемый по формуле:

$$NMPL = (1 - sttax) \times \frac{\partial F(K, L)}{\partial L}, \quad (3)$$

где $NMPL$ – чистый предельный продукт труда;

$\frac{\partial F(K, L)}{\partial L}$ – производная по труду макроэкономической производственной функции;

$sttax$ – удельный вес налогов на бизнес в ВВП:

$$sttax = \frac{TTAX}{PQ} \quad (\text{где } TTAX = \text{косвенные налоги} + \text{налог на прибыль} + \text{НДПИ, по-}$$

ступившие в государственный бюджет¹; PQ – ВВП в текущих ценах).

Следующий рисунок (28) показывает соотношение динамики двух величин – реальной средней зарплаты 1 работника и чистого предельного продукта труда.

Дефлятором реальной зарплаты здесь служит дефлятор ВВП, поэтому ее величина отражает то, сколько 1 работник в среднем стоит бизнесу, а не покупательную способность зарплаты.

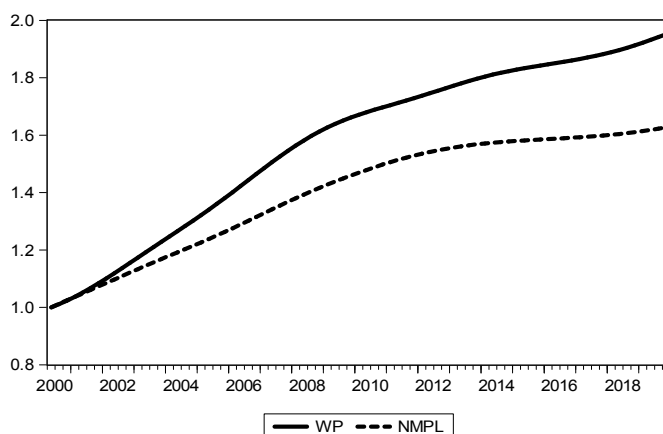

Рис. 28. Индекс средней реальной зарплаты 1 работника (WP), дефлятор ВВП, и чистого предельного продукта труда (NMPL), $Q2\ 2000 = 1$;
источники: [1], расчеты авторов

Мы видим, что реальная стоимость 1 работника выросла почти в два раза, тогда как чистый предельный доход от труда вырос примерно на 60 % за 20-летний период.

¹ НДФЛ и социальные взносы не входят в эту величину, так как включены в величину валовой зарплаты.

На рис. 29 показано, что темпы роста реальной зарплаты почти всегда опережали темпы чистого предельного продукта труда.

Но при этом оба показателя идут почти «рука об руку» – замедление второго обусловило замедление роста зарплаты.

В свою очередь снижение темпов чистого предельного продукта труда есть следствие медленного замещения труда капиталом (результат недостаточного объема инвестиций) и стагнации совокупной факторной производительности.

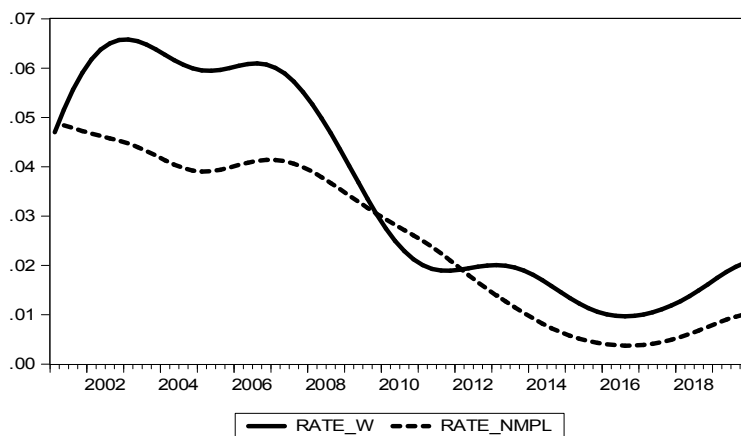

Рис. 29. Темпы роста средней реальной зарплаты 1 работника (RATE_WP), дефлятор ВВП, и чистого предельного продукта труда (RATE_NMPL); источники: [1], расчеты авторов

Тем не менее, если сравнить абсолютные значения средней номинальной зарплаты 1 работника (в системе национальных счетов) и чистого предельного дохода от труда, то первые в 2019 г. были более чем на 20 % ниже второго. Разрыв между двумя величинами быстро сокращался с 32 % в 2000 г. до 19 % в 2008-м, но затем вновь увеличился и после 2012 года не сокращался. Это значит, что труд в России все еще оплачивается недостаточно по сравнению с уровнем его производительности и с ценами на продукцию, производимую с его помощью.

Определенные различия динамики стоимости труда и его предельной производительности свидетельствуют о том, что зарплата определяется и другими факторами.

Уравнение модели показывает, что наиболее важные среди них:

- удельный вес государственных закупок в ВВП – отрицательно (возможно, потому, что бюджетная зарплата в среднем ниже рыночной);
- удельный вес импорта в ВВП – отрицательно (конкуренция с импортными товарами снижает спрос на труд);
- удельный вес экспорта в ВВП – положительно (в экспортных отраслях зарплата выше);
- предложение труда и безработица – отрицательно;
- ликвидность экономики, выраженная объемом реальных кассовых остатков, – положительно;
- величина минимальной зарплаты – положительно.

Следовательно, помимо динамики чистого предельного продукта труда, фактический рост зарплаты определялся:

- 1) снижением темпов роста импорта и увеличением экспорта в последние годы;
- 2) замедлением темпов предложения труда и снижением уровня безработицы;
- 3) ростом ликвидности экономики;
- 4) повышением МРОТ.

Следующий рисунок (30) показывает динамику МРОТ в реальном исчислении. За рассматриваемый период она выросла в реальном исчислении почти в 30 раз (не стоит забывать, однако, что с очень низкого исходного уровня).

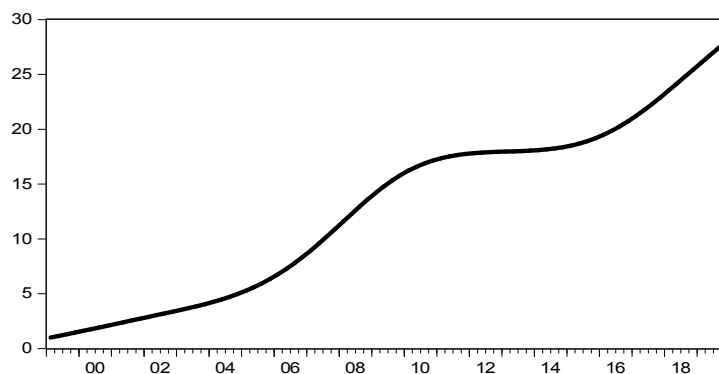

Рис. 30. Индекс минимальной заработной платы (МРОТ) в реальном исчислении, дефлятор CPI, Q1 1999 = 1; источники: [1], расчеты авторов

Рост реальных доходов граждан России определил динамику их потребительских расходов. На следующем рисунке (31) представлены два графика.

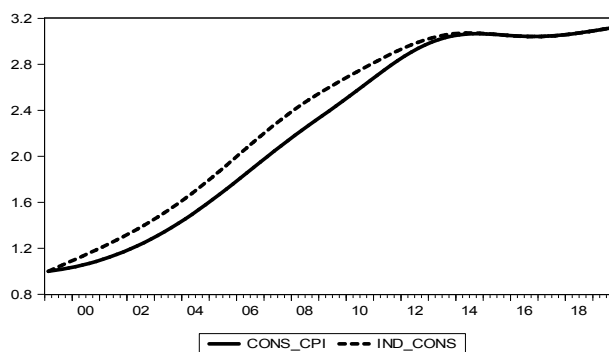

Рис. 31. Индексы потребительских расходов домашних хозяйств, Q1 1999 = 1; источники: [1], расчеты авторов

Один график на рис. 31 – это кумулятивный индекс, рассчитанный на основе квартальных индексов физических объемов элементов использования ВВП, он обозначен IND_CONS. Второй индекс был получен простым дефлированием данных о величине потребительских расходов в номинальном исчислении кумулятивным дефлятором CPI, он обозначен CONS_CPI. Как мы видим, два индекса близки друг другу и показывают, что объем потребительских расходов в физическом выражении вырос примерно в 3,1 раза за 20-летний период, что отражает внушительный рост благосостояния граждан России. Но, как показывает рис. 32, после 2005 г. темпы обоих показателей неуклонно падали вплоть до почти нулевых значений в 2015–2016 гг.

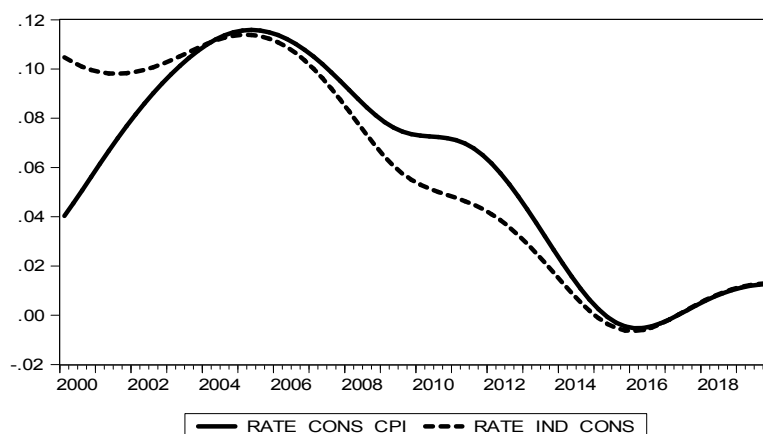

Рис. 32. Темпы роста потребительских расходов домашних хозяйств;
источники: [1], расчеты авторов

Следующий рисунок (33) отражает долю потребительских расходов домашних хозяйств в ВВП.

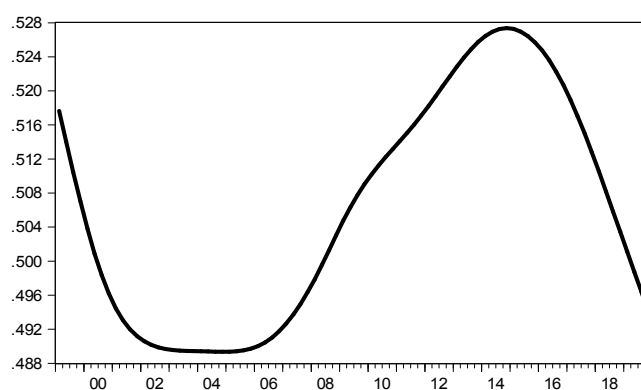

Рис. 33. Потребительские расходы домашних хозяйств как доля ВВП;
источники: [1], расчеты авторов

По данным рис. 33 видно, что а) эта доля заметно снизилась после 2014 года (с 53 % до 49 %); б) она гораздо ниже, чем этот показатель в развитых странах, что свидетельствует об относительно низком уровне потребительских расходов граждан России.

Причины такой динамики, состоят, во-первых, в остановке роста потребления после 2013 г. (что видно из предыдущего графика), а во-вторых, как указывает график на рис. 34, до 2012 г. потребительские цены росли медленнее дефлятора ВВП. Но после 2012 года данная тенденция была приостановлена.

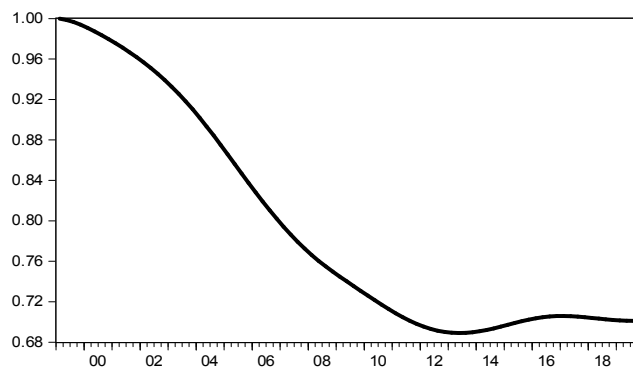

Рис. 34. Индекс потребительских цен в реальном исчислении (дефлятор ВВП),
Q1 1999 = 1; источники: [1], расчеты авторов

Как показывает эконометрическое уравнение, реальные доходы граждан – основной фактор, определяющий потребительские расходы. Сравнение графиков на рис. 24 и 31 говорит о том, что в целом потребительские расходы росли несколько быстрее реальных доходов граждан, что объясняется, скорее всего, развитием потребительского кредита. Но остановка роста расходов после 2012 г. есть прямое следствие замедления роста доходов.

Таким образом, можно сделать вывод, что рост доходов и потребительских расходов граждан России поддерживался ростом производительности экономики, МРОТ и социальных трансфертов, а также снижением безработицы. Но замедление роста совокупной производительности после 2008 г. и недостаточные инвестиции ослабили рост предельной производительности труда и реальной зарплаты. Следствием стало замедление роста государственных доходов и социальных трансфертов. Инфляционные факторы привели к относительному повышению цен потребительских товаров. Все вместе это замедлило рост потребления.

Инвестиции

На следующем рисунке (35) представлены два графика физического объема валового накопления основного. Один из них – кумулятивный индекс, рассчитанный на основе квартальных индексов физических объемов элементов использования ВВП, он обозначен IND_I. Второй – кумулятивный индекс, полученный дефлированием данных о валовом накоплении основного капитала в текущих ценах дефлятором валового накопления основного капитала, он обозначен I_DI.

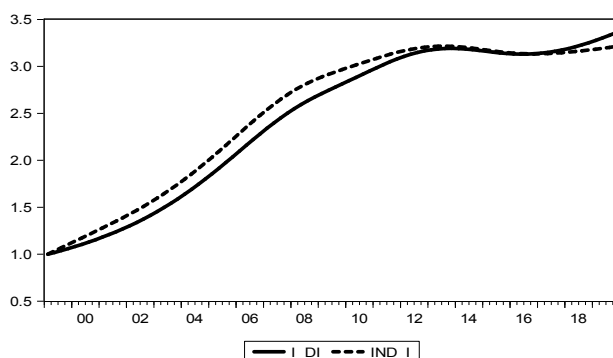

Рис. 35. Индекс валового накопления основного капитала, Q1 1999 = 1;
источники: [1], расчеты авторов

Мы видим, что оба индекса близки друг другу и показывают, что:

- а) за 20-летний период физический объем валового накопления основного капитала вырос в 3,2–3,3 раза;
- б) после 2013 года этот рост почти остановился, как это видно на рис. 36.

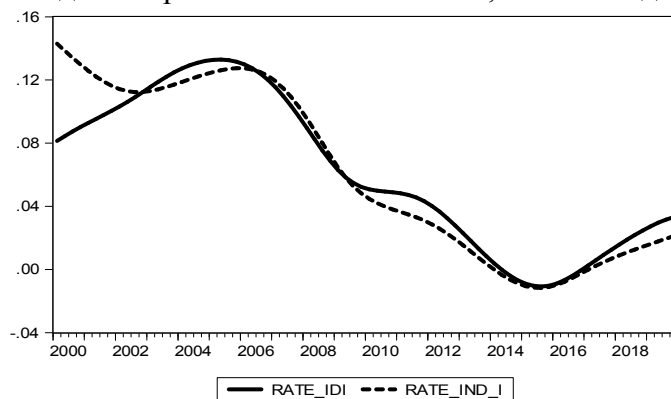

Рис. 36. Темпы роста валового накопления основного капитала;
источники: [1], расчеты авторов

Ниже представлен график доли валового накопления основного капитала в ВВП (37). Как мы видим, эта доля росла до 2010 года, но затем остановилась на уровне примерно 21 %, что неплохо по среднемировым критериям, но совершенно недостаточно для того, чтобы достичь уровня благосостояния развитых стран в ближайшие десятилетия.

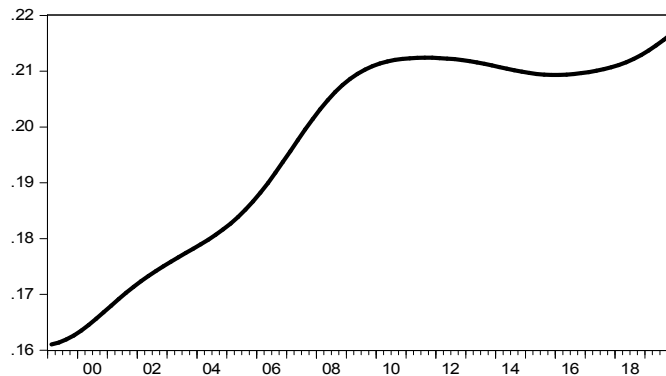

Рис. 37. Валовое накопление основного капитала как доля ВВП;
источники: [1], расчеты авторов

На следующем рисунке (38) приведен индекс реальных цен на капитальные блага. Мы видим, что до 2012 года их динамика способствовала инвестициям: капитальные блага в реальном отношении становились дешевле. Но после 2012 года эта тенденция изменилась, объяснение чему было дано выше, в разделе цен, и что обусловило некоторое повышение доли инвестиций в ВВП в данный период.

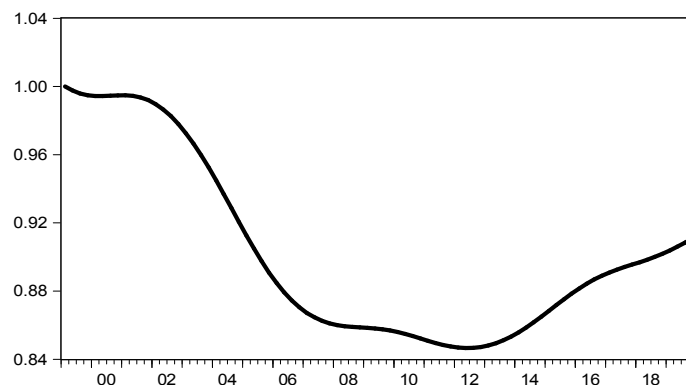

Рис. 38. Индекс дефлятора валового накопления основного капитала в реальном исчислении (дефлятор ВВП), Q1 1999 = 1; источники: [1], расчеты авторов

Для целей эконометрического анализа инвестиции в основной капитал разбивались на три вида по источникам финансирования:

- 1) за счет собственных средств;
- 2) за счет банковских кредитов;
- 3) за счет государственных средств.

Соответственно оценивались три отдельных уравнения.

Индекс физического объема инвестиций в основной капитал за счет собственных средств организаций представлен на рис. 39. Как мы видим, он вырос в 3,3 раза за более чем 20 лет, но после 2005 г. имеет место постепенное снижение темпов роста (они несколько выросли вновь после 2016 г.).

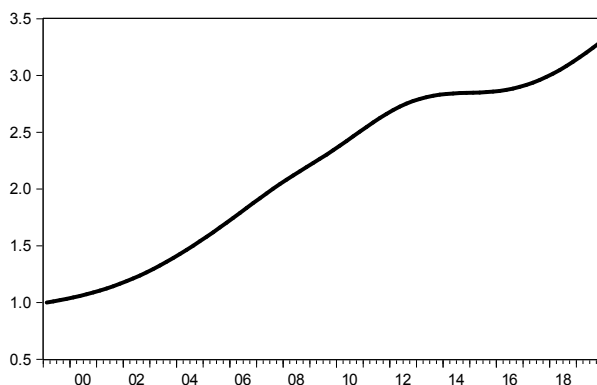

Рис. 39. Индекс инвестиций в основной капитал за счет собственных средств (дефлятор валового накопления основного капитала), Q1 1999 = 1; источники: [1], расчеты авторов

Каковы причины такой динамики этого индекса? Как показывает уравнение этой величины, основными факторами, влияющими на объем этого вида инвестиций, являются следующие:

- чистый предельный доход на основной капитал;
- чистая прибыль;
- инвестиции за счет средств государственного бюджета и внебюджетных фондов;
- объем денежной массы (ликвидность экономики).

Величина чистой прибыли в модели считается по формуле

$$NROK = ROK - PTAX - NATTAX, \quad (4)$$

где $NROK$ – чистая прибыль;

ROK – валовая прибыль, определяемая в системе национальных счетов;

$PTAX$ – уплаченный налог на прибыль;

$NATTAX$ – уплаченный НДС.

То есть полученная величина не является чистой прибылью в бухгалтерском смысле, так как включает начисленную амортизацию. Из-за отсутствия соответствующих статистических данных мы не могли учесть последнюю в расчете в формуле (4). Соответственно, расчет влияния чистой прибыли на объем инвестиций основан на допущении о фиксированном соотношении между чистой прибылью и амортизацией, а величину, полученную в формуле (4), следует интерпретировать просто как источник собственных средств для инвестиций в основной капитал.

Приведенный на рис. 40 график показывает, что:

- 1) величина чистой прибыли выросла в 2,3 раза в неизменных ценах за весь рассматриваемый период; следовательно, на объем инвестиций за счет собственных средств, который вырос в большей степени, влияли также иные факторы;
- 2) величина чистой прибыли почти не росла после 2013 года.

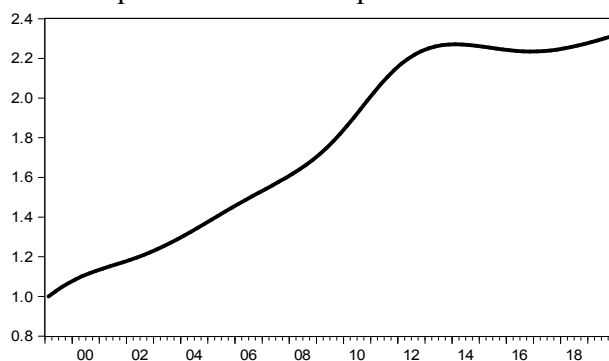

Рис. 40. Индекс чистой прибыли (дефлятор валового накопления основного капитала), Q1 1999 = 1; источники: [1], расчеты авторов

Каковы причины замедления роста чистой прибыли?

Во-первых, это замедление ВВП, ее основного источника. Перераспределение ВВП как таковое роли не сыграло – доли валовой зарплаты и косвенных налогов в ВВП снижались, а доля валовой прибыли – повышалась за последние десять лет.

Во-вторых – это увеличение налогообложения самой валовой прибыли: быстрый рост уплаченного налога на добычу полезных ископаемых (НДПИ) и (после 2014 г.) – налога на прибыль. Так, после 2012 г. величина уплаченного НДПИ в неизменных ценах выросла более чем в два раза, а налога на прибыль – на 37 % (после 2014 г.). Следовательно, можно утверждать, что после 2014 г. налогообложение прибыли усилилось, что стало еще одним препятствием для инвестиций в основной капитал из собственных средств.

Следующий рисунок (41) представляет собой график чистого предельного дохода на основной капитал (руб/руб.), который вычисляется по формуле:

$$NMRK = (1 - sttax) \varepsilon_K \frac{PQ}{K}, \quad (5)$$

где $NMRK$ – чистый предельный доход на основной капитал;

$sttax$ – удельный вес налогов на бизнес (косвенных налогов, налога на прибыль и на добычу полезных ископаемых) в ВВП;

PQ – ВВП в текущих ценах;

K – объем основного капитала в текущих ценах;

ε_K – эластичность выпуска по основному капиталу в двухфакторной макроэкономической производственной функции.

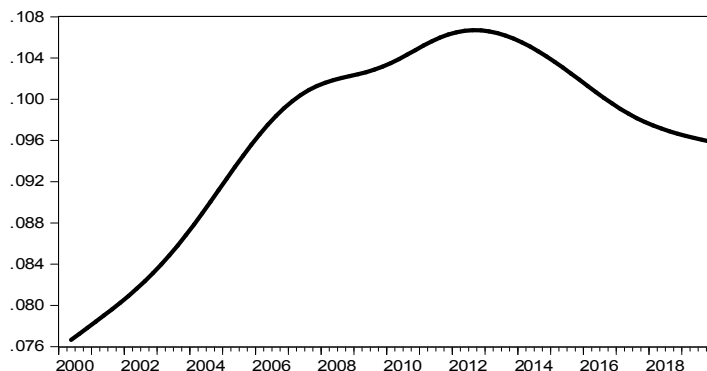

Рис. 41. Чистый предельный доход на 1 руб. основного капитала (руб.);
источники: [1], расчеты авторов

Мы видим, что: а) для экономики с высокими рисками величина чистого предельного дохода на основной капитал невелика; б) она снижалась после 2012 года, что отражает, во-первых, замещение труда капиталом, во-вторых (и главное) стагнацию совокупной факторной производительности, о чем говорилось выше. Все это послужило еще одной причиной замедления инвестиций после 2012 года.

Третья причина замедления инвестиций – падение их объема за счет средств государства, о чем речь пойдет ниже.

Государственные инвестиции в России как бы «подпирают» инвестиции частные, и потому падение первых не могло не сказаться отрицательно на динамике вторых.

Наконец, рост частных инвестиций стимулировался ростом ликвидности экономики. Реальные кассовые остатки быстро росли в рассматриваемый период, но после 2008 г. этот рост существенно замедлился. Ниже мы вернемся к этому вопросу.

Следующий график (рис. 42) представляет динамику инвестиций в основной капитал за счет средств федерального и субфедеральных бюджетов, а также средств внебюджетных фондов.

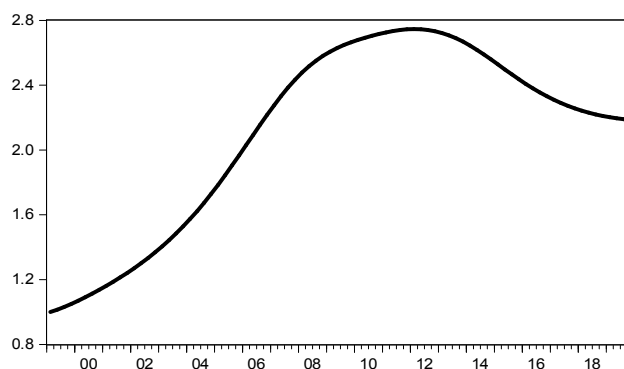

Рис. 42. Индекс инвестиций в основной капитал за счет средств государственного бюджета и внебюджетных фондов (дефлятор валового накопления основного капитала), $Q1\ 1999 = 1$; источники: [1], расчеты авторов

По рис. 42 мы видим, что хотя за весь рассматриваемый период эти инвестиции выросли более чем в два раза в физическом объеме, но после 2005 г. темпы их роста драматически упали, а после 2012 г. они сокращались *абсолютно*.

Каковы причины сокращения государственных инвестиций? Ниже на рис. 43 представлен график доходов государства в неизменных ценах – их основного финансового источника. Как мы видим, за весь период они выросли более чем в 3,2 раза. И хотя темп их роста неуклонно сокращался, а в 2009–2016 гг. был весьма небольшим, в целом их рост превышал рост государственных инвестиций. Значит, помимо доходов бюджета на объем последних заметное влияние оказали и другие факторы, а все большая часть бюджета шла не на инвестиционные, а на текущие цели.

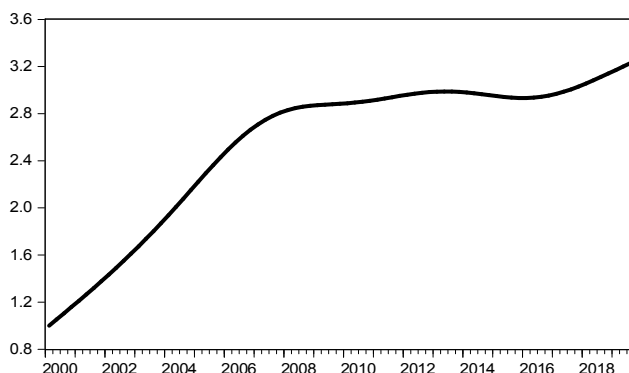

Рис. 43. Индекс доходов государственного бюджета и внебюджетных фондов (дефлятор валового накопления основного капитала), $Q1\ 2000 = 1$; источники: [1; 3]; расчеты авторов

Анализ данных показывает, что индекс физического объема государственных закупок за рассматриваемый период вырос более чем в 2,5 раза, но после 2012 г. почти не рос. Следовательно, можно сделать вывод, что основной растущей статьей расходов государства были *трансферты* (что подтверждается приведенным выше графиком на рис. 27). Ниже мы вернемся к рассмотрению этих вопросов.

Следующий ниже график (рис. 44) подтверждает этот вывод. Он показывает, что отношение инвестиций за счет средств государства к совокупным доходам государственного бюджета и внебюджетных фондов заметно снизилось.

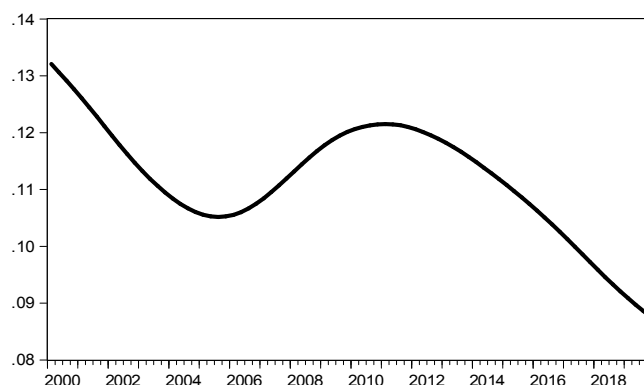

Рис. 44. Отношение инвестиций в основной капитал за счет средств государственного бюджета и внебюджетных фондов к величине доходов государственного бюджета и внебюджетных фондов; источники: [1; 3], расчеты авторов

Наконец, инвестиции в основной капитал финансируются также банковскими кредитами. Индекс их роста представлен на следующем графике (рис. 45).

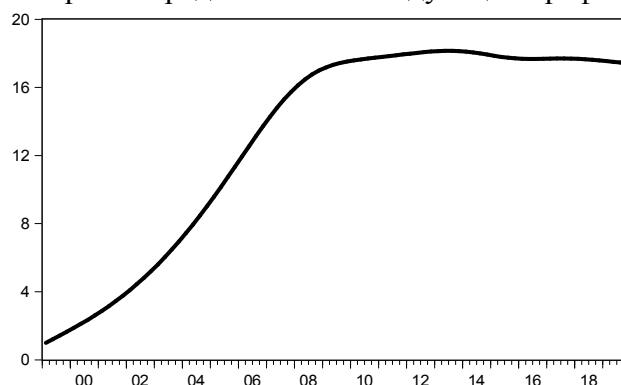

Рис. 45. Индекс инвестиций в основной капитал за счет банковских кредитов (дефлятор валового накопления основного капитала), Q1 1999 = 1; источники: [1], расчеты авторов

Мы видим, что физический объем этого вида инвестиций вырос за рассматриваемый период более чем в 17 раз, но после 2012 года он почти не растет. Попытаемся понять причины такой динамики.

Главный источник финансирования этой части инвестиций – банковские кредиты бизнесу, они представлены на следующем графике (рис. 46).

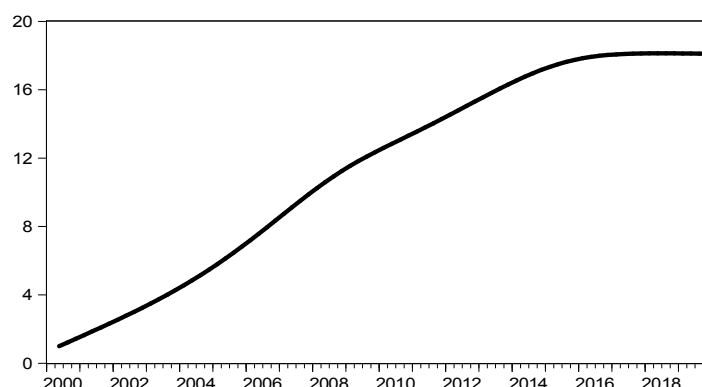

Рис. 46. Индекс банковских кредитов организациям (дефлятор валового накопления основного капитала), Q2 2000 = 1; источники: [1; 2]; расчеты авторов

Мы видим, что объем этих кредитов в реальном исчислении за рассматриваемый период вырос примерно в 18 раз, их рост замедлился до очень низких значений, но лишь после 2016 года.

Следующий рисунок (47) показывает, что отношение инвестиций в основной капитал за счет банковских кредитов к своему источнику – совокупному объему банковских кредитов организациям достигло своего пика в 2006 году, но затем оно неуклонно снижалось.

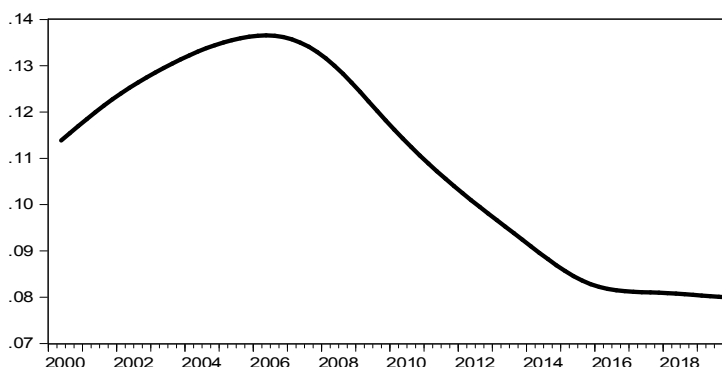

Рис. 47. Отношение инвестиций в основной капитал за счет банковских кредитов к совокупному объему банковских кредитов организациям;
источники: [1; 2]; расчеты авторов

Отсюда можно заключить, что после 2006 г. все бóльшая часть банковских кредитов направлялась не на инвестиционные, а на текущие цели, а также действовали какие-то факторы, уменьшавшие долю кредитов, направляемую на инвестиции.

Основываясь на анализе эластичностей соответствующего уравнения, среди этих факторов можно отметить:

- падение чистого предельного дохода на основной капитал (см. выше, рис. 41);
- снижение объема инвестиций за счет средств государственного бюджета (см. выше, рис. 42);
- рост государственных закупок, идущих на текущие нужды (т. н. «эффект вытеснения», см.: [8, р. 262–266]).

Таким образом, по разделу инвестиций можно сделать следующие заключения.

1. На протяжении длительного времени действовали факторы, способствующие инвестициям в основной капитал. Среди них были:

- а) относительное удешевление капитальных благ до 2012 г.;
- б) рост прибылей бизнеса;
- в) рост чистого предельного дохода на основной капитал (до 2012 г.);
- г) рост доходов государственного бюджета;
- д) рост банковского кредитования и ликвидности экономики.

2. В то же время после 2012 г. действие этих факторов либо замедлилось, либо прекратилось совсем (особенно это относится к пунктам а) и в)).

Фундаментальным фактором, препятствующим инвестициям, была стагнация совокупной факторной производительности после 2008 г., что вылилось в падение чистого предельного дохода на основной капитал. Замедление роста рабочей силы лишь усилило эти процессы.

3. Фактором, препятствовавшим инвестициям на протяжении всего периода, был быстрый рост государственных расходов на текущие нужды – закупки и трансферты.

Банковская система

Рассмотрим теперь динамику банковской системы России.

На следующем рисунке (48) представлены графики реальных объемов рублевых и валютных вкладов граждан.

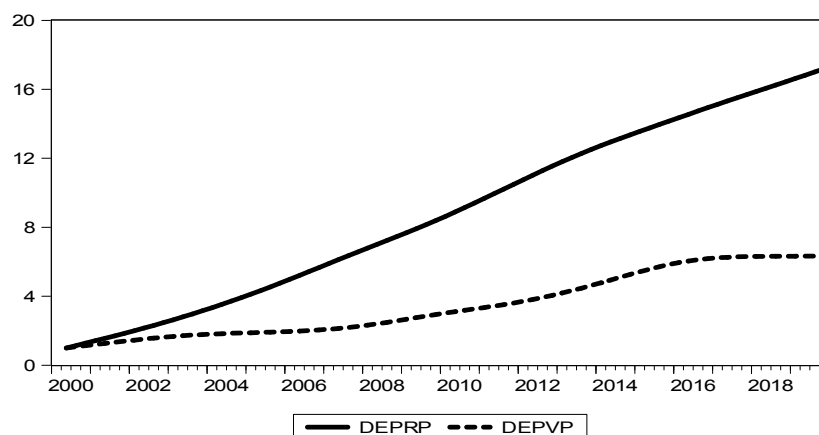

Рис. 48. Индекс рублевых (DEPRP) и валютных (DEPVP) банковских депозитов граждан в реальном исчислении (дефлятор ВВП), Q2 2000 = 1; источники: [1; 2]; расчеты авторов

Как мы видим, за рассматриваемый период первые выросли более чем в 17 раз, вторые – более чем в 6 раз, что означает внушительное укрепление российской банковской системы и доверия граждан к национальной валюте.

Однако, как показывает следующий рисунок (49),

- а) темпы роста этих депозитов в реальном исчислении неуклонно снижались;
- б) рост рублевых депозитов устойчиво опережал рост валютных депозитов, лишь до 2008 года;
- в) в 2009–2014 гг. увеличились темпы роста валютных депозитов.

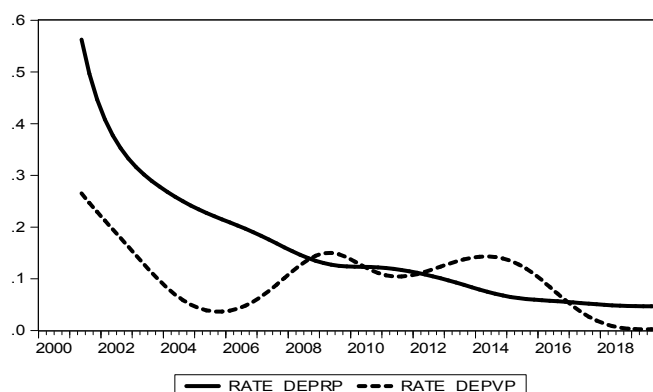

Рис. 49. Темпы роста рублевых (RATE_DEPRP) и валютных (RATE_DEPVP) банковских депозитов граждан в реальном исчислении (дефлятор ВВП); источники: [1; 2]; расчеты авторов

Как мы видим на следующем графике (рис. 50), отношение банковских депозитов к доходам граждан также неуклонно росло, увеличившись с 6 % в начале периода до 36 % в его конце, что отражает укрепление банковской системы и рост благосостояния граждан.

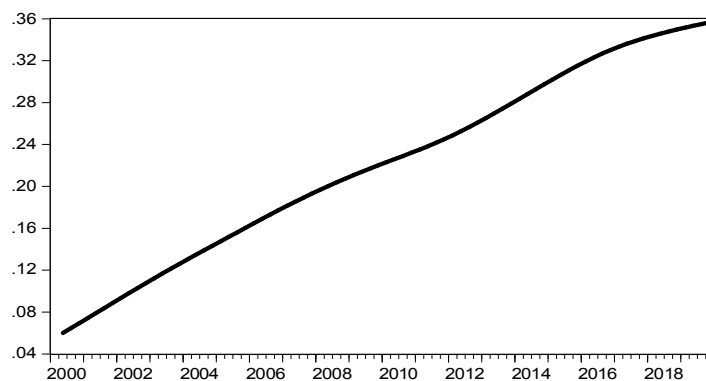

Рис. 50. Отношение совокупных банковских депозитов граждан к доходам граждан;
источники: [1; 2]; расчеты авторов

Как показывает эконометрическое уравнение, на рост банковских депозитов граждан наибольшее влияние оказывает ряд факторов:

- уровень доходов;
- ликвидность экономики;
- объем государственных закупок;
- структура доходов.

Следующие ниже графики и анализ данных свидетельствуют о том, что основными причинами, объясняющими рост депозитов граждан, были рост их доходов и ликвидности экономики. Действие прочих факторов было не столь однозначным.

Следующий рисунок (51) отражает динамику остатков на рублевых и валютных депозитах и счетах организаций.

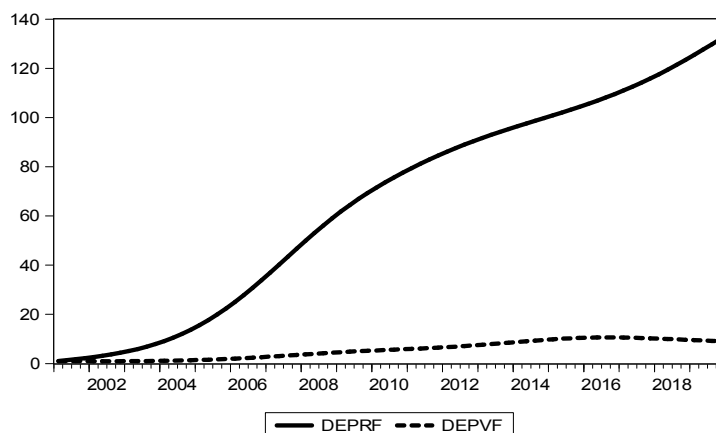

Рис. 51. Индекс рублевых (DEPRF) и валютных (DEPVF) банковских депозитов и остатков на счетах организаций в реальном исчислении (дефлятор ВВП), Q1 2001 = 1;
источники: [1; 2]; расчеты авторов

Как мы видим, здесь различия динамики рублевых и валютных счетов различаются еще больше: первые выросли в 130 раз, вторые – лишь в 9 раз в реальном исчислении за весь рассматриваемый период. И это – еще одно свидетельство укрепления российской банковской системы и доверия к национальной валюте.

Тем не менее, как мы видим из следующего рисунка (52), эти темпы неуклонно падали, а рост рублевых остатков устойчиво опережал рост валютных остатков лишь до 2008 года.

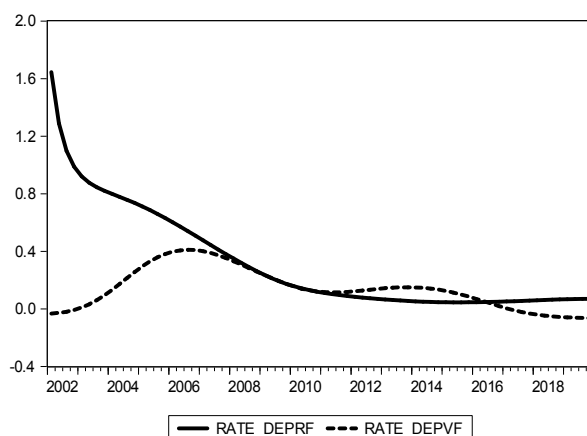

Рис. 52. Темпы роста рублевых ($RATE_DEPRF$) и валютных ($RATE_DEPVF$) банковских депозитов и остатков на счетах организаций в реальном исчислении (дефлятор ВВП); источники: [1; 2]; расчеты авторов

Как показывают эконометрические уравнения, главными факторами, оказывавшими влияние на рост депозитов и остатков на банковских счетах организаций, были следующие:

1. Ликвидность экономики.
2. Изъятие средств со счетов в виде наличности (отрицательное).
3. Объем государственных закупок и трансфертов (отрицательное).
4. Объем выплат в пользу государства (отрицательное).
5. Объем экспорта и импорта (положительное, но только для валютных остатков).

Таким образом, устойчивым фактором роста остатков на банковских счетах организаций стал рост ликвидности экономики и снижение доли наличности в сделках (см. ниже).

Рост реальных процентных ставок, о чем речь пойдет ниже, мог также способствовать привлекательности банковских вкладов. Рост объемов экспорта и импорта способствовал росту остатков на валютных счетах.

Как показывает следующий рисунок (53), объемы банковских кредитов организациям также заметно выросли: рублевые кредиты – в 18 раз в реальном исчислении, валютные – почти в 8 раз, что еще раз подчеркивает укрепление банковской системы России.

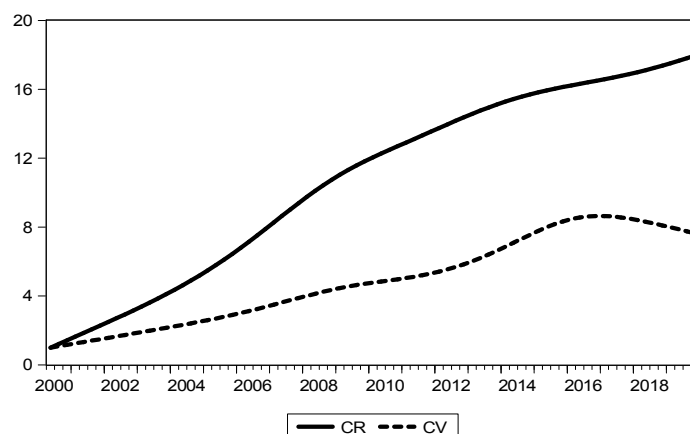

Рис. 53. Индекс рублевых (CR) и валютных (CV) банковских кредитов организациям в реальном исчислении (дефлятор ВВП), $Q2\ 2000 = 1$; источники: [1; 2]; расчеты авторов

Но темпы их роста падают, как показывает следующий рисунок (54).

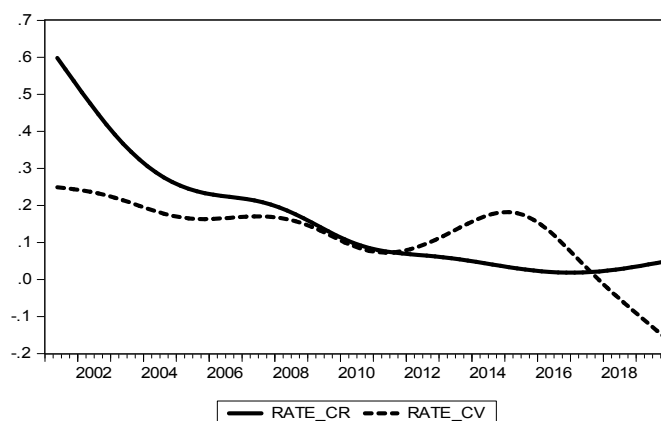

Рис. 54. Темпы роста рублевых ($RATE_CR$) и валютных ($RATE_CV$) банковских кредитов организациям в реальном исчислении (дефлятор ВВП);
источники: [1; 2]; расчеты авторов

Следующий график (рис. 55) показывает отношение совокупных (рублевых и валютных) кредитов организациям к ВВП, что может служить индикатором степени развитости банковской системы страны и уровня ликвидности экономики. Мы видим, что оно неуклонно росло вплоть до 2016 г. включительно, достигнув величины 36 %, но затем ее рост остановился. В целом эта величина пока весьма мала по сравнению с развитыми странами.

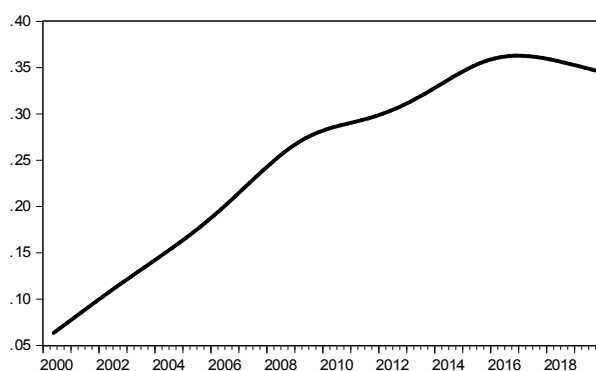

Рис. 55. Отношение совокупных банковских кредитов организациям к ВВП;
источники: [1; 2]; расчеты авторов

Основным источником средств и главным фактором в эконометрических уравнениях, определяющим объем кредитов, является объем остатков средств на банковских депозитах и счетах.

Два следующих графика показывают отношение кредитов к своему источнику (рис. 56 и 57).

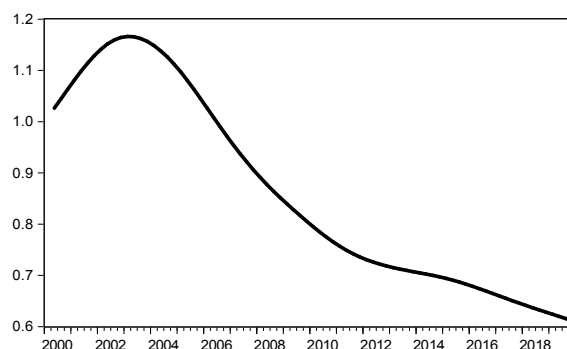

Рис. 56. Отношение рублевых банковских кредитов организациям к совокупным рублевым депозитам и остаткам на рублевых банковских счетах;
источники: [1; 2]; расчеты авторов

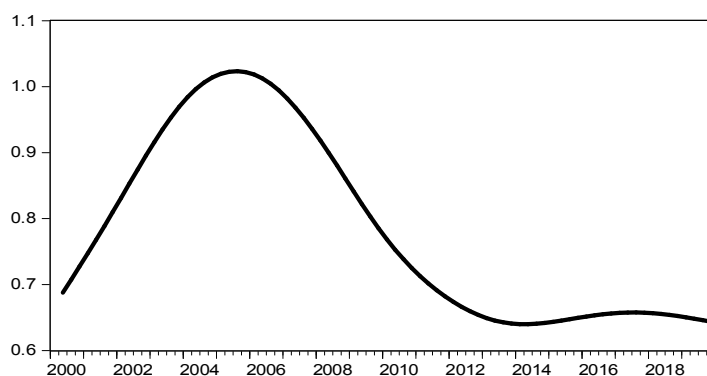

Рис. 57. Отношение валютных банковских кредитов организациям к совокупным валютным депозитам и остаткам на валютных банковских счетах; источники: [1; 2]; расчеты авторов

Мы видим, что отношение кредитов к своему источнику неуклонно снижалось последние 15 лет с уровня, превышающего 1, до примерно 0,6, что отражает снижение склонности банков кредитовать бизнес. Объяснением может служить

- развитие потребительского кредитования, которое занимает все бóльшую долю банковских ресурсов;
- снижение чистого предельного дохода на основной капитал, что уменьшает выгодность кредитов;
- замедление роста экономики в целом;
- рост реальных процентных ставок, что снижало спрос на кредиты, о чем речь пойдет ниже.

Действительно, как показывает следующий рисунок (58), банковские кредиты гражданам с 2002 г. выросли почти в 35 раз в реальном исчислении, правда, с очень низкого начального уровня.

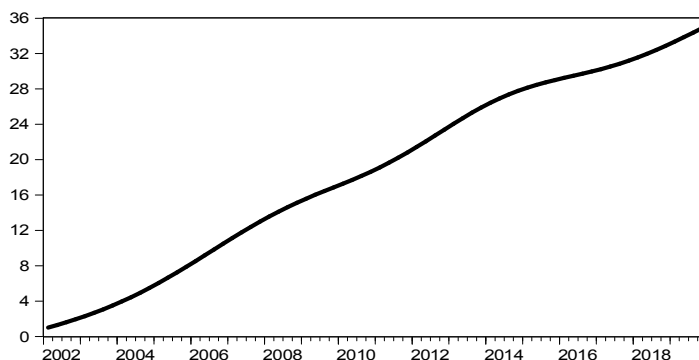

Рис. 58. Индекс потребительских банковских кредитов в реальном исчислении (дефлятор ВВП), Q1 2002 = 1; источники: [1; 2]; расчеты авторов

Однако их темпы роста неуклонно снижались вплоть до 2016 г. (рис. 59), после чего вновь стали расти.

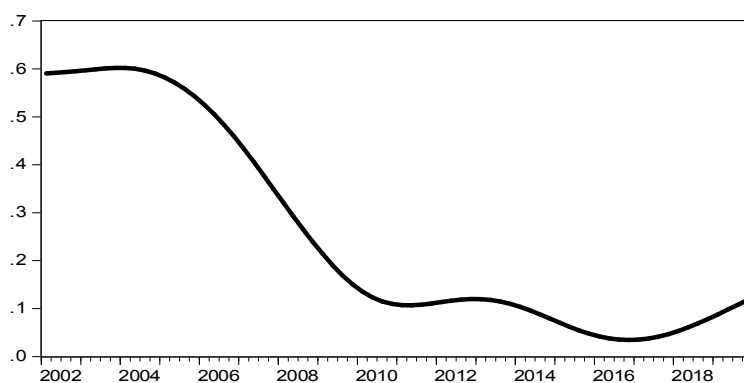

Рис. 59. Темпы роста потребительских банковских кредитов в реальном исчислении (дефлятор ВВП); источники: [1; 2]; расчеты авторов

Как мы видим из следующего рисунка (60), отношение потребительских кредитов к ВВП заметно выросло – с почти нулевого уровня в 2002 г. до почти 14 % в настоящее время. Но, по сравнению с развитыми странами, это все еще очень низкий уровень.

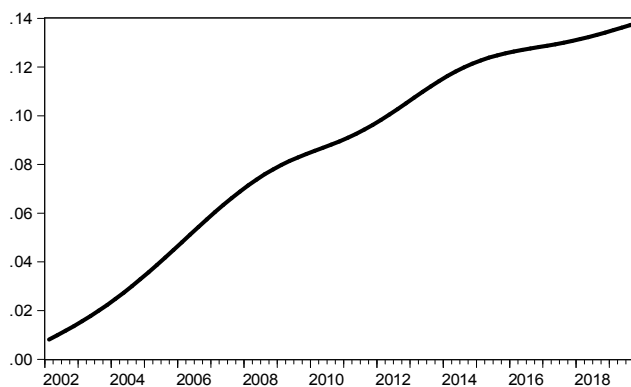

Рис. 60. Отношение потребительских банковских кредитов к ВВП; источники: [1; 2]; расчеты авторов

Таким образом, по данному разделу можно сделать следующие выводы.

Банковская система России неуклонно укреплялась, удельный вес доходов граждан и средств организаций, находящихся на банковских счетах, стабильно рос.

Но темпы этих процессов все время замедлялись, в последние годы они просто остановились и зафиксировались на уровне, весьма далеком от аналогичных показателей развитых стран.

Денежный сектор

Перейдем к рассмотрению денежного сектора. Следующий график (рис. 61) показывает, что реальные кассовые остатки в экономике России (рассчитанные на основе денежной массы M2 в национальном определении) за период с 1999 г. выросли почти в 7,5 раза, что отражает внушительное развитие денежного сектора России.

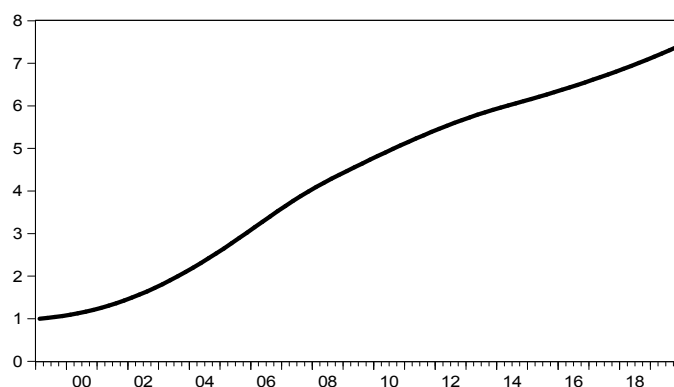

Рис. 61. Индекс реальных кассовых остатков (дефлятор ВВП), $Q1\ 1999 = 1$;
источники: [1; 2]; расчеты авторов

Этот рост многократно превысил рост ВВП за рассматриваемый период. Объяснением может служить:

а) высокий неудовлетворенный спрос на деньги, имеющий место и сегодня, а двадцать лет назад был еще выше вследствие слабого (тогда) развития банковской системы;

б) отрицательные реальные ставки процента на протяжении значительной части рассматриваемого периода;

в) существенное снижение инфляции, что также повышает спрос на реальные кассовые остатки [8, р. 495].

Отношение денежной массы к ВВП, как видно по данным рис. 62, повысилось с уровня менее 14 % в 1999 г. до 44 % сегодня.

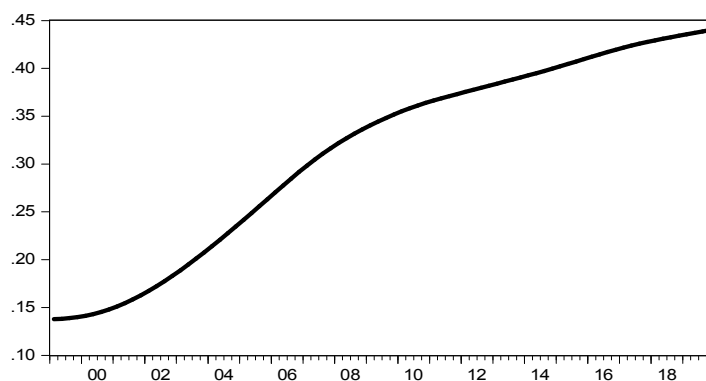

Рис. 62. Отношение денежной массы к ВВП;
источники: [1; 2]; расчеты авторов

Но, по меркам развитых стран, это отношение денежной массы к ВВП по-прежнему мало, уровень ликвидности экономики России пока недостаточен. Темпы роста денежной массы, как мы видели выше (рис. 23), постоянно снижались после 2001 г.

Денежный мультипликатор, одна из характеристик эффективности денежной системы, стабильно рос вплоть до 2015 года, затем этот рост прекратился, как это показывает следующий рисунок (рис. 63).

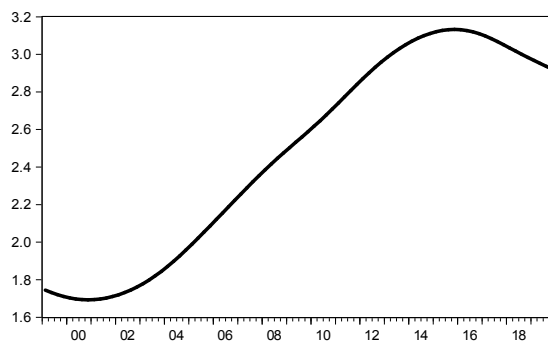

Рис. 63. Денежный мультипликатор (отношение денежной массы к денежной базе);
источники: [2]; расчеты авторов

Какие факторы определяют величину денежной массы в России? Как показывает эконометрическое уравнение, важнейшие из них:

- денежная база (фактор предложения, определяемый Банком России);
- объем ВВП (фактор спроса);
- удельный вес денежной массы, изымаемый в виде наличности (соответствующая формула в [9, с. 462]);
- величина государственных расходов (сумма государственных закупок и трансфертов).

Рост ВВП России замедлялся в последние годы, что способствовало замедлению спроса на реальные кассовые остатки. Динамика денежной базы представлена ниже (рис. 64).

Мы видим, что денежная база на протяжении всего рассматриваемого периода росла гораздо медленнее денежной массы, увеличившись в итоге в реальном исчислении всего лишь в 4,3 раза.

Иными словами, эффективность денежной системы постепенно росла. Но после 2014 г. рост денежной базы заметно ускорился, что свидетельствует об ослаблении денежной политики.

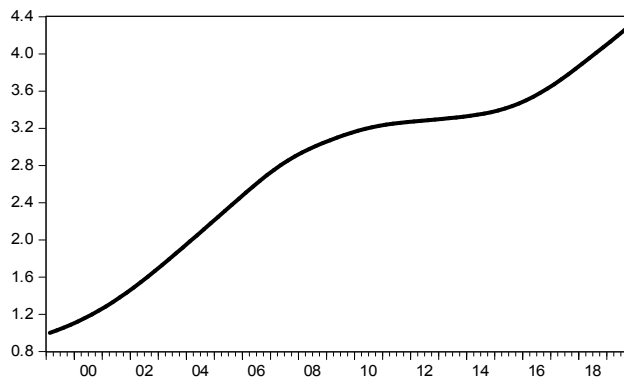

Рис. 64. Индекс денежной базы в реальном исчислении (дефлятор ВВП), Q1 1999 = 1;
источники: [1; 2]; расчеты авторов

Как показывает следующий рисунок (65), доля средств, изымаемых в виде наличности, неуклонно снижалась с 36 % в 1999 г. до 19 % в настоящее время, что свидетельствует об укреплении доверия граждан к банковской системе и способствует росту денежного мультипликатора.

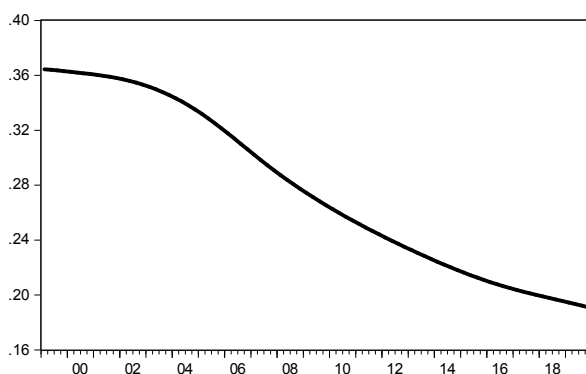

Рис. 65. Отношение наличных денег ($M0$) к денежной массе; источники: [2]; расчеты авторов

Наконец, рост государственных расходов – почти в 2,5 раза в реальном исчислении за рассматриваемый период – также способствовал росту спроса на реальные кассовые остатки.

Однако замедление роста первых после 2014 года, замедлило этот спрос (рис. 66).

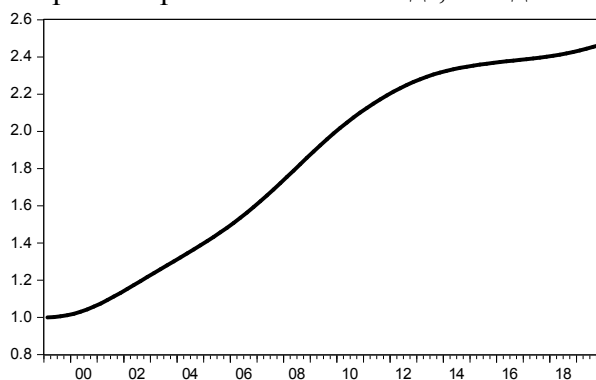

Рис. 66. Индекс государственных расходов в реальном исчислении (дефлятор ВВП), Q1 1999 = 1; источники: [1; 3]; расчеты авторов

На следующем графике (рис. 67) показана динамика реальной однодневной ставки процента по рублевым кредитам на московском межбанковском рынке MIACR.

Нами была выбрана эта ставка потому, что данные о ней публикуются ежедневно, хорошо известны и отражают цену денежных средств на российском рынке.

Можно также предположить, что ставки на московском рынке оказывают заметное влияние на кредитные ставки по всей России, учитывая роль города Москвы как финансового центра.

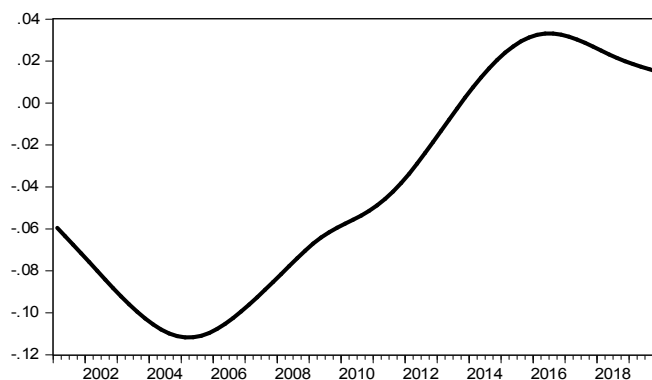

Рис. 67. Реальная однодневная ставка процента по рублевым кредитам на московском межбанковском рынке MIACR; источники: [1; 2]; расчеты авторов

Мы видим, что в 2005–2015 гг. реальная ставка процента неуклонно росла: из отрицательной она стала положительной. Это означает:

- рост цены денег;
- постепенное ужесточение денежно-кредитной политики;
- рост заинтересованности граждан и организаций в сбережениях и кредитовании средств.

Такая динамика должна была, с одной стороны, привлекать больше средств на кредитный рынок и рынок капиталов и способствовать снижению инфляции. С другой стороны, она снижает спрос на кредиты и инвестиции, что могло стать одной из причин замедления их роста.

Эконометрическое уравнение показывает, что важнейшим фактором, влияющим на ставку межбанковского рынка, является ключевая ставка Банка России, что очевидно.

Другими важными факторами, от которых зависит ставка межбанковского рынка, являются:

- величина реальных кассовых остатков (отрицательно, что согласуется с экономической теорией (см.: [8, р. 242]));
- доля средств, изымаемых в виде наличности (отрицательно – весьма интересно; возможно, это отражение специфики рынков России, где по-прежнему много расчетов ведется наличностью);
- удельный вес денежных средств, зарезервированных в Банке России;
- инфляция (что отчасти отражает эффект Фишера (см.: [10; 11, р. 389–392]));
- объем макроэкономического спроса (в соответствии с кривой LM (см.: [8, р. 239]));
- объем макроэкономического предложения (отрицательно, вероятно, потому, что снижает коэффициент временного предпочтения потребления).

Из сказанного понятно, что замедление роста реальных кассовых остатков, рост совокупного спроса и замедление инфляции способствовали росту реальной ставки процента. Но после 2016 г., как мы видим, она снижалась.

Таким образом, по данному разделу можно сделать следующий вывод. Монетизация экономики России, ее ликвидность, эффективность работы денежной системы неуклонно росли в рассматриваемый период. Все это способствовало экономическому росту. Одновременно темпы инфляции снижались, так как рост реальных кассовых остатков удовлетворял растущий спрос на деньги и потому не был инфляционным.

Но все эти благотворные процессы замедлились в последние годы.

Внешиэкономический сектор

Начнем описание этого сектора с динамики курса доллара. Индекс его номинального значения и темпы роста этого индекса показаны на двух следующих графиках (рис. 68 и 69).

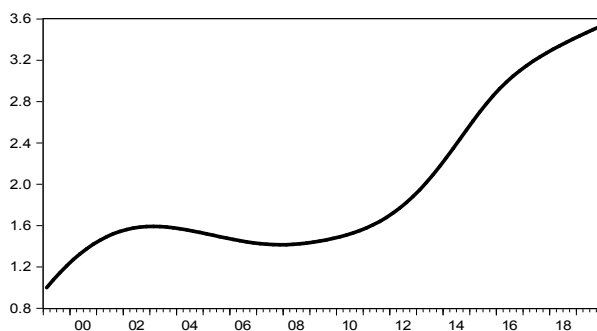

Рис. 68. Индекс номинального курса доллара, Q1 1999 = 1;
источники: [2]; расчеты авторов

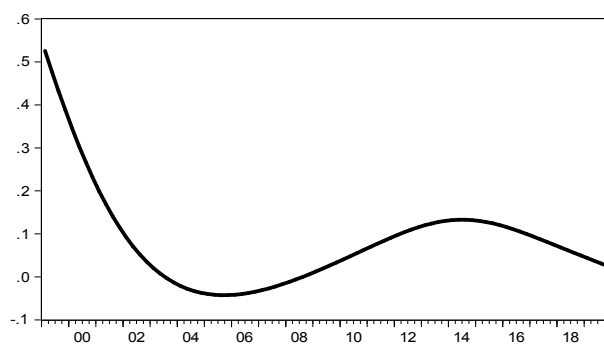

Рис. 69. Темпы роста номинального курса доллара;
источники: [2]; расчеты авторов

Итак, мы видим, что номинальный курс стабилизировался в 2002–2008 гг., затем заметно вырос и сейчас составляет величину 3,5 по отношению к 1-му кварталу 1999 года.

В 2004–2007 гг. рубль номинально укреплялся, а после 2008-го – слабел, но темпы его номинального ослабления снизились после 2014 года.

На следующем графике (рис. 70) показан индекс «реального» курса доллара, где номинальный курс дефлирован дефлятором ВВП. Мы намеренно взяли это название в кавычки, так как рассчитанная здесь величина отличается от принятого в макроэкономике понятия «реального обменного курса», где такой показатель умножается также на индекс инфляции в стране-эмитенте, т. е. в США (см.: [11, р. 422; 8, р. 293]).

Общепринятый индекс реального обменного курса показывает изменение способности лиц, получающих доходы в отечественной валюте, купить американские товары.

Индекс, рассчитанный ниже, отражает лишь способность лиц, получающих доходы в рублях, купить доллары как средство сбережения.

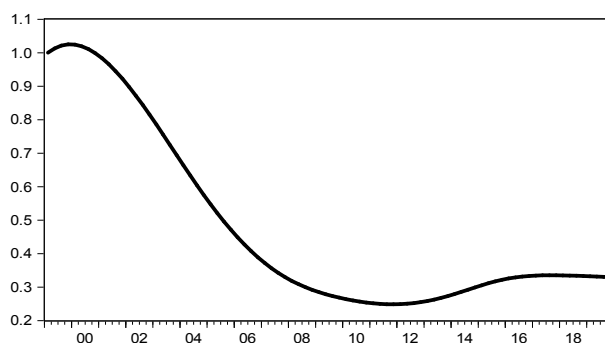

Рис. 70. Индекс «реального» курса доллара, Q1 1999 = 1;
источники: [1; 2]; расчеты авторов

Мы видим, что доллар реально дешевел в России в 2000–2011 гг. Затем он окреп, но не намного.

Как показывает эконометрическое уравнение, на номинальный курс доллара наиболее сильное влияние оказывают следующие факторы:

- экспортные цены (отрицательно; т. е. рост этих цен укрепляет рубль);
- импортные цены (положительно; т. е. рост этих цен ослабляет рубль);
- величина чистого экспорта (отрицательно);
- денежная масса (положительно);
- изъятие средств в виде наличности (положительно);
- объем ВВП (положительно);
- объем государственных доходов (отрицательно).

Прокомментируем этот результат.

Удорожание и рост объемов экспорта способствуют укреплению отечественной валюты; напротив, удорожание и рост физических объемов импорта обычно ослабляют отечественную валюту.

Рост денежной массы также обычно содействует ослаблению отечественной валюты, увеличивая ее предложение. Увеличение доли наличности в денежной массе, как мы видим, также содействует ослаблению рубля, вероятно, вследствие того, что покупки иностранной валюты часто осуществляются за счет наличности.

То, что рост ВВП положительно влияет на курс доллара, является следствием сильной зависимости экономики России от импорта. В то же время необходимость уплаты налогов и сборов усиливает спрос на отечественную валюту.

Как мы видели выше, рост денежной массы замедлялся, равно как и рост ВВП. Это, равно как и снижение доли наличности в денежной массе, и рост платежей в пользу государства способствовал реальному укреплению рубля.

Экспортные цены быстро росли вплоть до 2008 г., но затем их рост замедлился, а после 2013 г. стал отрицательным. Иными словами, по 2008 г. включительно их динамика способствовала укреплению рубля, а после этого – его ослаблению.

Рост импортных цен в долларовом исчислении до 2008 г. имел место, но был не очень быстрым. После 2008 г. он стал заметно меньше, а после 2013-го и вовсе отрицательным. То есть после 2008 г. импортные цены не оказывали сильного влияния на ослабление рубля.

Наконец, чистый экспорт в долларовом эквиваленте рос очень быстро вплоть до 2008 г. включительно. Затем этот рост резко замедлился.

Таким образом, внешнеэкономические факторы до 2008 г. способствовали укреплению рубля, но затем их роль стала слабее, а после 2013 г. они в большей степени способствовали ослаблению рубля, что, в общем, хорошо известно.

Рассмотрим теперь динамику экспорта и импорта.

На следующем рисунке (71) показаны два кумулятивных индекса физического объема экспорта. Один рассчитан на основе данных об индексах физического объема элементов ВВП, другой – как деление номинальных объемов экспорта на кумулятивный индекс экспортных цен.

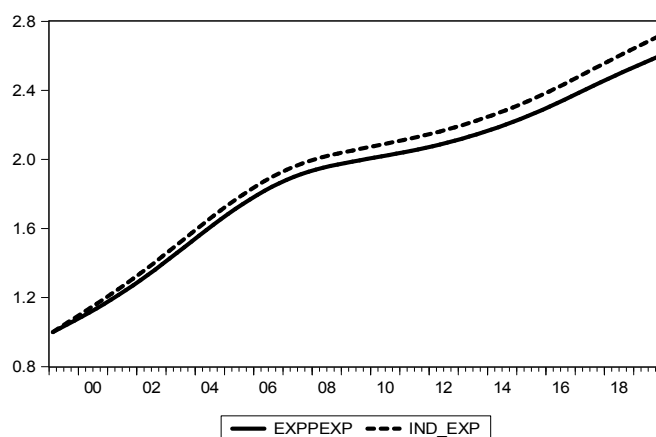

Рис. 71. Индекс физического объема экспорта (IND_EXP) и он же, полученный делением номинального объема на индекс экспортных цен (EXPPEXP), Q1 1999 = 1; источники: [1]; расчеты авторов

Данные рис. 71 показывают, что два индекса незначительно отличаются друг от друга. Основные отличия их динамики, однако, касаются лишь периода, охватывающего 1999–2001 гг.

Начиная с 2002 г. первый индекс превышает второй *по абсолютной величине* довольно устойчиво на 3–4 %, поэтому *темпы роста* обоих показателей отличаются друг от друга лишь на десятые доли процента.

Как мы видим, за весь рассматриваемый период физический объем экспорта России вырос в 2,6–2,7 раза.

По подпериодам эти темпы были таковы:

- в 2000–2008 гг. среднегодовой объем его роста превышал 7 %;
- в 2009–2013 гг. он был ниже 2 %;
- после 2013 г. он превышал 3 %.

При пересчете на долларовый эквивалент динамика физического объема экспорта, однако выглядит несколько по-иному, как показывает следующий рисунок (72). К 2012 году его объем в 6 раз превышал уровень 1999 г., но затем несколько снизился.

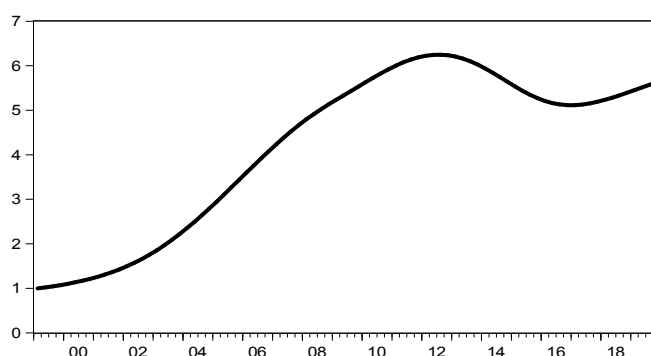

Рис. 72. Индекс физического объема экспорта в долларовом эквиваленте, Q1 1999 = 1; источники: [1; 2]; расчеты авторов

Как показала оценка эконометрического уравнения, на величину экспорта в наибольшей степени оказывают влияние следующие факторы:

- объем ВВП мировой экономики; вследствие отсутствия данных о динамике этого показателя за длительный период его заменителем (проху) был взят индекс объема ВВП стран – членов ОЭСР;
- экспортные цены;
- курс доллара;
- величина реальных кассовых остатков;
- элементы внутреннего спроса (отрицательно);
- величина государственных закупок.

Объем ВВП стран – членов ОЭСР оказывает очень сильное влияние на величину российского экспорта, эластичность последнего по этой переменной устойчиво превышает 1. Динамика этого показателя показана на следующем графике (рис. 73).

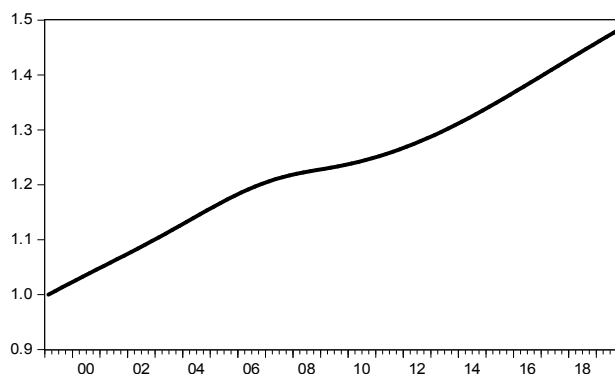
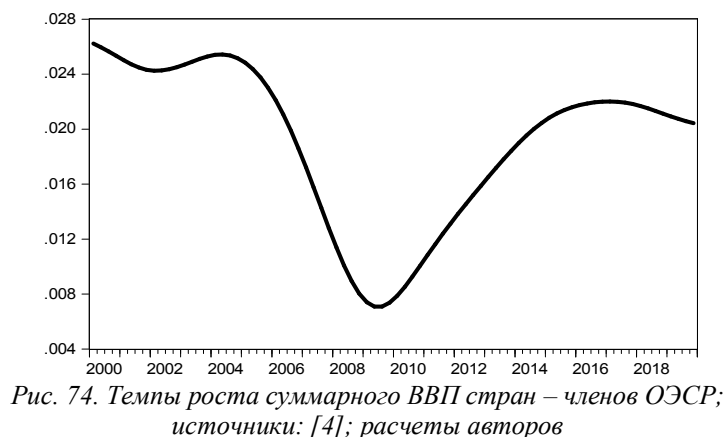

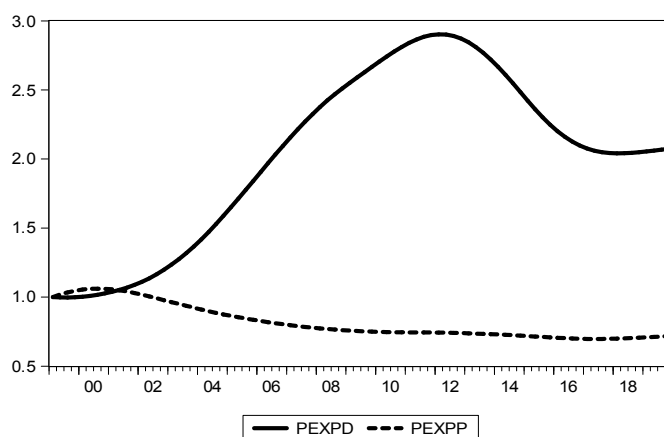
Рис. 73. Индекс физического объема суммарного ВВП стран – членов ОЭСР, Q1 1999 = 1; источники: [4]; расчеты авторов

Как мы видим, объем экономики ОЭСР вырос в 1,5 раза за рассматриваемый период, ее темпы восстановились после провала в 2008–2009 гг., как видно из следующего графика (рис. 74), что было благоприятно для российского экспорта.

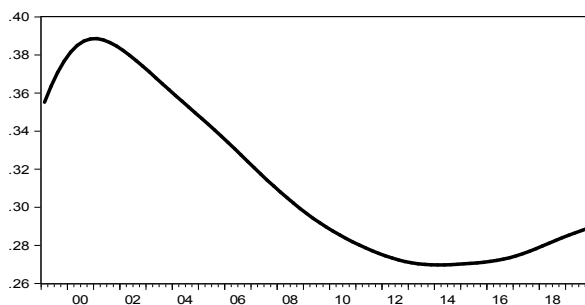

Как видно из следующего рисунка (рис. 75), экспортные цены в *долларовом эквиваленте* неуклонно росли вплоть до 2012 г. и выросли за этот период почти в 3 раза, затем снизились примерно на 30 % к 2019 году. Но в *реальном исчислении* (т. е. при делении их *рублевого* индекса на общий индекс цен) они все время *снижались*, и в 2019 г. были примерно на 30 % ниже, чем в 1999-м.

Иными словами, цены были все менее выгодны российским экспортерам.

Длительное снижение относительных экспортных цен привело к тому, что, несмотря на рост физического объема, удельный вес экспорта в ВВП снижался вплоть до 2013 г., как показано на рис. 76. Лишь после 2014 г. эта доля стала расти, в том числе из-за замедления роста других элементов ВВП.

Реальный курс рубля, как мы видели выше, неуклонно укреплялся вплоть до 2011 года, что также не способствовало росту экспорта. Лишь после 2012 г. он стал немного слабеть.

Рост ликвидности экономики и развитие банковской системы поддерживали экспорт, но рост внутреннего спроса сдерживал его. Единственное здесь исключение – государственные закупки, которые положительно влияли, надо полагать, на ту часть экспорта, которая осуществляется по государственным программам.

Индекс внутреннего спроса мы исчисляли по следующей формуле:

$$ID = C^{SCD} \times I^{SID} \times G^{SGD}, \quad (6)$$

где ID – указанный индекс;

C – индекс физического объема потребительских расходов;

I – индекс физического объема валового накопления основного капитала;

G – индекс физического объема государственных закупок;

$SCD = CONS / (CONS + NI + NG)$, $SCI = NI / (CONS + NI + NG)$, $SCG = NG / (CONS + NI + NG)$, где $CONS$, NI , NG – потребительские расходы домашних хозяйств, валовое накопление основного капитала и государственные закупки в номинальном исчислении, соответственно.

Индекс внутреннего спроса представлен на следующем рисунке (77).

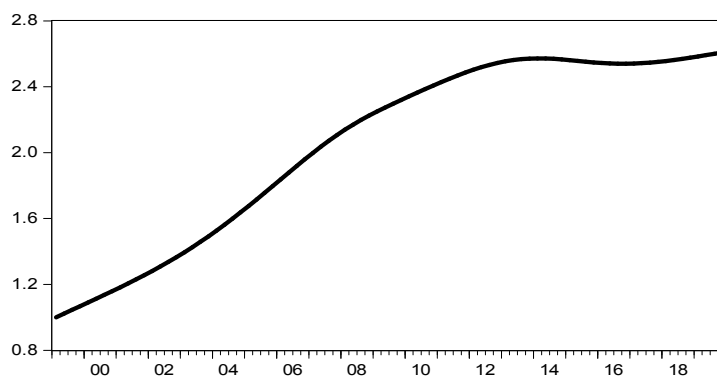

Рис. 77. Индекс внутреннего спроса, Q1 1999 = 1;
источники: [1]; расчеты авторов

Как мы видим, индекс внутреннего спроса неуклонно рос вплоть до 2013 г. и увеличился в 2,6 раза по сравнению с 1999 г., затем его рост остановился.

Сравнив данный рисунок с приведенным выше индексом *совокупного* спроса, можно увидеть, что первый вырос за весь период заметно выше, чем второй. Причина в том, что значительная часть растущего *внутреннего* спроса удовлетворялась за счет импорта. Замедление внутреннего спроса способствовали росту экспорта после 2013 года.

На следующем рисунке (78) представлены два графика физического объема импорта: один рассчитан на основе индексов физического объема, другой получен делением номинального объема импорта на индекс импортных цен. Мы видим большое расхождение двух индексов: согласно первому импорт в физическом объеме вырос в 6,6 раза, согласно второму – в 4,2 раза, что свидетельствует о необходимости статистических корректировок.

Тем не менее, оба показателя фиксируют:

- быстрый рост импорта до 2008 г. включительно (15–17 % в год);
- его резкое замедление в 2009–2013 гг. (до менее 4 % в год);
- отсутствие роста импорта после 2013 года.

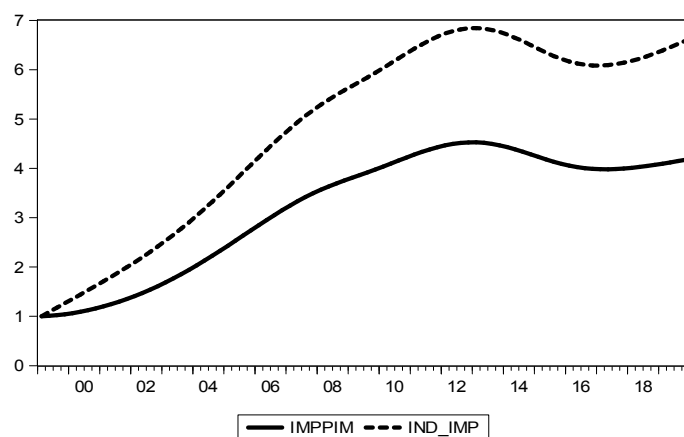

Рис. 78. Индекс физического объема импорта (IND_IMP) и он же, полученный путем деления номинального объема на индекс импортных цен ($IMPPIM$), $Q1\ 1999 = 1$; источники: [1]; расчеты авторов

Следующий рисунок (79) представляет индекс импорта в долларовом эквиваленте. Мы видим похожую картину – рост объемов примерно в 6,5 раз вплоть до 2012 года включительно, затем резкое замедление.

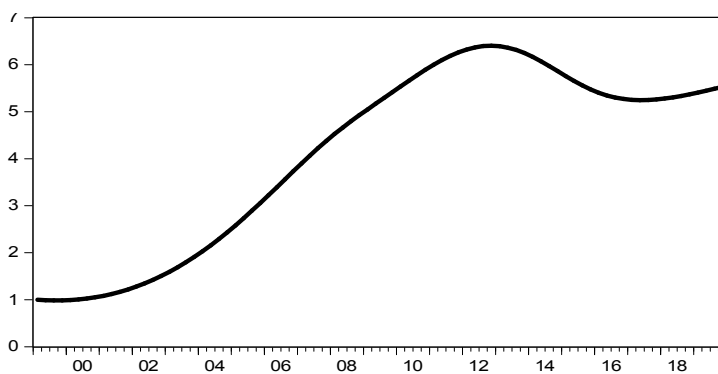

Рис. 79. Индекс физического объема импорта в долларовом эквиваленте, $Q1\ 1999 = 1$; источники: [1; 2]; расчеты авторов

Как показало эконометрическое уравнение, на объем импорта наиболее сильное влияние оказывают следующие переменные:

- численность населения (в модели представлена численностью экономически активного населения);
- объем ВВП (фактор спроса);
- объем мировой экономики (отрицательно);
- величина реальной зарплаты;
- ликвидность.

Численность населения, величина реальной зарплаты и объем ВВП отражают спрос на импортные товары, а рост ликвидности помогает покупать эти товары в кредит. Объем мировой экономики отражает конкуренцию за товары, импортируемые Россией, со стороны других стран. Возможно, поэтому параметр при этой переменной является существенным и отрицательным.

Как показывает следующий график (рис. 80), импортные цены росли весьма медленно даже в долларовом эквиваленте в рассматриваемый период; в реальном исчислении они снижались вплоть до 2012 г. и были почти в 3 раза ниже уровня 1999 г. Следовательно, ценовой фактор чрезвычайно способствовал росту импорта.

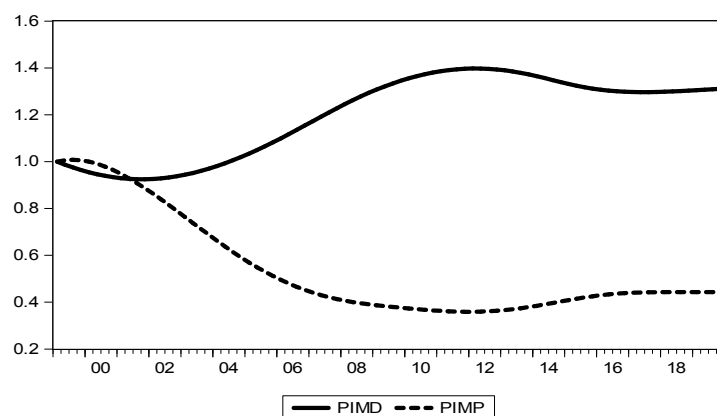

Рис. 80. Индекс импортных цен в долларовом эквиваленте (PIMD) и в реальном исчислении (PIMP, дефлятор ВВП), Q1 1999 = 1; источники: [1; 2]; расчеты авторов

Под воздействием ценового фактора удельный вес импорта в ВВП снижался, как видно из следующего рисунка (81).

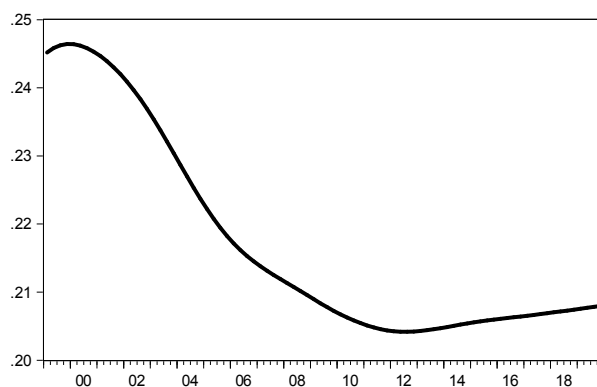

Рис. 81. Удельный вес импорта в ВВП; источники: [1]; расчеты авторов

Государственный сектор

Некоторые показатели государственных доходов и расходов уже были приведены выше. Так, имел место более чем трехкратный рост государственных доходов в реальном исчислении (включая внебюджетные фонды), который, однако, существенно замедлился после 2008 г.

Выплачиваемые государством социальные трансферты показали почти четырехкратный рост в реальном исчислении, но после 2014 г. он также резко замедлился.

Удельный вес платежей граждан и организаций в пользу государства по отношению к ВВП увеличился после 2014 г., но был ниже, чем в 2006 году.

Рассмотрим еще несколько графиков.

Мы видим, что на следующем рисунке (82) два индекса государственных закупок достаточно близки. В физическом выражении они выросли на 23–32 % за рассматриваемый период (в зависимости от выбранного показателя).

Оба индекса показывают резкое замедление после 2008 года.

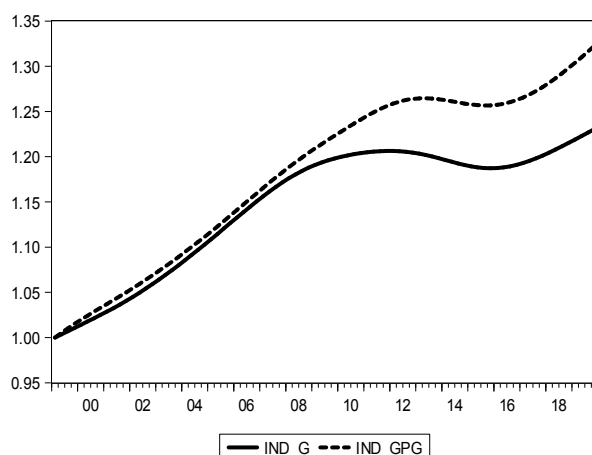

Рис. 82. Индекс физического объема государственных закупок (IND_G) и он же, полученный делением номинального объема государственных закупок на дефлятор государственных закупок (IND_GPG);
источники: [1]; расчеты авторов

Следующие три графика показывают отношение величины государственных закупок, трансфертов и совокупных государственных расходов (суммы закупок и трансфертов) в ВВП.

Удельный вес закупок в ВВП заметно вырос после 2000 г., но после 2009-го стал снижаться (рис. 83).

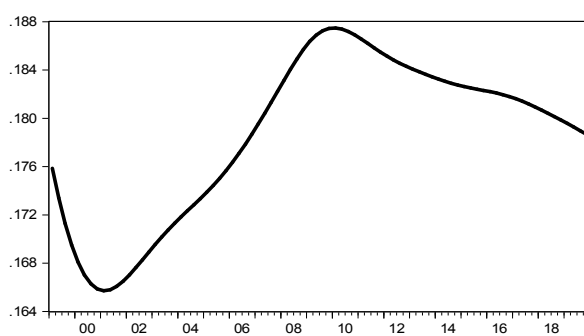

Рис. 83. Удельный вес государственных закупок в ВВП;
источники: [1]; расчеты авторов

Отношение трансфертов к ВВП стало резко расти после 2006-го и достигло пика в 2016 г. (рис. 84).

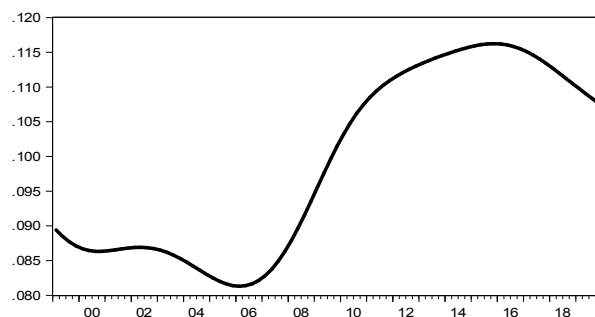

Рис. 84. Отношение государственных трансфертов к ВВП;
источники: [1; 3]; расчеты авторов

Отношение суммы закупок и трансфертов к ВВП росло после 2000 г. и особенно быстро после 2006-го, достигнув пика к 2016 году (рис. 85).

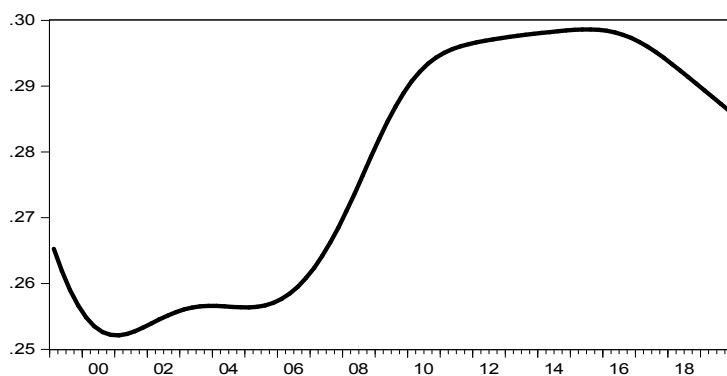

Рис. 85. Отношение государственных расходов к ВВП;
источники: [1; 3]; расчеты авторов

Следующий рисунок (86) показывает удельный вес суммы уплаченных налогов — косвенных, на прибыль и НДС в ВВП. Мы видим, что эта доля достигла пика в 2006 г., затем заметно снизилась, минимум был в 2016-м, после чего она немного выросла.

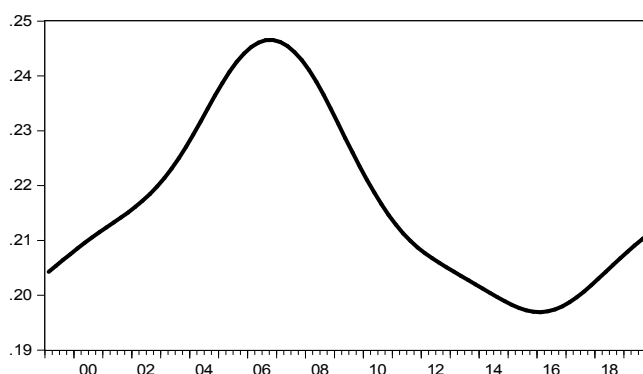

Рис. 86. Удельный вес косвенных налогов, налога на прибыль и НДС в ВВП;
источники: [1; 3]; расчеты авторов

Следующие два графика (рис. 87 и 88) показывают удельный вес налога на прибыль в валовой прибыли и суммы косвенных налогов и НДС в ВВП.

Оба графика показывают пик в 2006 г., затем наступает заметное снижение, затем небольшой рост после 2014 г. для налога на прибыль и после 2016 г. — для косвенных налогов.

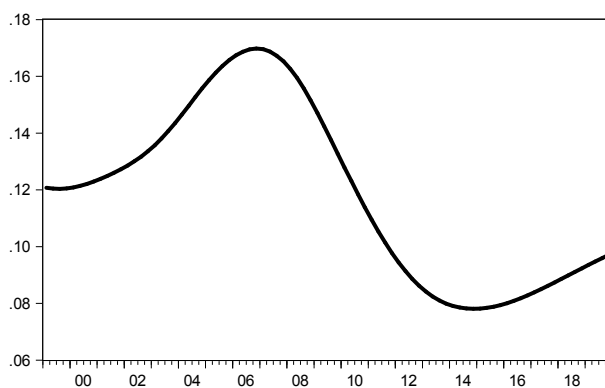

Рис. 87. Удельный вес налога на прибыль в валовой прибыли;
источники: [1; 3]; расчеты авторов

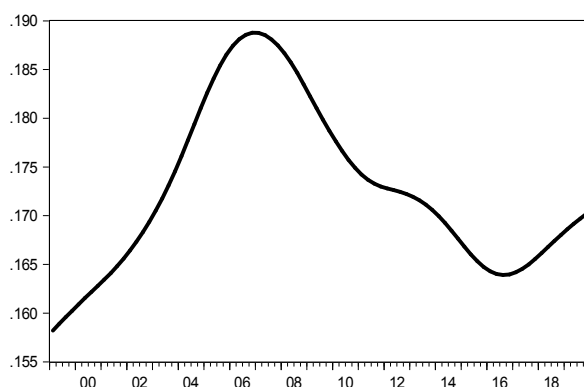

Рис. 88. Удельный вес косвенных налогов и НДС в ВВП;
источники: [1; 3]; расчеты авторов

Следующие три графика (рис. 89–91) показывают отношение уплаченного налога на доходы физических лиц (НДФЛ) сначала к величине валовой зарплаты, затем к величине совокупных доходов граждан, определенных выше формулой (2), и отношение уплаченных социальных взносов к валовой зарплате.

Два первых графика (рис. 89 и 90) показывают пик в 2004 г., затем заметное снижение, потом некоторый рост после 2014 г., и лишь последний график (рис. 91) показывает неуклонный рост.

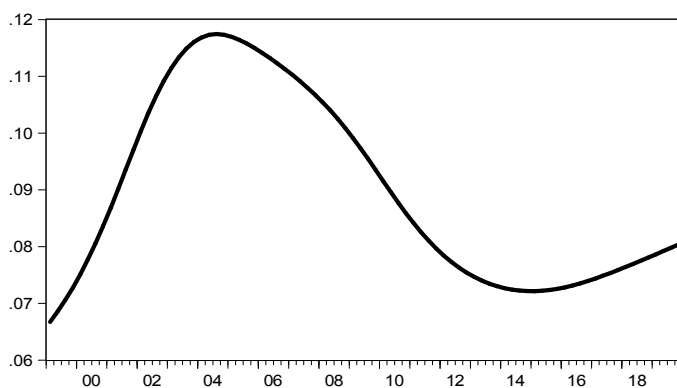

Рис. 89. Отношение уплаченного НДФЛ к величине выплаченной валовой зарплаты;
источники: [1; 3]; расчеты авторов

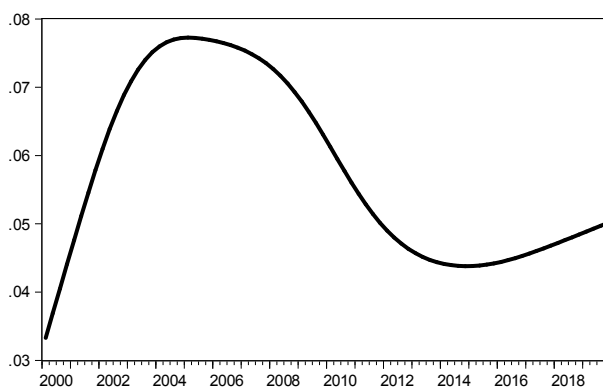

Рис. 90. Отношение уплаченного НДФЛ к совокупным доходам граждан;
источники: [1; 3]; расчеты авторов

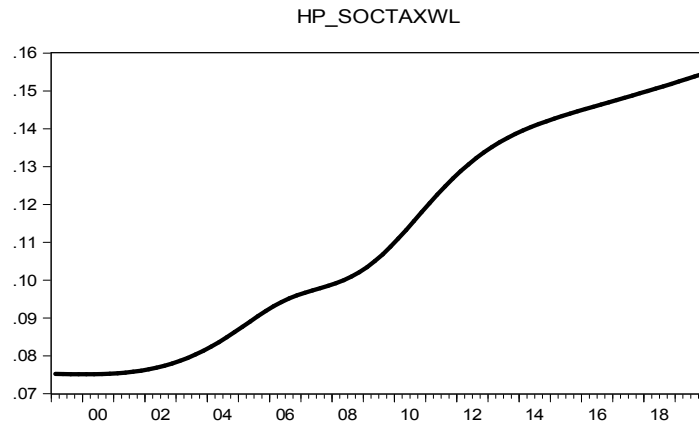

Рис. 91. Отношение уплаченных социальных взносов к величине выплаченной валовой заработной платы; источники: [1; 3]; расчеты авторов

Таким образом, нельзя говорить о росте налоговой нагрузки на протяжении всего периода, за исключением уплаты социальных взносов.

Лишь в периоде после 2014 года можно говорить о некотором росте налоговой нагрузки в целом.

Заключение

Замедление роста экономики России и, как следствие, благосостояния ее граждан после 2008 г., а затем, после 2012-го может быть объяснено комплексом причин.

Главную роль в этих процессах сыграло замедление роста затрат факторов производства – труда и капитала, а также совокупной факторной производительности.

Замедление роста затрат труда объясняется, в первую очередь, демографическими факторами, нехватка капитала – недостатком инвестиций.

Изменить демографические тренды крайне затруднительно, а повысить объем инвестиций – вполне возможно с помощью усиления гарантий инвесторам и проведения налоговой реформы. Последняя должна включать перенесение части налогов с производства на потребление, более конкретно – отмену налога на имущество организаций и ведение льгот по налогу на прибыль для инвестиций. Не помешает и расширение льгот малому и среднему бизнесу. Потерянные вследствие этих изменений налоговые поступления могут быть компенсированы введением прогрессивного подоходного налога, налога на роскошь, расширением сферы действия косвенных налогов (включая налог с продаж). Ревизия государственных расходов также необходима.

Роста совокупной производительности можно будет достигнуть с помощью упомянутых выше мер по стимулированию инвестиций, а также увеличением вложений в науку, образование и здравоохранение, где мы заметно отстаем, причем не только от развитых стран.

Возможно, потребуются и изменения в структурной политике – инвестициях в отрасли и регионы.

Очень важны меры по снижению концентрации рынков и усилению конкуренции, особенно это касается топливно-энергетического, транспортного, банковского секторов.

Необходим также и рост импорта товаров производственного назначения, которые пока не могут быть заменены отечественными аналогами.

Денежно-кредитная политика в рассматриваемом периоде в целом была эффективной, она привела к снижению инфляции, заметному укреплению финансо-

вой и банковской системы России, доверию к национальной валюте. Но требуются дальнейшие усилия, чтобы достичь уровня развитых стран в этом секторе.

Внешнеэкономические факторы после 2008 г. в целом были неблагоприятны для России.

Хотя рост мировой экономики создавал условия для роста российского экспорта, ценовые изменения на наших экспортных рынках были не в нашу пользу. Поэтому уход от сырьевой структуры экспорта необходим, если мы не хотим и впредь нести ценовые потери. В последние годы эти тенденции проявились, в частности, в росте экспорта программного обеспечения и иной продукции отрасли информационно-коммуникационных технологий. Поощрение такого экспорта могло бы усилить данные тенденции.

Всё это – лишь краткий перечень тех мер, которые необходимы для преодоления сложившихся тенденций замедления темпов роста нашей экономики. При реальном воплощении он должен быть гораздо шире.

Литература

1. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : официальный сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru>
2. Банк России : официальный сайт. – URL: <https://www.cbr.ru>
3. Группа RIM Института народнохозяйственного прогнозирования РАН : официальный сайт. – URL: www.macroforecast.ru
4. Организация экономического сотрудничества и развития : официальный сайт. – URL: <http://www.oecd.org>
5. Gordon R. J. Productivity growth, inflation, and unemployment : the coll. essays of R. J. Gordon. – Cambridge : Cambridge University Press, 2004. – 504 p.
6. Скоузен М. Экономика чистого золотого стандарта // Золотой стандарт: теория, история, политика / пер. с англ. А. Куряев и др. ; науч. ред. А. Куряев. – Челябинск : Социум, 2011. – С. 243–374.
7. Ротбард М. Великая депрессия в Америке. – М. : Челябинск : Социум, 2019. – 522 с.
8. Dornbusch R., Fischer S., Startz R. Macroeconomics. – 11th edition. – New York : McGraw Hill & Irwin, 2011. – 657 p.
9. Мишкин Ф. С. Экономическая теория денег, банковского дела и финансовых рынков / пер. с англ. О. К. Островской, А. А. Рыбнянец. – 7-е изд. – М. : Вильямс, 2006. – 880 с.
10. Howitt P. Fisher effect // The New Palgrave Dictionary of money and finance / P. Newman et al., eds. – L. : MacMillan, 1997. – Vol. 2. – P. 123–124.
11. Krugman P., Obstfeld M. International economics: Theory & policy. – 8th edition. – New York : Pearson International edition, 2009. – 706 p.

Sergey Aleksandrovich Mitsek,

Doctor of Economics, Associate Professor,

Head of Finance and Credit Chair,

Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

Elena Borisovna Mitsek,

Doctor of Economics, Professor of Management and Marketing Chair,

Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

The Economy of Russia in Graphics

The article is devoted to a graphic illustration of the dynamics of the main macroeconomic variables of the Russian economy. They cover production, prices, investment, money, banking, fiscal and foreign economic sectors.

The graphs are built based on such data sources as the Federal State Statistics Service, the Bank of Russia and some others and for the clarity of presentation, they are smoothed by the Hodrick - Prescott filter. The elasticities of the dependent variables obtained on the basis of the equations

of the author's econometric model make it possible to identify the main factors influencing the dynamics of the variables included in the analysis.

The authors conclude that the main reasons for the slowdown in the Russian economy after 2013 were a lack of investment in fixed assets, stagnation in the total factor productivity, unfavourable foreign economic trends and an increase in the tax burden.

Keywords: Russian economy; economic growth; liquidity; total factor productivity; investment in fixed capital.

|| ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Принятый Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» и прошедшее с 25 июня по 1 июля 2020 года общероссийское голосование по вопросу одобрения изменений в Конституцию Российской Федерации актуализировали проблему идей, оснований и содержания нашего конституционного текста. Продолжаем его обсуждение публикацией статьи С. С. Алексеева – одного из авторов действующей ныне Конституции России, – посвященной ее истокам и концептуальным основаниям. Эта работа – «У истоков Конституции: субъективные заметки» была издана в 2009 году небольшим тиражом; она не вошла в собрание сочинений С. С. Алексеева в десяти томах* и стала сегодня библиографической редкостью. В условиях значительной трансформации нынешнего текста Конституции РФ обращение к данным заметкам представляется крайне необходимым и жизненно важным для развития нашего общества по демократическому пути.

Зам. главного редактора А. П. Семитко

УДК 342.4(470)

С. С. Алексеев**

У истоков конституции России (субъективные заметки)

Поставлена цель постичь действительный смысл и содержание Конституции, раскрыть ее концептуальное понимание как строгого юридического документа высшего ранга, отвечающего своему исконному предназначению – быть силой, способной ограничивать и упорядочивать политическую власть в обществе, обеспечивать права и свободы человека. Показывается, как непримиримые враги самого института конституции могут использо-

* Алексеев С. С. Собрание сочинений : в 10 т. – М. : Статут, 2010. Часть материала была опубликована в работе «Уроки. Тяжкий путь России к праву (глава 4) и вошла в том 4 собрания сочинений (С. 75–110).

** **Сергей Сергеевич Алексеев (1924–2013)** – выдающийся советский и российский ученый-правовед, народный депутат СССР (1989), председатель Комитета конституционного надзора СССР (1989–1991), доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент АН СССР (1987), член-корреспондент РАН (1991). Лауреат Государственной премии СССР (1977). Заслуженный деятель науки РСФСР. Почетный доктор Университета Париж-12. Первый лауреат высшей юридической премии России «Юрист года» (2009). Один из авторов ныне действующей Конституции РФ 1993 г.

Наиболее крупные издания автора: «Общая теория права в двух томах» (1981–1982, 2008); «Уроки. Тяжкий путь России к праву» (1997); «Философия права» (1997); «Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху» (1998); «Право на пороге нового тысячелетия: некоторые тенденции мирового правового развития – надежда и драма современной эпохи» (2000); «Восхождение к праву. Поиски и решения» (2001, 2002); «Право собственности. Проблемы теории» (2006, 2007); «Гайна и сила права» (2009).

Текст приводится по изданию: Алексеев С. С. У истоков конституции России: Субъективные заметки. – Екатеринбург, 2009.

Аннотация составлена А. П. Семитко, доктором юрид. наук, ст. науч. сотрудником РАН, Почетным работником высшего профессионального образования РФ, деканом юридического ф-та, завкафедрой публичного права, профессором АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург); приглашенным профессором университетов Париж-Восток, Париж-Запад, Клермон-I (Франция).

вать его в своих целях, принципиально деформируя при этом и самую суть данного неадекватно используемого государственно-правового института. Действующая ныне Конституция создавалась как Конституция Человека – с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами, с тем, чтобы он возвысился над властью и стал центром государственно-правовой жизни страны, а государственная власть подверглась бы принципиальному качественному упорядочению, что могло бы положить конец практике и идеологии советского всевластия, так называемой Большой власти, и тем самым резко уменьшить ее объем, для чего вводился строго разрешительный порядок действия органов государства и принцип разделения властей – причем разделения не только по горизонтали (законодательная, исполнительная, судебная власти), но и по вертикали – между «центром» и субъектами Федерации; предусматривалось также отделение от государственной власти муниципального самоуправления, которое по вопросам местной жизни должно обрести полную автономию, что призвано резко снизить объем государственной власти в стране в целом. Перед разработчиками проекта стояла цель: положить конец истинному проклятию нашего общества, извечной имперско-державной, царистской традиции, в соответствии с которой «первая персона» (царь, император, Генеральный секретарь партии) является обладателем неограниченной власти, хозяином земли русской, верховным правителем страны. Однако последовавшая затем аппаратная проработка проекта Конституции привела к тому, что наряду с фундаментальными демократическими основами и соответствующими юридико-конструктивными началами (разделением властей, парламентаризмом и др.) в него были «внедрены» фрагменты, отражающие государственно-властные приоритеты. В итоге, в начале нового тысячелетия, в России утвердился режим централизованной власти («мягкой авторитарности», а в чем-то – и не только «мягкой») – режим, при котором господствует некая «суверенная» или «управляемая» демократия, верховенство вертикали власти со строгим порядком подчинения государственных дел одному должностному лицу – Президенту.

И тем не менее действующая Конституция России имеет необходимые основания, чтобы в непростых российских условиях стать опорой и надеждой демократического развития общества. Эти основания – положения о правах человека, призванные определять государственно-правовое устройство России. Поэтому необходимость изменения действующей Конституции в нынешнюю пору еще не созрела. Нужно, чтобы в обществе еще на основе действующей Конституции стали реальностью основные демократические преобразования, и прежде всего те из них, которые связаны с утверждением в общественном бытии настроя на приоритет прав человека и уважение достоинства личности. Именно тогда вновь возникнет благоприятная обстановка для проведения других демократических новаций, и тогда с успехом могут быть осуществлены такие преобразования в Конституции, которые по всем характеристикам будут соответствовать ее последовательно демократическим основам, ее качеству Конституции Человека. Отмечается, что на всенародных референдумах оправданны постановка и решение по схеме «да – нет» небольшого числа принципиальных положений – ключевых формул, поправок, суть и значение которых – хотя бы в принципе – ясны любому участнику референдума. И только когда центральное место во всей государственно-правовой жизни займет человек с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами, надежно защищенными законом и судом, будут основания утверждать, что своего рода Рубикон перейден и российское общество из бесконечной полосы славных дел и, одновременно, невзгод, насилия и необузданной власти перешло в современное гражданское общество, в котором господствует Право, чего пока российское общество еще не достигло.

Ключевые слова: Конституция; конституционная культура; референдум; государственная власть; достоинство; права человека; гуманистическое право; демократия; авторитарный режим; свобода; справедливость; собственность; правосудие; юридико-конструктивные начала; разделение властей; муниципальное самоуправление; республика; парламентаризм; федерализм; глава государства; президент; правительство; сюжет конституционного документа; гражданское общество.

Вступительное слово

Судьба распорядилась так, что в самое крутое, переломное время начала 1990-х годов, когда наша страна мучительно выкарабкивалась из пучины тоталитарного строя, я оказался у истоков создания Конституции России – в сущности, для каждой страны своего рода светского Евангелия, призванного утверждать и определять на будущее ее общественное и государственное устройство, ее ценности и перспективы.

И вот ныне, по прошествии 15 лет с той поры, когда Конституция Российской Федерации вступила в действие, наше российское общество встретилося, пожалуй, с парадоксальной ситуацией.

Две полярно противоположные силы общества – господствующий правящий класс и радикальные оппозиционные круги одинаково ссылаются на Конституцию в своей политике и действиях, порой чуть ли не в одних и тех же или близких формулировках. Правящий класс российского общества, его лидеры, занимающие ведущие государственные посты, провозглашают принципы неизменности Конституции, верности ей. Оппозиционные же круги со своей стороны требуют от государственной власти «строгости соблюдения Конституции», реализации ее последовательно демократической сути и, более того, все чаще реанимируют, казалось бы, забытый лозунг брежневского времени: «Соблюдайте свою же собственную Конституцию!»

Этот факт оценочного и идейного противостояния весьма знаменателен.

Но он требует, прежде всего, содержательной ясности – того, чтобы раскрыть, насколько это возможно, действительный смысл и содержание Конституции, пониманию которых, как можно надеяться, помогут настоящие краткие субъективные заметки о том, как создавался Основной закон нашей страны и какова с этой точки зрения его судьба в нынешнее время. Заметки, в которых автор не претендует ни на законченность, ни на бесспорность своих суждений и оценок.

I. Перехват мечты

II. Фундаментальные основы и юридико-конструктивные начала

III. Наслоения

IV. Содержание и «образ» Конституции России

V. Наша опора и надежда

I

ПЕРЕХВАТ МЕЧТЫ

В РОССИИ с начала XIX века – несомненно, под прямым влиянием французской революции – знаменем демократических перемен стала Конституция. Именно с Конституцией связывались расчеты передовых людей России на кардинальную смену самодержавно-крепостнических порядков строем Разума, Свободы, Справедливости.

Мечта о Конституции, соединяющей великие идеи европейского Просвещения и российской государственно-нравственной истории, – это душа, стержень политических проектов декабристов, подтекст государственно-правовых дел Сперанского и Витте. Как раз с предполагаемым подписанием конституционного документа, завершающего цепь крупных реформаторских акций, соотнесла российская История последний день жизни Александра II, павшего жертвой первого залпа революционного безумия, вскоре охватившего всю Россию. Вовсе не случайно то, что духовно-нравственный интеллект российского общества во время, предшествовавшее большевистскому перевороту 1917 года, нашел наиболее по-

следовательное выражение в деятельности влиятельной демократической партии, вызывавшей бешеную ненависть коммунистов-большевиков, в самом названии которой обозначено слово «конституция» («конституционно-демократическая партия» – «кадеты»). Показательно и то, что царские Манифест 17 октября 1905 года и Основной закон от 23 апреля 1906 года именовались многими людьми, в том числе либеральными деятелями, некоей «конституцией».

Вместе с тем мечта о Конституции как знаке и знамени коренных преобразований в России в то время неизменно сопрягалась с ее концептуальным пониманием как строгого юридического документа высшего ранга, отвечающего своему исконному предназначению – быть силой, способной ограничивать и упорядочивать политическую власть, обеспечивать права и свободы человека.

НО ВОТ ОДИН из многих парадоксов, которыми отмечена российская История. Неистовые враги самого института конституции – большевики – сразу же, как только ими была узурпирована власть в Российской империи, использовали этот институт в своих целях. Это вообще характерная черта большевистской политики – неотступно и фанатично следовать своим утопическим предначертаниям и одновременно не гнушаться никакими средствами при их осуществлении, в том числе – перехватывать и вовсе использовать, казалось бы, классово чуждые им институты и проекты. Так было с акцией по национализации земли (когда в основу были положены эсеровские разработки). Так случилось и с конституцией. Не минуло и года после октябрьского переворота, как появилась первая советская конституция, в 1924 году – вторая, в 1936 году – третья, в 1977 году – четвертая.

Причем здесь не некие, чуть ли не невинные политические игры (кто-то что-то «перехватил», использовал чужое, что будто бы ничего не меняет), а события, которые принципиально деформируют общепризнанные ценности, самую суть неадекватно используемых институтов. В данном случае – самую суть государственно-правового института – конституции.

С ЭТОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ советские конституции – это не просто неадекватно использованные политико-тенденциозные феномены. Они плоть от плоти продукты и элементы советской коммунистической системы, представляющие особый класс явлений – полярных антиподов государственно-правовых институтов современного демократического общества.

Конечно, между четырьмя советскими конституциями существуют известные различия. Первые две из них (1918 и 1924 годов) – неприкрыто откровенные большевистско-коммунистические документы, провозглашавшие господство прямой силы, диктатуру пролетариата, гегемонию рабочего класса, исключение из политической жизни угнетателей и эксплуататоров, приоритет прав угнетенных и эксплуатируемых народов и другие коммунистические догмы. Два последующих конституционных документа (1936 и 1977 годов) нашпигованы внешними демократическими формами: «права граждан», «правосудие», «закон» и многое другое, что как будто согласуется с развитыми демократическими ценностями западного мира. Но эти формы построены так и обставлены такими условиями и ограничениями, что сколько-нибудь существенного, реального значения они в жизни общества обрести не могли.

Это не документы, строго соответствующие реальному положению вещей в области власти, прав граждан, иных политических и правовых институтов, а документы во многом из мира *иллюзий, мифов и государственной лжи*; они находятся в разящем несоответствии с фактической организацией партократической власти, изобилуют обманными утверждениями вроде «власти трудящихся», провозглашая демократические права, сводят их на нет ограничениями и политическими условиями их осуществления (такими, как «в интересах трудящихся», «в интересах социализма»).

Для всех четырех советских конституций характерен ряд общих содержательных черт: приоритет общества и, прежде всего, государства и идеологических постулатов над личностью, ее интересами;

возвеличивание Советов в качестве всевластных органов, их конституирование как единой системы власти «снизу доверху»;

и, наконец, прямая легализация партократической власти, закрепление «руководящей и направляющей роли КПСС» как «ядра», основы всей политической организации общества (ст. 6 Конституции СССР 1977 года).

КОГДА В 1985 ГОДУ в советском обществе начались многообещающие перемены, инициированные крупнейшим российским реформатором М. С. Горбачевым (сначала под лозунгом «совершенствования социализма», потом – «перестройки»), то, в сущности, единственной конституционной основой таких перемен была принятая в 1977 году Конституция СССР (и строго соответствующие ей конституции союзных республик, в том числе РСФСР) – документ, который величали «конституцией победившего социализма».

Первоначально складывалось впечатление, что положения действовавшей в то время Конституции позволяют проводить идущие и намеченные преобразования. Более того, ряд действовавших в ту пору конституционных положений, введенных явно в пропагандистских целях (скажем, положения об основном направлении развития государственности в виде «развертывания демократии», о «гласности»), неожиданно приобрели реальное значение, стали предпосылкой для утверждения демократических прав, в том числе одного из основных – свободы слова.

Вместе с тем, по мере углубления демократических преобразований, становилось всё более очевидным, что действующая Конституция не согласуется с нарастающими демократическими процессами. И дело не только в том, что приобретение пропагандистскими конституционными положениями реального значения дало в ряде случаев и негативный эффект (например, положения о союзных республиках как «суверенных» образованиях и об их «праве выхода» из Союза, понимаемого как основание для односторонних правовых акций), и не только в том, что некоторые реформаторские меры вошли в прямое противоречие с Конституцией (в частности, преобразование собственности, ее разгосударствление противоречили конституционной записи о видах и формах собственности; и на Комитет конституционного надзора со стороны ряда лиц оказывалось прямое давление с тем, чтобы все мы встали на «защиту Конституции и социализма»). Суть вопроса в том, что действующая Конституция не давала, строго говоря, должной юридической основы, простора и импульсов к назревшим преобразованиям. Последние проходили как бы рядом с Конституцией, порой опираясь на некоторые конституционные положения, а по большей части не имея достаточной конституционной опоры или даже наталкиваясь на существующие конституционные записи как на непреодолимый барьер.

ВЫХОД из создавшейся ситуации первоначально был найден в том, чтобы исправлять и дополнять действующую Конституцию 1977 года – вносить в нее поправки (выход тем более привлекательный, что каких-либо осложняющих процедур для внесения поправок Конституция в то время не предусматривала, достаточно было соблюдения при голосовании требования квалифицированного большинства – 2/3 голосов).

Это и было сделано в 1988 и 1989 годах, когда последний советский Верховный Совет во исполнение партийных директив ввел в конституционный текст ряд новшеств, выработанных в высших эшелонах партократической системы. В том числе – о Съезде народных депутатов, высшем органе власти, о постоянно действующем Верховном Совете, о Комитете конституционного надзора, о свободных в основном выборах, ряд других новшеств, представленных в качестве принципов

ально демократических (впрочем, на деле – с ограничениями и оговорками, обеспечивающими сохранение основ партократической власти).

Вместе с тем уже в те годы становилось все более очевидно, особенно под углом зрения идеалов современной демократии, что к вопросам конституционного развития необходим более основательный подход. И речь должна идти не просто о «новой» конституции, а о *первой* в нашем Отечестве по-настоящему демократической конституции (и мне, похвалюсь, довелось об этом сказать на первом же Съезде народных депутатов в мае 1989 года). О Конституции как о строго юридическом документе высшего ранга, отвечающем своему предназначению – упорядочивать политическую власть, обеспечивать права и свободы человека.

Необходимость подготовки такой передовой, по высоким юридическим стандартам Конституции стала очевидной уже в 1989 – начале 90-х годов. На первом же Съезде народных депутатов была образована довольно многочисленная Конституционная комиссия, намечены планы ее работы.

Однако по официальной линии практическое дело подготовки проекта демократической Конституции не сдвинулось с места. И в продолжающихся политических дебатах речь, как и прежде, шла в основном о поправках к действующей Конституции (страсти кипели, главным образом, в отношении ст. 6, закреплявшей «руководящую и направляющую» роль КПСС в жизни советского общества).

Вместе с тем необходимость подготовки демократической Конституции приобрела со временем крайнюю остроту, характер неотложного дела. В требованиях, выдвигаемых на вспыхнувших забастовках, особенно горняков, чуть ли не первое место заняли требования о Конституции. Андрей Дмитриевич Сахаров, не удовлетворенный бездеятельностью Конституционной комиссии, начал работу над своим, «сахаровским» проектом.

Наконец, в 1990 году, после стремительно начавшейся «суверенизации» российской власти под предводительством Б. Н. Ельцина, Верховный Совет РСФСР объявил о подготовке «конституции республики», и в довольно быстрых темпах такой проект республиканской конституции был подготовлен. Проект, освобожденный от идеологической окраски и содержащий ряд демократических установлений.

Вскоре в сложных перипетиях борьбы «центра» и «России» (за которой ощущалось жесткое противоборство М. Горбачева и Б. Ельцина) проект Конституции РСФСР, претендующий на «подлинный демократизм», выдвинулся в самый центр бурных политических страстей. А затем, после августа – декабря 1991 года, когда «центр» в виде грандиозной сверхдержавы – СССР – рухнул и на пространстве России утвердилась верховная российская власть, принятие Конституции РСФСР стало практическим процессом.

Шел 1992 год. Вовсю развертывались кардинальные (как было объявлено) реформы. И складывалось впечатление, что вот-вот проект Конституции РСФСР превратится в действующую Конституцию.

ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ РСФСР, разработанный группой советских юристов и возвеличенный некоторыми деятелями из Конституционной комиссии (созданной из представителей всех политических фракций республиканского Съезда), отличался рядом достоинств. Он был свободен от политико-идеологических наслоений и положений, легализующих «руководящую и направляющую» роль компартии. В нем был использован ряд общепризнанных достижений конституционной культуры, ее юридико-конструктивных начал, и в первую очередь – важнейшее из таких начал, принцип разделения властей. В текст проекта был введен ряд нормативных положений современной общественной науки, в том числе о гражданском обществе, о правах человека и гражданина, в разработках которых ключевую роль сыграл один из основателей правозащитного

движения Сергей Адамович Ковалев (эти положения затем были восприняты в «президентском», вынесенном на референдум, проекте).

Недаром идеологические службы КПСС с откровенной неприязнью встретили эрэсфэсэровский конституционный проект, окрестили его «буржуазным» и даже – как это ни странно и в чем-то даже забавно – «тоталитарным» (впрочем, все эти жесткие характеристики присутствовали до той поры, пока не появились другие проекты, ставшие предметом еще более яростно-негативных, злобных характеристик).

Между тем если рассматривать официальный проект Конституции РСФСР с деловых критических позиций, то он требовал совсем других оценок, чем те, которые выносили коммунистические идеологи. По мере углубленной проработки текста проекта с профессиональной, юридико-конституционной точки зрения (да и вообще – с точки зрения данных научной теории о современной демократии и праве) становилось все более понятно, что рассматриваемый проект, несмотря на свой демократический антураж, вместе с тем является компилятивным документом, лишенным единого концептуального, последовательно демократического стержня. В этом своем качестве официальный проект в значительной степени воспринял советские конституционные традиции и в этом отношении носил просоветский характер.

Помимо иных моментов, это нашло свое выражение в том, что основой организации власти остались Советы (которые неотделимы от советской идеологии всевластия, в корне подрывающей саму идею разделения властей); на первое место в тексте проекта выдвинулись теоретико-декларативные положения (которые нередко допускают вольные интерпретации и произвольное практическое использование, а главное – оттесняют нормативные положения о правах человека); не в полной мере учтены, а порой и совсем не учтены достижения конституционной культуры последнего времени (которые были заслонены одним лишь непререкаемым идолом – конституционным опытом США).

Вот почему по инициативе Движения демократических реформ, наиболее влиятельного в те годы реформаторского движения, небольшая группа юристов (которую было предложено возглавлять автору этих строк) в январе 1992 года была привлечена к тому, чтобы разработать принципиально новый проект Конституции России, и вскоре, уже в начале апреля того же года, новый конституционный проект, который получил название «альтернативного», был подготовлен.

II ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЕ ОСНОВЫ И ЮРИДИКО-КОНСТРУКТИВНЫЕ НАЧАЛА

БЫЛО истинной удачей то, что работа над альтернативным проектом осуществлялась группой правоведов, имеющих, могу заверить, основательную юридическую подготовку и связанных между собой многолетней профессиональной и творческой деятельностью, глубоким личным взаимоуважением.

Это – тогдашний петербургский мэр, коллега по науке и преподаванию, *Анатолий Александрович Собчак* и крупный ученый, мой давний друг по цивилистической профессии и личным взаимным симпатиям, *Юрий Хамзатович Калмыков*. Оба – профессора, доктора юридических наук, авторы многих книг по юриспруденции. Мы втроем напряженно работали в 1989–1990-х гг. в Комитете по законодательству Верховного Совета СССР, частично – в Комитете конституционного надзора. Плюс к этому, важнейшую, незаменимую роль при уточнении концепции и юридической отработке текста альтернативного проекта сыграл вошедший в нашу небольшую команду *Станислав Антонович Хохлов*, один из выдающихся

мастеров юридического дела, выпускник и преподаватель нашего Свердловского юридического института (прошедший со мной все московские мытарства), человек высокой пробы, надежности, порядочности, ушедший из жизни, увы, в самом расцвете сил, в 1996 году.

Работа над текстом альтернативного проекта проходила в Санкт-Петербурге, в одном из помещений Смольного (точнее – скрытого во дворе уютного двухэтажного дома, судя по всему служившего комфортной обителью питерского руководства в тяжкие дни блокады) под благотворной канцелярско-деловой опекой и при прямом участии в разработке А. А. Собчака.

Подготовка нового проекта Конституции имела поддержку и со стороны высших должностных лиц страны – сначала при обсуждении конституционных проблем со стороны М. С. Горбачева, а затем, после распада Советского Союза и учреждения поста Президента (уже в отношении разрабатываемого проекта), – со стороны Б. Н. Ельцина, крупного политического деятеля, настроенного, при всех его специфических страстях и устремлениях, на установление в России режима действительной демократии.

Работа над проектом Конституции проходила с огоньком, как говорится, на одном дыхании, заслонив всё остальное – суетное, недоброе.

И здесь очень важно обратить внимание на принципиальный, возможно, самый главный момент, относящийся к подготовке альтернативного проекта. Но прежде необходимо пояснить следующее.

При обсуждении альтернативного проекта подчас слышались упреки насчет скоропалительности его подготовки («Выскочил, как черт из табакерки», – было сказано в публикации одного из журналистов, обслуживавших тогдашний Верховный Совет).

Выскочил-то выскочил, но необходимо понимать основания столь быстрой подготовки проекта. Дело не только в том, что необходимый исходный материал долго готовился (в том числе в конституционных разработках А. Д. Сахарова, которому и был посвящен проект) и по многим позициям был накоплен значительный собственный опыт теоретического и практического порядка. И не только в том, что в данном случае проработкой конституционного проекта занимались специалисты, которые не ставили задачу в последующем претендовать на власть (как считала Е. Г. Боннэр – друг, сподвижник и продолжатель дела Андрея Дмитриевича, это оптимальный вариант), когда, подтверждаю, работаете действительно легко, исключительно в профессиональном ключе.

Но суть дела – это и есть упомянутый главный принципиальный момент – заключается в том, что с самого начала была отработана *концепция конституции*, что предопределило целеустремленность и спорность при подготовке текста альтернативного проекта.

Что это за концепция?

Ее существо в нескольких словах (прошу прощения, в чем-то торжественно-громких, но иначе не скажешь) сводилось к тому, чтобы создаваемый конституционный документ стал *Конституцией Человека*. И не в помпезных Возвышенных декларациях, что до сей поры встречается нередко, а именно такой Конституцией, в соответствии с которой *человек* – с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами – *возвысился бы над властью и стал центром государственно-правовой жизни страны*. Прошу обратить внимание на первые и последние слова приведенного положения. Ибо просто ссылки на «человека» используются широко, в различных смысловых контекстах (даже в советское время они звучали в формулах «все для человека», «все для блага человека»), и сейчас они порой используются даже в связке с авторитарной властью. Глубинный же смысл рассматриваемой концепции заключается в том, чтобы *человек с его высо-*

ким достоинством и неотъемлемыми правами возвысился над властью и это определило бы существо и развитие всей государственно-правовой жизни.

Как же достигнуть этого?

Когда нашей команде было предложено подготовить альтернативный проект, то без промедления, с первых же дней началась интенсивная работа не только для того, чтобы сконцентрировать наши собственные знания и опыт, но и для того, чтобы в кратчайший срок изучить и принять к дальнейшей разработке достижения мировой конституционной культуры. И это должны были быть не просто уже устоявшиеся демократические каноны (такие как разделение властей, парламентаризм, федерализм и т. д.), а вместе с ними современные, передовые *фундаментальные основы* Конституции и базирующиеся на них *юридико-конструктивные начала*, т. е. только что упомянутые «каноны» их реализации, выработанные, как выяснилось, в наиболее развитом виде в странах континентальной Европы.

Среди фундаментальных, базисных основ (и соответствующих юридико-конструктивных начал), отвечающих концепции Конституции Человека, при разработке альтернативного проекта были выделены следующие две из них, тесно, органично между собой связанные. Это:

во-первых, принципиальное качественное упорядочение государственной власти;

во-вторых, определяющая роль в государственно-правовой жизни института и культуры прав человека.

ИТАК, ПЕРВОЕ, что было положено в качестве фундаментальной основы при подготовке альтернативного проекта Конституции, – это принципиальное, качественное упорядочение власти. То есть в соответствии с замыслом Конституции должна быть учреждена власть, имеющая строгие правовые очертания, ограничения, при которой она не была бы способна по самой своей природе *подавлять человека*, – такой, когда бы она находилась под эгидой права в обществе, где доминируют начала самоуправления, «своей» собственности, высоких духовных критериев.

При этом надо иметь в виду, что само появление в новейшей истории такого института, как конституция, сопряжено с необходимостью ограничить и связать власть, подчинить ее демократическим порядкам и контролю. Не допустить того, чтобы политическая власть была диктаторской, тиранической, чинила произвол, безраздельно господствовала над человеком.

Ведь власть (как особый социальный феномен) по своей природе – явление суровое и коварное, органически стремящееся к некой абсолютности и в этом своем качестве жестко покоряющее людей – и подвластных, и властвующих («власть портит человека, абсолютная власть – абсолютно»).

При подготовке альтернативного проекта было очевидно, что осуществление такой задачи в российских посттоталитарных условиях – дело невероятной трудности, сопряженное не только с самой природой власти как таковой, но и с труднопреодолимыми советскими реалиями и постулатами, с рядом стойких имперских российских традиций.

Одно из наиболее крупных препятствий в этом деле – всеобъемлющая казенная (государственная) собственность, неизбежно предполагающая существование огромного управленческого чиновничьего аппарата, а отсюда – господство власти над личностью.

Другое, не менее крупное препятствие – какая-то неистребимость укоренившихся представлений о том, что в России «наверху» должно господствовать всевластие одной персоны, стало быть всесильный Царь, Генсек, иная всевластная фигура, а на губернском уровне – могущественный губернатор, первый секретарь обкома, иной всевластно могущественный, бесконтрольный, безоглядно почитаемый начальник, преподанный «сверху».

Поэтому, в частности, в альтернативном проекте были провозглашены как сам тезис об упорядоченной в указанном выше смысле власти, так и доминирование частной собственности, порядок установления строгих, формально фиксируемых границ для государственных имуществ, за пределами которых должен автоматически вступать в действие режим разгосударствления.

И плюс к тому – предусматривался строго разрешительный порядок действий государственных учреждений и должностных лиц всех уровней, в соответствии с которым они вправе делать лишь то, что прямо разрешено законом (в том числе было прямо записано о недопустимости использования регулярных вооруженных сил при решении внутригосударственных политических проблем).

Вместе с тем умеренность и ограниченность власти требуют также и надлежащей ее организации, построения в соответствии со строгими юридико-конструктивными началами в целях устранения демона всевластия, грозящего произволом, неправовым насилием и даже государственным террором. Решающим средством такой надлежащей организации, ставшим, как уже говорилось, твердым «каноном», стал *принцип разделения властей*. Этот принцип выражен не только в четком разделении государственной власти на три ветви – законодательную, исполнительную, судебную, но и в их уравниваемости, системе их взаимного сдерживания. С тем чтобы ни одна из «властей» не стала подавляющей, доминирующей, всевластной.

Наиболее ярко, казалось бы, внешне безукоризненно это было сделано в Конституции США 1787 года (буква в букву воплотившей предначертания автора рассматриваемого принципа – великого французского просветителя Ш. Монтескье).

Стало быть, скажу еще раз, в альтернативном проекте за основу надлежащей организации власти – так же, как и в других конституциях, претендующих на статус демократических, – был взят принцип разделения властей.

Но не все здесь просто. Закрепление принципа разделения властей требует развернутой, детальной разработки сложной структуры государственно-правовых отношений. Что же здесь, с учетом исторического опыта, может быть использовано в качестве исходного образца?

На первый взгляд, казалось бы, вопроса тут нет. Разве не может быть образцом в этом деле Конституция США, исправно работающая более двух столетий? Такой подход представлялся тем более обоснованным в обстановке начала 90-х годов, когда все «американское» во многих реформаторских кругах почиталось безальтернативным, поучительным примером.

Между тем исторический опыт становления и развития конституционной культуры свидетельствует о том, что, при всей документальной ясности и прямолинейности закрепления принципа разделения властей в государственной системе США, в ней есть и нечто от лукавого и потенциально опасного. Дело в том, что Конституция США, разделив власть на три ветви (Президент, Конгресс, Верховный Суд), не предусмотрела неизбежного в государстве особого института интегрирующего порядка, который бы выполнял функции главы государства. И поэтому получилось так, что руководитель исполнительной власти (Президент) стал выполнять и функции главы государства. А так как это грозит непомерной концентрацией власти, то, в силу постепенно сформировавшихся неписаных государственно-правовых обыкновений, функции управленческо-исполнительной власти в немалой степени перетекали в руки законодательного органа – Конгресса. Как это ни парадоксально, в итоге получилось, что принцип разделения властей именно в США реализовался – при весьма впечатляющей внешней импозантности (до сих пор вводящей в заблуждение многих людей) – в деформированном виде. Республика США, почитаемая «классически президентской», на деле оказалась та-

кой, где в практических управленческих делах нередко решающую роль играет Конгресс.

Более последовательным в данном отношении, поистине впечатляющим оказался конституционный опыт Европы, особенно опыт последних десятилетий. В соответствии с ним в европейских странах, за исключением, пожалуй, Франции (и то в основном в историческом ракурсе), президент (а в странах с конституционной монархией – монарх) является *только главой государства, призванным представлять и олицетворять страну в целом, а также осуществлять координирующие функции, функции арбитра между властями. То есть функции, не выраженные во властной исполнительно-управленческой и тем более в законодательной деятельности.*

Такого рода передовой опыт, предупреждающий концентрацию власти и создающий предпосылки для того, чтобы сделать эту власть конституционно упорядоченной, и был положен в основу построения власти, взаимоотношений между ее подразделениями в нашем альтернативном конституционном проекте.

Вот несколько моментов такого рода построения власти в альтернативном проекте, которые представляются наиболее существенными.

Прежде всего – это конституирование положения о Президенте как о главе государства, строго отделенном от государственных подразделений, непосредственно осуществляющих властно-административную, законодательную и правосудную деятельность (во всех этих направлениях государственной деятельности функции главы государства – кадрово-инициативные, координирующие, обеспечительные, отчасти – функции арбитра, т. е. обеспечивающие скоординированное и гармоничное функционирование всех подразделений единого государства).

Далее – это придание должного статуса исполнительно-распорядительной деятельности Правительства, которое должно стать одной из трех полнокровных «властей» – центром управления общественными делами, его «исполкомом»; сообразно этому руководитель Правительства (председатель, премьер-министр) – это по лексикону и меркам германской конституционной системы и соответствующей ей практики (а именно они, а не французский опыт, служили здесь ориентиром) – «канцлер», который персонально отвечает за дела Правительства.

Следующий момент – это разделение власти не только по горизонтали (по трем указанным ранее ветвям), но и по вертикали – между «центром» и субъектами Федерации, а также отделение от государственной власти муниципального самоуправления, которое по вопросам местной жизни должно обрести полную автономию, что призвано резко снизить объем государственной власти в стране в целом, придать ей строго определенное функциональное назначение.

И наконец, придание функции «третьей власти» не одному привилегированному звену судебной системы (такому, как Конституционный суд), а всей судебной системе в целом – целостной системе правосудия, начиная от низовых судов и кончая высшими судебными инстанциями.

Заранее можно было ожидать, что альтернативный проект по вопросам организации власти встретит яростно-негативную реакцию – и со стороны амбициозных разработчиков официального верховносоветского проекта, и, в особенности, со стороны постсоветских деятелей, не мыслящих организацию власти иначе как основанную на принципе всевластия, реализуемого в широких полномочиях верховного лица (в свое время – Генсека, теперь – Президента, а на среднем управленческом уровне – у своего рода преемника, почитаемого и прославляемого обкомовского «первого», губернатора).

Именно по последнему из указанных пунктов в наш адрес раздались наиболее резкие обвинения (наподобие того, что «вы хотите превратить Президента в анг-

лийскую королеву», которая, как всем известно, царствует, но не управляет, – аналогия, которой, строго говоря, можно было бы гордиться).

Положение было трудное. Потому что – и об этом сейчас пора сказать с полной определенностью и откровенностью – одна из центральных идей, являющаяся основой альтернативного проекта, состояла как раз в том, чтобы *положить конец идеологии и практике советского всевластия* – тому, что может быть названо *Большой властью*, и, значит, резко понизить объем императивной власти в стране, ее положение несокрушимого всепожирающего Левиафана.

При этом у нас – тех, кто осуществлял альтернативные разработки, – был наивный расчет на то, что все пройдет как бы само собой: возобладают интересы демократии, здравого смысла, требования современной конституционной культуры.

Впрочем, наши наивные расчеты довольно скоро оказались в чем-то развеянными. Несколько позже – год спустя – разработки альтернативного плана вошли в содержание «президентского» проекта, начались аппаратные проработки текста, в ходе которых с опорой на разрозненные данные проходившего летом 1993 года Конституционного совещания полномочия Президента насыщались некоторыми дополнительными прерогативами.

В итоге, когда в преддверии конституционного референдума в декабре 1993 года был сверстан окончательный текст Конституции, оказалось, что в руках Президента сосредоточен некий круг полномочий (возможность председательствовать на заседании Правительства, определение не только внешней, но и внутренней политики – правда, по существу, только через ежегодное послание Законодательному собранию, не имеющее императивного действия, руководство Советом Безопасности, издание в рамках своей компетенции указов, не противоречащих закону), которые при соответствующей интерпретации давали, пусть и недостаточно строгую, но все же известную предпосылку для осуществления определенной исполнительно-распорядительной деятельности.

ТЕПЕРЬ – о второй фундаментальной основе (и соответствующих юридико-конструктивных началах) альтернативного проекта. Это еще одно, не менее (а, пожалуй, по ряду пунктов – более) важное звено, в определенной мере – звено, первичное в построении конституционного документа, которое реально способно придать ему качество Конституции Человека.

Что это за звено?

Напомню: одна из советских конституционных традиций состояла в том, что в соответствии с политико-идеологическим характером советских конституций их первая, заглавная часть, вслед за преамбулой, сводилась, в сущности, к общим положениям и констатациям декларативного характера. В таких положениях, понятно, было предостаточно деклараций и лозунгов, прославляющих социализм и власть трудящихся, а также таких, как «все во имя, все для блага человека». Но эти декларации и лозунги не выходили за рамки чисто пропагандистских призывов и не имели юридического, конституционно-правового значения.

Какие-то общие декларативные положения с давних времен можно было найти и в конституциях западных демократических стран. Однако они выражались не более чем одной-двумя фразами констатирующего порядка (таких, как признание страны «республикой» или провозглашение «свободы, равенства и братства»).

Все изменилось в пятидесятых годах XX века. Именно в это время на первое, главное место в конституциях демократических стран все чаще стали помещать положения об основных правах и свободах человека.

И вновь, как это ни покажется неожиданным, такое построение Конституции в немалой степени базируется на достижениях европейских конституций, и в данном случае – что особенно примечательно – прежде всего, конституций таких стран, как Германия, Испания, Италия.

Чем это вызвано? Только ли давними юридическими традициями и искусством правоведов этих стран?

Причины тут довольно серьезные, имеющие, кстати, прямое отношение к нашей стране. На мой взгляд, отмеченные особенности конституций Германии, Испании, Италии вызваны, главным образом, тем, что выдвижение основных прав и свобод, способных противостоять власти, ее произволу, на главное место в конституционном тексте, а отсюда – в центр жизни всего общества, *выстрадано* народами этих стран. Ведь народы именно этих европейских стран – Германии, Испании и Италии – непосредственно, «изнутри» пережили ужасы фашизма, фашистского тиранического режима, одним из проявлений которого стало тотальное попрание прав и свобод человека, основанного на них гуманистического права. Именно народы этих стран на своем горьком опыте постигли ценность гуманистического права – ту непреложную истину, что как раз утверждение в общественной жизни основных прав и свобод человека, обеспеченных независимым правосудием, является преградой для фашизма, воцарения в обществе тоталитарных режимов, тиранической власти.

Приоритетное положение прав и свобод человека по своим истокам – фактор духовно-нравственного, гуманистического порядка. Вместе с тем принципиально существенно то, что *рассматриваемое построение Конституции фундаментально значимо для всего ее содержания. Права и свободы человека при таком построении должны стать нервом Конституции, своего рода камертоном всей конституционной инфраструктуры – стержнем, который определяет самую суть государства.*

Самое существенное заключается здесь в том, что подобное построение не просто обуславливает строго конституционную определенность государственной власти, недопустимость ее произвольных действий, но и решает коренную проблему власти в условиях современной демократии – *ставит человека, его достоинство, высокий статус и неотъемлемые права над властью.* А это и есть то главное, что, в конечном счете, как раз и придает Конституции качество, соответствующее наиболее высоким современным требованиям конституционной культуры, – фактически делает ее Конституцией Человека.

И вот я могу засвидетельствовать, что в первоначальном конституционном проекте (который, напомним, был назван «альтернативным») на первое место – не только декларативно, но и текстуально – были поставлены основные права и свободы человека. Вся глава первая в альтернативном проекте после вводного положения о России, «утверждающей себя» в качестве демократического, правового и светского государства (скажу еще раз – «демократического!», «правового!», «светского!»), была целиком посвящена основным правам и свободам человека. Основные права и свободы человека в проекте непосредственно связывались с высоким статусом и достоинством человека; они признавались непосредственно действующим правом, определяющим построение и содержание деятельности государства, всех его подразделений.

Конечно же, и наше Отечество – Россия (тоже при наличии известных историко-правовых предпосылок) по-настоящему выстрадала такое общественное устройство, когда центром жизни общества стал человек, его высокий статус, его достоинство, его неотъемлемые права и свободы. Главное же, и у нас, по примеру передовых европейских стран, представлялось чрезвычайно важным изначально задать соответствующий настрой российской демократической Конституции, и это, по оптимистическим расчетам, должно было предопределить всю государственно-правовую инфраструктуру, в конечном итоге – успех последовательно демократических преобразований в обществе.

И ЕЩЕ ОДНО итоговое положение в отношении закрепления в альтернативном проекте Конституции ее фундаментальных основ.

Как-то во время формирования «президентского» проекта Г. В. Старовойтова, один из ведущих правозащитников реформируемой России, заметила при личной встрече, что наш альтернативный проект, помимо всего иного, отличается своеобразным «сюжетом».

Сюжетом? Да и впрямь, может быть, так. К нашей, составителей альтернативного проекта, гордости, из самого содержания и логики, даже интриги современной эпохи, быть может, действительно, родился своеобразный сюжет проекта конституционного документа. Это – отвечающие реалиям эпохи столкновение и судьба в нынешнем мире основных, полярно противоположных, противоборствующих сил: с одной стороны – непосредственно силовой ориентации в общественной и государственной жизни, а с другой – движения всего человечества к великим гуманитарным идеалам и ценностям.

И не здесь ли, в указанном сюжете конституционного документа, когда преследуется цель и определяются средства для того, чтобы положить конец укоренившемуся в стране демону всевластия и одновременно, в связке с этим, решительно возвышаются права человека, придается им определяющее государственно-правовое значение, кроется кульминация и желанная развязка сюжета российской Конституции, с неизбежным при таком развитии общества долгожданным благополучием и процветанием России?

III НАСЛОЕНИЯ

СУДЯ ПО СОБЫТИЯМ начала 1993 года, конституционным разработкам, выраженным в альтернативном проекте, было уготовано благополучное будущее. В марте – апреле 1993 года они, наряду с другими материалами, были положены в основу «президентского» конституционного проекта, который, в противовес официальному варианту, в апреле 1993 года в ходе референдума о доверии Президенту и в последующие месяцы стал своего рода идейной платформой в борьбе с коммуно-советской идеологией и практикой.

По отзывам специалистов, опубликование за несколько дней до референдума основных положений «президентского» проекта Конституции, уже тогда широко-вещательно объявленной Конституцией Человека, сыграло заметную роль в благополучном для Президента исходе голосования.

Что ж, в опубликованном тексте проекта, действительно, наличествовали серьезные основания для подобной оценки и реакции. Его первая глава была посвящена, главным образом, основным правам и свободам человека, была вычленена и нормативно обозначена самостоятельная роль Правительства, особое место в политической жизни общества по проекту заняла муниципальная власть, намечались пути и механизмы для возвышения всей системы правосудия.

Вместе с тем в «президентском» варианте уже произошел – пусть пока и не очень заметный и существенный – отход от первоначального замысла. В первой главе, наряду с концентрированным закреплением основных прав и свобод человека, содержалось не одно, как ранее, а уже три-четыре общедекларативных положения. Произошел сдвиг и в нормативных характеристиках власти. Не попали в опубликованный текст положения о строгой конституционной определенности власти, об антимилитаристской направленности государственной деятельности, о фиксируемых пределах государственной собственности, о недопустимости использования регулярных вооруженных сил для решения внутривнутриполитических

проблем. Президент получил при известных условиях право роспуска парламента, теперь уже он, а не сам глава Правительства назначал заместителей премьера.

Почему все это произошло?

Есть простое объяснение такому изменению позиций. В работу над текстом проекта включились аппаратные работники государственных учреждений и президентской администрации. Среди этих работников твердые позиции занимал ряд политических деятелей, настроенных последовательно демократически (таких, как В. Ф. Яковлев, С. А. Филатов). Но среди аппаратчиков было немало и таких работников, которые всегда точно знают, чего от них ждет бюрократическая система, ее лидеры.

Плюс к этому – что не менее важно, – при отработке «президентского» варианта пришлось исходить не только из альтернативного проекта, но также и из других разработок, в том числе тех, которые были подготовлены юристами администрации, особенно ГПУ (Государственно-правового управления) во главе с С. М. Шахраем – человеком незаурядным, талантливым, с добрыми чертами характера, и вместе с тем – настроенным на усиление президентской власти (среди общих вопросов мы тогда вместе с ним, в частности, определились с сохранившимися до нынешней поры статусом и названиями высших органов законодательной власти – Федеральное Собрание, Государственная Дума, Совет Федерации).

Но есть тут и более сложные обстоятельства, наводящие на непростые размышления. Это – необходимость и, вместе с тем, коварство и беда компромиссов. В нравственном и политическом отношениях компромиссы, несомненно, – не просто неизбежность, но и благо. Впрочем, благо относительное (ибо при компромиссах приходится чем-то поступаться, отходить от строго последовательных позиций). В результате компромиссов часто вырабатываются решения, лишенные четкой определенности и – что особенно прискорбно – оригинальных и сильных замыслов, съедаемых невнятными формулировками, общими формулами, беззубыми записями, приемлемыми «и для наших, и для ваших».

Поэтому, надо полагать, в сложном и ответственном деле, от которого зависит судьба страны, – таком, как подготовка текста Конституции, – компромиссы имеют свой потолок (на этот счет мы с А. А. Собчаком уже в то время выступили со статьей в газете «Известия»). Компромиссы по исходным принципиальным вопросам Конституции неизбежно приводят к утрате каких-то звеньев исходного замысла, а подчас, в контексте неясных, противоречивых формулировок, к перспективе разноплановых интерпретаций, порой к возможности «поворота событий» – решениям и практическим делам, прямо противоположным исходным предпосылкам, уже прописанным или предполагаемым. Увы, такой поворот событий по ряду существенных позиций как раз и затронул российскую Конституцию, создал в ней своего рода *наслоения*.

НАРЯДУ С ОТМЕЧЕННЫМИ ПРИЧИНАМИ, наличествовали и другие обстоятельства, связанные с невообразимо сложными реалиями лета 1993 года, которые еще более повлияли на подготовку конституционного текста.

Наиболее существенное здесь – это прошедшее в мае – июне 1993 года Конституционное совещание, организованное Президентом, его администрацией. Совещание было призвано придать некий официальный или хотя бы полуофициальный статус проекту, дать ему должную общественную санкцию, а также, понятно, усовершенствовать конституционный текст, улучшить его.

Указанные цели в немалой степени были достигнуты. В общественном мнении «президентский» вариант в принципе не только по своей легитимности стал вровень с проектом, подготовленным Съездом и Верховным Советом РСФСР, но по основным своим позициям, соответствующим современной конституционной культуре, возвысился над ним. Тем более что привлеченные к работе совещания

правоведы, по сути дела – весь цвет советской правоведческой науки, с успехом потрудились над текстом с технико-юридической стороны. И хотя юридикотехническая правка здесь нередко отдавала стереотипами советского толка, она придала документу большую юридическую строгость и респектабельность. Наметился в ходе Совещания и ряд последовательных приверженцев строго демократических основ Конституции (таких, в частности, как «яблочник» В. Л. Шейнис).

Но все эти плюсы не сделали менее заметными те существенные недостатки, которые связаны с проработкой сложного политико-юридического документа на многосотенном форуме. Еще раз подтвердилась простая вещь: на такого рода форумах (другой поучительный пример – также большой и громоздкий по своему составу Съезд народных депутатов), а также на всенародных референдумах оправданы постановка и решение по схеме «да – нет» небольшого числа принципиальных положений – ключевых формул, поправок, суть и значение которых – хотя бы в принципе – ясны любому участнику форума или референдума.

Детальная же проработка конституционного текста на собраниях (секциях, совещаниях), в которых участвуют десятки и тем более сотни специалистов самой разной профессиональной подготовки, политической направленности, гражданской ориентации, со своими сложными взаимоотношениями, неизбежно приводит к чудовищной разногласии. Великое множество самых разных предложений, мнений, поправок, настойчиво с напором проводимых их авторами, с трудом поддается здравой оценке и разумному отбору путем простого голосования на секциях и иных форумах, сводится в многостраничные таблицы, и на их основе на рабочих совещаниях представителей секций вновь путем простого голосования чисто механически решается вопрос о внесении той или иной коррективы в текст проекта. В итоге, даже при самом математически строгом соблюдении указанных процедур (а точнее – благодаря такому строгому соблюдению) проект Конституции по ряду позиций в какой-то мере теряет исходные идеи, концептуальную цельность.

ОДНО ВРЕМЯ казалось, что наступила весьма благоприятная для возобновления последовательно демократических преобразований пора, сверкнула было надежда преодолеть упомянутые ранее наслоения, не соответствующие тем идеям, которые по замыслу должны были стать основой российской Конституции.

Эта надежда загорелась как некое искупление-оправдание для демократически настроенных людей в связи со вспышкой насилия, произошедшей в Москве 3–4 октября 1993 года, – драматическими событиями, начавшимися со столкновения просоветских агрессивно настроенных демонстрантов на московских улицах со стражами правопорядка и закончившимися огнем из танковых орудий по зданию Верховного Совета.

Не затрагивая всех сторон и оценок произошедшего в октябрьские дни лобового столкновения верховносоветской и президентской властей (оценок – весьма широкого диапазона: от «акций по предотвращению гражданской войны» до «расстрела парламента»), нельзя упустить из поля зрения главные уроки октябрьских событий.

Таких уроков, с точки зрения логики идущего сейчас рассказа, два.

Первый, притом, в основном, позитивный урок касается силы действующего права. Оказывается, что самые негативные, признанные обществом характеристики действующих в то время Конституции и законов не дают оправдания поступкам, не соответствующим «писаному праву» – существующим законоположениям. Ведь к сентябрю – октябрю 1993 года мнение об отсталости и даже порочности латаной-перелатаной Конституции РСФСР и законодательной деятельности Верховного Совета было общепризнанным, по крайней мере – широко распространенным. Между тем, как только 21 сентября в свет вышел президентский

Указ № 1400, которым деятельность Съезда и Верховного Совета прекращались и объявлялись выборы в новые представительные органы, столь же распространенным и категоричным стало мнение о том, что произошло *нарушение* Конституции и закона. И здесь, при подобных оценках, не принимаются в расчет никакие благообразные доводы. В том числе о соответствии президентских акций правам человека и принципам права и о том, что это необходимая ступень к действительно демократическому и гуманистическому праву. Сила существующего писаного права, пусть отсталого и действующего в обществе с укорененным беззаконием, оказалась довольно значительной, слепой, граничащей со слепотой фанатичной религиозной веры (знак, в общем-то, многозначительный и, в принципе, оптимистический, свидетельствующий о существовании основательных предпосылок для утверждения и в нашем обществе крепкой законности). Мне сдается, что как ни крути, но на принятую вскоре российскую Конституцию легла тень октябрьских событий – та тень предшествующих нарушений писаного права, которая очень прочно засела в народной памяти.

И второй урок, соотносящийся с первым. Это глубокая порочность насилия. Сколь ни будь вынужденным и благодетельным насилие, оно глубоко поражает общество своим проклятием. Особенно это затрагивает такое общество, как российское, только-только порывающее с тотальным насилием коммунизма и только-только начинающее заменять насилие правом.

До четкой, детальной яви вспоминается картина. Вот стоит с языками копоти расстрелянный Белый дом. Что ж, насилие свершилось, что было – то было. А теперь, когда в прошлое ушли система Советов, Конституция РСФСР, просоветские законоположения, казалось бы, существует широкий, безграничный простор для решительного искоренения наследия советского тоталитарного режима, последовательного развития демократических институтов.

Такие настроения (спасительные для ущемленного октябрьской трагедией сознания) породили надежду, что и в конституционном деле можно сделать спасительный «поворот назад» – устранить ущербные наслоения, неоправданные компромиссы, вызванные обстановкой лета 1993 года, вернуться в полной мере к фундаментальным демократическим конституционным основам, к ведущей конституционной идее, связанной со значением для содержания Конституции основных прав и свобод человека.

Этого, увы, не произошло. Конечно, было бы неправдой сказать, что все попытки повлиять на ход событий вообще не имели никаких последствий. Нет, все обстояло по-другому. Предложения иной раз «учитывались». Но суть дела в том, что предложения, затрагивающие построение Конституции, ее концепцию, спускались на уровень многочисленных поправок по частным вопросам и учитывались в какой-то фразе, в формулировке с возможными последствиями, далеко не всегда точно просчитанными. Скажем, настойчивые предложения поставить во главе Конституции основные права и свободы человека обернулись тем, что во второй статье было сказано о правах человека и гражданина как о «высшей ценности», да вторая глава, посвященная этим правам, получила статус «неприкасаемой» (что наряду с явно позитивной стороной – недопустимостью изменения положений главы одним лишь Федеральным Собранием – сделало практически невозможным устранение тех огрехов по вопросам прав человека, которые были допущены, по мнению автора этих строк, на последней стадии проработки конституционного проекта).

САМЫЕ ПОСЛЕДНИЕ шаги работы над текстом Конституции шли в недрах чиновничьего аппарата; некоторые коррективы вообще не были известны никому из непосвященных.

Особенно печальным и в чем-то странным следует признать исчезновение из окончательного текста положения о том, что частная собственность является естественным правом человека. Печальным и странным – в частности, потому, что именно это положение являлось основой экономико-правовой части заключительного доклада Президента на Конституционном совещании летом 1993 года (говорю об этом со знанием дела, так как готовил материалы для указанной части доклада) и оно неизменно присутствовало во всех опубликованных вариантах, вплоть до последних рабочих публикаций в октябре – ноябре. Один из приближенных к власти деятелей предпринимательства, И. Х. Кивелиди, уже после принятия Конституции на референдуме еще месяц-другой публично говорил об упомянутом положении как о главном достижении Конституции – до тех пор, пока при встрече не довелось сказать ему о том, что, увы, подобного положения в принятом тексте нет. Сказанное относится и к исключению из определения Российского государства его обозначения как «светского» (это обозначение было перенесено в статью 14, посвященную конкретным вопросам отношения государства к религии). Зато в полном согласии с основным содержанием Конституции так и не было закреплено предложение ряда приверженцев государственно-властных приоритетов об обозначении Российской республики в качестве «президентской» (что в какой-то мере стало бы легитимной предпосылкой для распространительного толкования президентских прерогатив и аналогичных законодательных актов).

ЭТО БЫЛО странное время, октябрь – декабрь 1993 года. В жестком столкновении президентской и верховносоветской властей как будто бы победила демократия. И в это время каких-либо авторитарно-диктаторских акций и впрямь не совершалось. Напротив, в некоторых случаях ощущались осторожность и примиренческий настрой.

Последовательность и твердость президентской политики проявлялась, пожалуй, в одном – в линии на скорейшее принятие Конституции.

12 декабря 1993 года намеченное неотложное принятие проекта Конституции свершилось. Вместе с выборами в нижнюю палату высшего представительного органа страны – Государственную Думу – состоялся и успешно завершился референдум по Конституции.

Конституция после референдума вступила в действие.

IV

СОДЕРЖАНИЕ И «ОБРАЗ» КОНСТИТУЦИИ РОССИИ

НЕОБХОДИМО сразу же зафиксировать главную, ключевую характеристику принятой на референдуме 12 декабря 1993 года российской Конституции. Притом характеристику, думается, общезначимую – в принципе верную, приемлемую даже, на мой взгляд, при интерпретации конституционного текста, пусть с какими-то оговорками, и с последовательно демократических позиций, и с позиций государственно-властных приоритетов.

Конституция России 1993 года – это первая за всю историю России демократическая Конституция, соответствующая основным общедемократическим требованиям, которая кладет конец господству власти вече-митингового типа – Советам, безраздельному господству под их прикрытием всемогущей партократии, тотальной идеологизации власти, всему комплексу начал и постулатов тоталитарного режима и одновременно закрепляет важнейшие демократические ценности – свободные выборы, начала гласности, другие демократические права и свободы, принципы разделения властей, парламентаризма, федерализма, муниципального самоуправления, независимого правосудия.

Конституция 1993 года представляет собой основной, зримый рубеж, свидетельствующий по указанным выше характеристикам о том, что Россия в канун XXI века наконец-то сделала решительный шаг к тому, чтобы порвать с традиционной цивилизацией византийского, азиатско-державного толка и стать на путь перехода к свободе, демократии, гуманистическому праву, на путь движения (пусть и не во всем еще определившемся, противоречивому) к правовому гражданскому обществу.

ДОСТОИНСТВА российской Конституции не должны, вместе с тем, заслонять ее недостатки.

Эти недостатки не сводятся к одним только недоработкам, упущениям, огрехам в юридических конструкциях. Все это есть и будет в какой-то мере, при необходимости, обозначено в последующем изложении. Главный же из недостатков заключается в том, что текст Конституции оказался несколько неоднородным. В нем, наряду с фундаментальными демократическими основами и соответствующими юридико-конструктивными началами (разделением властей, парламентаризмом и др.), оказались фрагменты иной направленности, отражающие государственно-властные приоритеты.

И хотя эти фрагменты имеют характер всего лишь отмеченных ранее наслоений, они все же послужили известным основанием для создания, скажем так, *образа* Конституции, который не согласуется с ее фундаментальными основами, но довольно основательно утвердился в общественном мнении.

Здесь ряд моментов. В том числе таких, которые относятся к правам человека. Они не только по существу были выведены из первой главы Конституции, но и утратили некоторые определяющие характеристики.

В частности, их приоритет и неотделимость от достоинства человека. Казалось бы, последний из указанных моментов – всего лишь деталь, к тому же мелкая. Но по сути дела – это своего рода стержень прав человека, весьма существенный. Ведь основные права и свободы, делающие каждого человека независимой и суверенной личностью (прежде всего – по отношению к власти), имеют свою морально-духовную основу, относящуюся к каждому человеку.

И это как раз достоинство человека, выражающее его высокий статус в обществе. Без признания и обеспечения высокого достоинства личности в обществе декларируемые права и свободы во многом теряют свою реальную человеческую основу, становятся, применительно к отдельному человеку в его практической жизни, бумажной «буквой». Основные права и свободы человека в рассматриваемой плоскости в значительной мере являются производными от его статуса и достоинства. Вполне обоснованно поэтому в передовых конституциях демократически развитых стран сама нормативная характеристика основных прав и свобод человека – главная часть конституции – прямо «выводится» из высокого достоинства человека. Такие же нормативные положения содержались в первых статьях альтернативного конституционного проекта и были воспроизведены в первых вариантах президентского конституционного документа.

Следующий пункт – о государственной власти.

В связи с рассмотренными ранее фрагментами конституционного текста, склоняющими к приоритету государственно-властных начал, возникло широко распространенное ныне представление о том, что будто бы «по Конституции» Президент «управляет страной», «руководит страной», обладает «неограниченными управленческими полномочиями», напрямую командует всеми силовыми ведомствами и вообще только от него (а с 2008 г. – еще от председателя Правительства, что не меняет сути дела) зависит реальная политическая жизнь страны. Словом, ни дать ни взять, – авторитарный режим, монархия, о чем многие говорят напрямую.

Да, в реальной жизни зачастую так оно и есть. Перед нами факты недавнего и нынешнего времени, старательно тиражируемые всеми каналами телевидения, – Президент на глазах миллионов телезрителей напрямую дает поручения управленческого порядка министрам, вырабатывает решения по административным вопросам, «переподчиняет» ведомства. Да и бывшие военные действия в Чечне, как говорили в то время военачальники с телевизионных экранов, совершаются «по указанию Президента».

Что же, от фактов никуда не уйдешь. Действительно, по многим показателям и критериям в начале нового тысячелетия в России утвердился режим централизованной власти (по мнению ряда аналитиков – «мягкой авторитарности», а в чем-то – и не только «мягкой») – режим, при котором господствует некая «суверенная» или «управляемая» демократия, верховенство вертикали власти со строгим порядком подчинения государственных дел одному должностному лицу – Президенту.

В недавнее же время в законах, практической деятельности фактически решались вопросы конституционного порядка, и в этом отношении произошло, так сказать, «вторичное», и не только конституционное, наложение, когда образовались новые укрупненные управленческие административные округа с руководителями, наделенными усиленными властными полномочиями, президентские функции обрели значение главенствующей в стране власти, предусмотренные в Конституции выборы приобрели по большей части характер формальной легитимации административных назначений, а законодательная власть по своим определяющим значениям реально слилась с исполнительной.

Наконец, в 2008 году были внесены – впервые за все время действия Конституции – и поправки непосредственно в конституционный текст, удлиняющие срок пребывания Президента на своем посту с четырех до шести лет – новация, которая немалым числом аналитиков была воспринята как усиление авторитарных тенденций в верховной власти страны. И тут – поразительный, в чем-то даже мистический повтор – могу засвидетельствовать, что в первых вариантах Конституции срок пребывания Президента на своем посту был определен как раз шестилетним периодом, и только за полгода до референдума он был сокращен до четырехлетнего, причем – вот своего рода парадокс парадоксов! – по весьма настойчивой рекомендации Председателя Конституционного Совета Франции господина Бадентера, со знанием дела полагающего, что более продолжительный срок не согласуется с демократическими критериями (соответствующие сокращения и другие коррективы, кстати сказать, были произведены и во Франции).

А все это означает, что из происходящих в государственной жизни реалий постепенно формируется и при помощи средств массовой информации укореняется в качестве общей доминирующей конституционной атмосфера, подспудный, а порой и открыто декларируемый настрой на неизбежность и даже оправданность *всевласти* – концентрации высшей власти в руках «первого лица», главы государства.

При этом, однако, фактические данные свидетельствуют о том, что истоки острых конституционных проблем, всех тревожных реалий нашей страны и вытекающий отсюда упомянутый «образ» Конституции следует искать, главным образом, не столько в конституционном тексте, сколько *в практике его применения*, когда конституционные положения, кроме указанного удлиненного срока, остаются в стороне от реальной практической деятельности или используются те или иные способы распространительной (расширительной) интерпретации отдельных формулировок Конституции, указанных ранее фрагментов и когда – что не менее важно – на этой основе издаются в таком же ракурсе федеральные законы, существенно расширяющие прерогативы главы государства. Такие, в частности, как

непосредственное подчинение всех силовых ведомств, включая Минюст, Президенту, предоставление ему полномочий по более широкому использованию вооруженных сил, а также по расширяющемуся перечню предложений, касающихся назначения высших должностных лиц, включая высшие судебные должности.

И вот здесь настало время более развернуто и предметно еще раз сказать об одной из основных идей, которая – могу еще раз заверить – была положена в основу разработки конституционного проекта, во всяком случае – до завершающих стадий, бюрократических аппаратных проработок.

Суть этой идеи, напомним, – в самом понимании президентской власти, выраженном в современной трактовке статуса и функций «главы государства». Это только в монархическом государстве, да и то абсолютистского, в основном азиатско-тиранического или южноамериканского диктаторского типов, глава государства – некий вседержавный властитель. В государстве же, объявившем себя демократической республикой с разделением властей, – картина иная. Здесь «глава государства» представляет государство в его единстве, целостности и строго конституционном функционировании его демократических институтов. Он – «первое лицо» в том смысле, что призван быть гарантом и охранителем основных демократических ценностей, в том числе – последовательной реализации разделения властей.

По важнейшим достижениям передовой европейской конституционной культуры (особенно, вспомним, таких стран, как Германия, Италия, Испания, переживших ужасы тоталитарных режимов) институт «главы государства» призван не только представлять государство, выражать его единство, нерушимость его суверенитета и целостности, но и олицетворять строго конституционную определенность власти, гармоничное и согласованное функционирование всех его подразделений в соответствии с требованиями демократической конституции.

И вот с опорой на современные конституционные ценности введение конституционного института «главы государства», сообразующегося с передовой демократической конституционной культурой, *по изначальному замыслу и детализированным нормативным разработкам было призвано и у нас прервать, а в перспективе, дай Бог, навсегда положить конец* истинному проклятию нашего общества, казалось бы, извечной имперско-державной, царистской традиции, в соответствии с которой «первая персона» (царь, император, Генеральный секретарь партии) является обладателем неограниченной власти, хозяином земли русской, верховным правителем страны.

Именно так, в таком ключе в принципе и определен в действующей Конституции статус Президента, лишь с добавлением, совершенно необходимым для обеспечения стабильности и прочности власти в нашей огромной, многонациональной стране (здесь уже использовался конституционный опыт Франции), – с добавлением о всенародном избрании Президента на основе всеобщего равного и прямого избирательного права.

А сейчас – внимание! Посмотрим, как, сразу же после указания на статус Президента как «главы государства», в той же статье 80 Конституции раскрываются его функции. Вот текст: «Президент Российской Федерации является гарантом Конституции, прав и свобод человека и гражданина. В установленном Конституцией... порядке он принимает меры по охране суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, обеспечивает согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти».

Ключевые положения в этой основополагающей норме – слова о миссии «гаранта» и об «обеспечении согласованного функционирования и взаимодействия органов государственной власти». Под углом зрения этого конституционного предназначения президентской власти и следует, на мой взгляд, понимать все

иные конституционные положения по данному кругу вопросов, в том числе – положения о статусе и правах Президента, о круге его полномочий, о самом характере его властных прерогатив, об юридическом существе принимаемых им мер.

Известным ориентиром в этом отношении могут служить нормативные положения ст. 85 Конституции, которая, на мой взгляд, призвана определить некий эталон властных функций Президента, направлений и пределов его государственной деятельности как «гаранта» и в известном отношении – «арбитра» (как это прямо записано, например, в Конституции Италии). По нормативным положениям ст. 85 в случае разногласий между органами государственной власти, в том числе – федеральным и региональными, Президент согласно конституционным положениям «может использовать согласительные процедуры», а при недостижении согласованного решения – «передать разрешение спора на рассмотрение соответствующего суда». По этой же статье в случае принятия органами исполнительной власти субъектов Федерации актов, противоречащих Конституции и федеральным законам, международным обязательствам, или нарушения прав и свобод человека и гражданина, Президент «вправе приостанавливать» действие таких актов, причем, опять-таки, «до решения этого вопроса соответствующим судом».

Приходится сожалеть, что практика государственной жизни в указанных направлениях, призванных обеспечить верховенство прав человека и согласованное, гармоничное функционирование органов государственной власти всех уровней, защиту всех иных высоких демократических ценностей, не получила строго точной реализации и должного развития. И следовательно, не получили необходимой реализации функции президентской власти как власти истинно демократической и правовой, отвечающей требованиям современной передовой конституционной культуры.

Только, пожалуй, в 2008 году, когда состоялись выборы нового Президента страны и прежний глава государства занял пост Председателя Правительства, новая конфигурация высшей власти в стране неожиданно по ряду своих очертаний приблизилась к той конструкции, которая, на мой взгляд, реально предусматривается в Конституции. И хотя – по видимому, по инерции – Президент в какой-то мере продолжает в своей деятельности затрагивать проблемы управленческо-административной сферы, не входящие в круг его конституционно определенных полномочий, в целом, по общим показателям, реализовалась ст. 110 Конституции, в соответствии с которой «исполнительную власть Российской Федерации осуществляет Правительство Российской Федерации».

Сверх того, по суждениям ряда аналитиков и комментаторов, в стране сложился своего рода «дуумвират» – верховная власть двух должностных лиц, по сути – несопоставимых конституционно и разноуровневых фактически. Думается все-таки, что реальное положение с верховной властью в стране принципиально не изменилось. В данном случае – положение ситуационное, связанное со строгой конституционной нормой о двух сроках пребывания главы государства на своем посту, когда по импульсам вертикали власти произошло перемещение должностного лица, занимающего пост Президента, на пост Председателя Правительства – тоже, в общем-то, «главы», но главы исполнительной власти.

Впрочем – кто знает? – не произойдет ли, в конце концов, по логике произошедших симптомов такое государственно-правовое развитие, которое станет строго соответствовать построению высшей государственной власти в стране по изначально разработанному, как попытался показать автор этих субъективных заметок, модели и схемам Конституции?

А ТЕПЕРЬ сожаления, как ни странно это прозвучит, в отношении самого себя – автора этих строк. Хотя здесь, вопреки намеченному деловому и, понятно,

субъективному стилю и фактологии данных заметок, придется обратиться к переживаниям сугубо личного порядка.

Принятие 12 декабря 1993 года первой в истории страны демократической Конституции – событие, безоговорочно, значительное и радостное, но вместе с тем и оказавшееся лично для меня – ввиду легитимации рассмотренных ранее наслоений – немалым тяжким потрясением. И хотя я и другие авторы проекта демонстративно не были привлечены к завершающей фазе доработки конституционного текста перед референдумом (приглашение получили новые, официально проверенные специалисты), мне верилось, что упомянутые ранее фрагменты, обозначающие государственно-властные приоритеты, будут все же каким-то образом скорректированы, приведены в соответствие с общими фундаментальными демократическими основами российской Конституции.

Этого, увы, не случилось. Более того, именно из принятого на референдуме конституционного текста стало известно, что частная собственность уже не определяется в качестве неотъемлемого права человека. Плюс к этому, из определения государства в ст. 1 исчезла его констатация в качестве «светского». Ни один из упомянутых ранее фрагментов о государственно-властных приоритетах не был устранен или уточнен. И вообще, весь конституционный текст оказался в немалой степени «причесанным», с акцентами на государственно-властные ориентиры. Да так, что первое же упоминание о правах человека в конституционном тексте выразилось не в императивном положении о его значимости как «непосредственно действующем праве», а в формуле о его высшей ценности, зависимой от государства, которое обязано ее «признавать, соблюдать и защищать». Словом, из доработанного перед референдумом конституционного текста то тут, то там проглядывали зацепки и возможности для интерпретаций и законодательных новелл, ведущих к созданию «образа» Конституции с известным акцентом в отношении государственно-властных приоритетов.

Все это и реальная практика первых лет действия Конституции прозвучали для меня как неоправдавшиеся ожидания, несбывшиеся надежды.

Именно поэтому в книге, посвященной тяжкому пути нашего Отечества к праву, – книге, которая издана в 1997 году и фактологические материалы которой использованы в данной публикации, появились тревожные и печальные характеристики и оценки.

Вроде такой, как «упущенный шанс». Вот выдержка из только что названной книги. «Нужно признать, – писал я спустя три года после принятия Конституции, – что наше общество упустило шанс включиться в мировое сообщество демократических стран с передовой Конституцией, отвечающей высоким стандартам современной демократии и гуманистического права. Разработки и заготовки, подготовленные в ходе работы над проектом российской Конституции, позволяли – при строгой нацеленности на реализацию передовых демократических взглядов и должной организации конституционно-проектных работ – достигнуть такого впечатляющего, можно уверенно предположить, результата в демократическом развитии России»¹.

Сейчас я сожалею о такого рода избыточно категорических суждениях и оценках, высказанных под еще свежим, в какой-то степени – эмоциональным впечатлением о завершении в принципе работ над конституционным текстом.

И дело не только в том, что и тогда, и сейчас нужно воспринимать российскую действительность такой, какая она есть. Надо видеть, что возможность создания передовой, по всем высоким критериям – демократической Конституции фактически была не столь уж большой. Ибо мы все еще живем в тяжкий и тре-

¹ Алексеев С. С. Уроки. Тяжкий путь России к праву. М., 1997. С. 116.

вожный период нашей истории, а силы и тенденции, противоборствующие последовательно демократическому развитию страны, были и остаются значительными, влиятельными.

По большому счету, я сожалею о сказанном ранее, как говорится, в принципе.

Сожалею потому, что *создание и действие первой в истории демократической Конституции России в целом все же состоялось*. При всех минусах, огрехах, недоработках и даже противоречивости содержания, перед нами – основательный конституционный документ, который, по праву, способен и должен стать основой государственно-правового бытия и развития России.

Действующая Конституция, несмотря на ее огрехи, недоработки, несистемные фрагменты и бытующий ее «образ», в целом себя оправдала. По свидетельству независимых зарубежных экспертов, специалистов по конституционному праву, она в основном соответствует стандартам современных демократических конституций.

Самое же существенное – вот что: российская Конституция оправдала себя, так сказать, «по факту» – по тому результату своего пятнадцатилетнего действия, когда при всем ожесточении происходящих в эти годы политических схваток, во многом – благодаря именно конституционным установлениям, ряд кризисных ситуаций не сорвался, казалось, в уже близкую большую беду, не исключено – в катастрофу.

Сейчас самые жесткие оппозиционеры различных, порой – крайних, полярных направлений призывают поступать «только по Конституции».

V

НАША ОПОРА И НАДЕЖДА

НАША СТРАНА, все мы продолжаем жить в сложной, противоречивой экономической и политической обстановке, когда порой у немалого числа людей теряется вера в будущее, в неизбежность наступления жизнеутверждающих идеалов и ценностей, отвечающих интересам и величию главного вселенского свершения – Человека.

Особо остры и болезненны те потери и утраты, которые в той или иной мере затрагивают уже достигнутые в недавнем прошлом рубежи самоуправления, самоутверждения личности, высокого статуса и достоинства каждого человека, выработанных человечеством на этой основе демократических форм и институтов.

Как же быть? Что делать?

И вот при поиске ответа на эти и им подобные вопросы вырисовывается основной рубеж в наших непростых российских условиях, который призван стать нашей опорой и надеждой.

Это – *действующая Конституция России*.

Причем, конечно же, Конституция не в том особом «образе», который со ссылкой на некоторые фрагменты и зацепки конституционного текста и иных актов, ориентированные на государственно-властные приоритеты, вносит лишь весьма скромный и в чем-то ущербный вклад в копилку конституционной культуры, «образе», который порожден, по-видимому, наряду с другими факторами, попытками найти наиболее быстрые способы решения сложных жизненных проблем и по своей перспективе носит, будем верить, преходящий характер.

И это даже не одни лишь проблемы власти, ее пределов и форм, которые находят свое оптимальное закрепление, прежде всего, как раз в Конституции, что и было, напомним, одной из основных задач при определении фундаментальных основ Конституции России.

На современной стадии развития современной цивилизации, требований развитого гражданского общества не менее значимой, чем вопросы власти, является другая, решающая составляющая фундаментальных основ конституционного строя, которая во многом со своей стороны определяет и построение самой власти, ее «вертикали» и «горизонтالي».

Это – *права человека!*

При этом для современной демократической Конституции требуется не одно лишь фиксирование прав человека в конституционном тексте, а придание им, как уже говорилось ранее, *определяющей конструктивной значимости*. С тем, чтобы именно права человека определяли весь конституционный строй, все его составляющие. Потому в конституциях демократически развитых государств в первых же статьях конституционного документа устанавливается, что *основные права человека являются непосредственно действующим правом*. Такого же рода приоритетная запись содержалась в альтернативном проекте, первых вариантах российской Конституции.

Правда, в России после доработок проекта Конституции в бюрократических инстанциях ситуация перед референдумом с конституционным текстом изменилась. Все права человека, казалось бы, по оправданным формально-юридическим основаниям были собраны в один комплекс и помещены в отдельную, теперь уже особую, вторую главу. Вследствие этого, хотя права и свободы человека оказались закрепленными в самом широком и детализированном диапазоне, по максимуму, они формально не стали главной частью всего содержания Конституции. При этом надо видеть, что, в сущности, вся первая глава действующей Конституции, даже ст. 2, говорящая о ценности прав человека, посвящена вопросам государства, которые вследствие этого, в силу самой логики построения конституционного документа, поставлены «впереди» человека, его прав. Норма же об определяющем значении прав человека, ранее в проекте закрепленная в первых же его статьях, перемещена, как уже отмечалось, во вторую главу, и там она при отсутствии специального внимания к ней теряется среди многих иных, внешне похожих нормативных положений Конституции.

А теперь – внимание!

Более подробный, обстоятельный анализ Конституции показал, что при всех только что отмеченных минусах в первых главах Конституции, отмеченное общее впечатление в самом существенном пункте оказалось не вполне корректным, односторонне максималистским.

В Конституции России, пусть и не в первых, главных статьях, все же есть положение о правах человека, которое призвано определять государственно-правовое устройство России. Да – есть, наличествует!

Вот текст ст. 18 Конституции с указанным выше нормативным положением, которое в самом понимании духа, сути Конституции нужно с большим отрывом от всего другого поставить на первое место:

«Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием».

В этой статье содержится сгусток, своего рода ядро, концентрат основных идей о правах человека, которые призваны быть по самым высоким критериям определяющим звеном в демократической Конституции.

Ключевые из таких идей здесь таковы.

Первое. Права человека по российской Конституции являются *непосредственно действующими*. То есть – такими, которые напрямую, без каких-либо посредствующих звеньев могут и должны воплощаться в жизнь. Причем

они, являясь текстуально конституционно установленными (во всем их широком перечне главы второй – ст. 17–55), представляют собой по своей сути *законы*, к тому же законы наиболее высокого, высшего в стране уровня, имеющими приоритет перед любыми иными законодательными и тем более управленческими решениями. И в этом качестве они могут и должны быть, при необходимости, полновесной и достаточной основой для вынесения всех государственных, в том числе судебных, решений при любой жизненной ситуации, тем более свидетельствующей о нарушении или умалении прав человека, иных конституционных деликтах.

Второе. Права человека по российской Конституции являются непосредственно действующими *в отношении всех институтов и сфер государственно-правовой деятельности*. То есть, как записано в Конституции, и в отношении законов, и самой законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. В подкрепление этому в пункте втором ст. 55 Конституции говорится: «В Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина». Да и вообще, ст. 18 находится в составе первых двух глав Конституции, которые не могут быть пересмотрены Законодательным Собранием и при необходимости должны подчиняться крайне сложной процедуре пересмотра (ст. 135).

Третье. Непосредственно-правовое действие прав человека по российской Конституции охватывает *все основные стороны и грани* законов, законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления. То есть по формулировкам Конституции – не только содержание законов, законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, но и правоприменительную сферу, и даже *смысл* законов, государственной и муниципальной деятельности.

Конечно, то обстоятельство, что рассматриваемая статья Конституции находится не в заглавной части конституционного текста, создает известные трудности в ее понимании и применении.

Но эта статья занимает одно из первых мест в «неприкасаемой» (для текущего законодательства) главе второй, она доминирует во всем комплексе конституционных положений о правах и свободах человека и гражданина. И она *по своему реальному значению является высокозначимой, центральной и определяющей записью – установкой в Конституции России, соответствующей ее фундаментальным демократическим основам и призванной направить государственно-правовое развитие нашей страны в соответствии с принципами свободы, идеалами и ценностями последовательной демократии*.

Стало быть, под углом зрения ст. 18 должны пониматься и применяться все другие конституционные положения о правах и свободах человека, утверждаться принципиальная недопустимость их ограничений. В том числе – по вопросам самой недопустимости ограничения или, тем более, фактического лишения конституционных прав граждан на их свободные объединения, свободное проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования. Причем ограничения и лишения путем таких актов текущего законодательства и актов управления, которые ставят их реальное осуществление в зависимость от усмотрения и произвола чиновников.

И есть все основания утверждать, что ст. 18, да и соответствующее ей содержание российской Конституции представляют собой предельно прочную, надежную основу в борьбе за действительную и полную реализацию современных цивилизационных начал, высоких демократических идеалов и принципов. И значит – высокую, оптимистическую надежду на благополучие и процветание нашей страны.

И В ЗАКЛЮЧЕНИЕ рассмотренных материалов – несколько слов о сверхзадаче в конституционной области в нынешнее время.

Это – *утверждение в российском обществе святости и нерушимости демократических начал*, выраженных в действующей Конституции.

Более того, путем судебного-конституционного толкования ряда положений действующей Конституции (таких, как рассмотренные ранее положения и грани ст. 18), рассмотрения под этим углом зрения острых проблем российской действительности, а также усилиями правозащитных и других демократических организаций и движений вполне возможно создать в России общую конституционно-правовую атмосферу, характерную для Конституции Человека. Многозначными являются и прозвучавшие при инаугурации Президента его слова о нашем Основном законе как о Конституции Человека.

Конечно, имеются основания для внесения отдельных поправок в текст Конституции (скажем, по вопросам процедуры отставки Правительства, контрольных функций Федерального Собрания, определенных императивных форм согласования с ним кадровых назначений в Правительстве по силовым ведомствам, ответственности за антиконституционные деликты).

Необходимость последующего изменения действующей Конституции в нынешнюю пору еще не созрела. Нужно, чтобы в нашем российском обществе еще на основе действующей Конституции стали реальностью основные демократические преобразования, и прежде всего те из них, которые связаны с российским Возрождением, Просвещением, с утверждением в общественном мнении и в общественном бытии настроя на приоритет личности в обществе. Именно тогда, на мой взгляд, вновь возникнет благоприятная обстановка для проведения других демократических новаций, и тогда, будем надеяться, с успехом могут быть осуществлены такие преобразования в Конституции, которые по всем характеристикам и фрагментам будут соответствовать ее фундаментальным, последовательно демократическим основам, ее качеству Конституции Человека.

ТЕПЕРЬ, с учетом всех перипетий, связанных с подготовкой и принятием российской Конституции, и еще более – с учетом пятнадцатилетней практики ее действия, должен быть ясен основной урок, относящийся к формированию в России *другой* юридической системы, гуманистического права современного гражданского общества, и ее центра – демократической Конституции.

Если первым шагом в переходе от права власти к гуманистическому праву является придание в соответствии со ст. 18 правам человека непосредственного юридического действия, то следующий, не менее важный шаг – это прямое логическое продолжение достигнутого – практическое, широкое и авторитетное признание за правами человека значения и с х о д н о й о с н о в ы построения всей государственно-правовой системы страны, а отсюда – и твердый настрой на ее практическую реализацию в соответствии с фундаментальными демократическими основами Конституции, ее проверенными в веках и бурях истории юридико-конструктивными началами – разделением властей, народовластием, свободными выборами, парламентаризмом, другими принципами и формами развитой демократии.

В конечном итоге именно права человека призваны определить направленность и содержание государственно-правовой жизни общества, и в этой связи – конституционно определенный уровень власти, характер и параметры ее функционирования, причем так, что центральное место во всей государственно-правовой жизни займет человек с его высоким достоинством и неотъемлемыми правами, надежно защищенными законом и судом. Только тогда, когда в действующей юридической системе произойдет такого рода принципиальная качественная перенастройка (именно перенастройка!), будут основания утверждать,

что своего рода Рубикон пройден и наше общество из бесконечной полосы славных дел и, одновременно, невзгод, насилия и необузданной власти перешло в современное гражданское общество, в котором господствует Право.

ВОТ И ОТВЕТ на вопрос, поставленный во вводных словах этой публикации.

Ответ на парадокс, состоящий в том, что полярно противоположные силы нашего общества, казалось бы, одинаково ссылаются в подтверждение своей политики и практики на действующую российскую Конституцию. В самом деле – почему?

Да потому, – очевиден ответ, – что приверженцы государственно-властных приоритетов, особенно придерживающиеся крайних позиций на этот счет, исходят в известной степени из «образа» Конституции, отвечающего в основном центристским ориентациям государственной власти, представлениям о «суверенной», «управляемой» демократии, властной вертикали, и в какой-то мере ориентируются на соответствующее толкование некоторых положений конституционного текста и такого же рода актов текущего законодательства.

Сторонники же последовательной демократии, ее идеалов и ценностей находят обоснование своих воззрений и политических акций в самих фундаментальных основах и юридико-конструктивных началах российской Конституции, являющихся ее общепризнанными в мире достоинствами.

Знаменательный факт: всё большее и большее число людей нашей страны становятся истинными приверженцами Конституции России, видят в ней свою опору и надежду. И не только в решении многих насущных дел, но и в самой возможности быть включенными в достижение ценностей и идеалов, выработанных нашим Отечеством и всем человечеством за многотысячелетнюю свою историю. И, быть может, именно здесь, в демократическом существе Конституции России, в подвижничестве ее приверженцев кроется источник выстраданного народом России воодушевляющего устремления к величию и процветанию нашего Отечества.

Я ГОВОРЮ о содержании действующей Конституции России, ее реальных достоинствах с тем бóльшим ударением, что такого рода утверждения имеют (с моей субъективной и, стало быть, небесспорной позиции) весомые исторические и иные фактические подтверждения. И есть тут еще, добавлю, один личностный, а быть может – не только личностный момент.

Известно: течение, ход и последствия жизни каждого человека, каждого из нас, человека не святого, как говорил один из видных философов современности, неотвратимы, по итогам – беспощадны. И ничего не поделаешь, глубоко близкие мне коллеги, мои друзья, работавшие над Конституцией, стоявшие у ее истоков – А. А. Собчак, Ю. Х. Калмыков, С. А. Хохлов, ушли из жизни. И я оказался в состоянии, думаю, понятном многим людям.

И потому я не мог с позиции участника разработки проекта Конституции с самых ее истоков не сказать того, что по моим воспоминаниям и современным субъективным представлениям «было и есть» в отношении Конституции, о ее трудном былом и настоящем.

*Июнь – июль 2009 года.
Екатеринбург*

Sergey Sergeevich Alekseev (1924–2013)

At the Origin of the Constitution of Russia: Subjective Notes

The aim is to understand the actual meaning and content of the Constitution, to reveal its conceptual understanding as a strict legal document of the highest rank, corresponding to its original purpose - to be a force capable of limiting and streamlining political power in a society, to ensure human rights and freedoms. It is shown how the frantic enemies of the institution of the constitution itself can use it for their own purposes, fundamentally deforming the very essence of this inadequately used state-legal institution. The current Constitution was created as the Constitution of Human Being - with its high dignity and inalienable rights, in order for it to rise above power and become the center of the State legal life of the country, and the state power would be subjected to a fundamental qualitative regularization, which could put an end to the practice and ideology of Soviet omnipotence, the so-called Great Power, and thereby drastically reduce its volume, for this, a strictly permissive procedure for the operation of state bodies and the principle of separation of powers was introduced. Moreover, separation not only horizontally (legislative, executive, judicial authorities), but also vertically - between the "center" and the subjects of the Federation; It also provided for the separation of municipal self-government from state power, which should gain full autonomy on issues of local life, which is designed to sharply reduce the amount of state power in the country as a whole. When developing the project, the goal was to put an end to the true curse of our society, the eternal imperial-sovereign, tsarist tradition, according to which the "first person" (tsar, emperor, secretary general of the party) is the owner of unlimited power, the master of the Russian land, the supreme ruler of the country. However, the subsequent hardware development of the draft Constitution led to the fact that, along with the fundamental democratic foundations and the corresponding legal and constructive principles (separation of powers, parliamentarism, etc.), fragments reflecting state-power priorities were "introduced into it." As a result, at the beginning of the new millennium, the regime of centralized power ("soft authoritarianism," and in some ways - and not only "soft") was established in Russia - a regime in which a certain "sovereign" or "managed" democracy prevails, the supremacy of the vertical of power with a strict order of subordination of state affairs to one official – the President.

Nevertheless, the current Constitution of Russia has the necessary grounds to become a pillar and hope for the democratic development of society in difficult Russian conditions. These grounds are human rights provisions designed to determine the state and legal structure of Russia. Therefore, the need to amend the current Constitution is not yet ripe. It is necessary that in society, on the basis of the current Constitution, the main democratic transformations, and above all those related to the affirmation in the public life of a mood for the priority of human rights and respect for the dignity of the individual, become a reality. It is then that a favourable environment for other democratic innovations will re-emerge, and then constitutional changes can be successfully implemented that, in all its characteristics, will correspond to its consistently democratic foundations, its quality and the Human Constitution. It is noted that at popular referendums, the staging and decision on the "yes-no" scheme of a small number of fundamental provisions are justified – key formulas, amendments, the essence and meaning of which - at least in principle – are clear to any referendum participant. And only when a person with his high dignity and inalienable rights will take a central place in all public legal life, reliably protected by law and court, there will be grounds to argue that a kind of Rubicon passed and Russian society from an endless strip of glorious deeds and, at the same time, adversity, violence and unbridled power passed into modern civil society, which is dominated by Law, which Russian society has not yet achieved.

Keywords: Constitution; constitutional culture; referendum; state power; dignity; human rights; humanistic law; democracy; authoritarian regime; freedom; justice; property; due process; legal and constructive principles; separation of powers; municipal self-government; republic; parliamentarism; federalism; head of state; president; government; plot of constitutional document; civil society.

Принцип равенства в практике Конституционного совета. Каковы перспективы приоритетного вопроса о конституционности?*

В статье рассмотрены актуальные проблемы применения Конституционным советом Франции принципа равенства. Автор анализирует источники права, которые использует для определения понятия равенства конституционный судья. На материале ключевых решений 1970–2000-х гг. исследованы особенности толкования Конституционным советом принципа равенства. Сделан вывод о последовательном характере такого толкования и осторожном применении принципа равенства в конституционных спорах. При этом подчеркивается двойственная юридическая природа равенства: как самостоятельного основного права и как условия осуществления иных основных прав. Различаются два уровня контроля соблюдения законодателем принципа равенства в зависимости от формы нормативного закрепления различия в обращении. Особое внимание уделено относительно новой для французской правовой системы процедуре конституционного контроля *a posteriori*, связанной с приоритетным вопросом о конституционности. По мнению автора, она играет важную роль в развитии правового государства, поскольку обеспечивает практическое воплощение принципа равенства в современном демократическом обществе.

Ключевые слова: равенство; конституционный контроль; приоритетный вопрос о конституционности; законодатель; основные права; демократия.

Равенство, которое долгое время считалось философским концептом, христианской заповедью или политическим идеалом, завершило свою трансформацию, став во французском праве конституционным принципом, т. е. полноценной нормой права. По правде говоря, этот процесс начался еще в 1789 г., поскольку, как подчеркивает Морис Ориу, равенство представляло собой, несомненно, «движущую силу Революции»¹. Так же, как в Соединенных Штатах Америки Декларация независимости, безусловно, является основополагающим актом американской нации, во Франции декрет об отмене привилегий, принятый в ночь на 4 августа 1789 г., за несколько недель до Декларации прав человека и гражданина, окажет влияние на дальнейший ход событий и тем самым позволит опрокинуть старый правовой порядок. Это свидетельствует о важности и даже приоритете во французской правовой системе принципа равенства, который можно рассматривать не только в качестве центрального элемента «конституционной идентичности Франции», но и как один из основных столпов правового государства.

* **Фердинанд Мелен-Сукрамьян**, профессор публичного права, директор Центра сравнительных исследований конституций, свобод и государства, Университет Бордо (Франция).

Ferdinand Mélin-Soucramanien – professeur de droit public, directeur du Centre d’Études et de Recherches Comparatives sur les Constitutions, les Libertés et l’État (CERCCLE – EA 7436) à l’Université de Bordeaux.

E-mail: ferdinand.melin-soucramanien@u-bordeaux.fr

** Mélin-Soucramanien F. Le principe d’égalité dans la jurisprudence du Conseil constitutionnel. Quelles perspectives pour la question prioritaire de constitutionnalité ? // Les Nouveaux Cahiers du Conseil constitutionnel. 2010. Vol. 29. No 3. P. 89–100.

Статья основана на выступлении автора в Конституционном совете 10 марта 2010 г.

Пер. с фр. канд. юрид. наук, докторанта Университета Бордо В. А. Токарева (basileto@gmail.com).

¹ Hauriou M., *La science sociale traditionnelle*, Larose, Paris, 1896, p. 80.

Однако следовало дожидаться вынесения Конституционным советом исторического решения от 27 декабря 1973 г. «Установление налога при отсутствии налоговой декларации»², прежде чем высшая судебная инстанция сделала данный принцип параметром проверки конституционности законов. С тех пор такой подход набирал силу, поскольку теперь практически каждое второе решение Конституционного совета, принимаемое им в результате осуществления контроля *a priori* на основании ст. 61 Конституции, предполагает применение принципа равенства. Тенденция к расширению сферы действия конституционного принципа равенства, рассматриваемого в качестве основного права, также наблюдается в практике большинства европейских конституционных судов, в частности Германии, Австрии, Бельгии или Италии. Главным образом, это объясняется тем, что принцип равенства занимает особое место среди основных прав: равенство является одновременно основным правом как таковым и условием осуществления других основных прав, т. е. своего рода «правом-опекуном» («*droit-tuteur*»), необходимым для осуществления других основных прав³.

Поэтому вопрос, на который я попытаюсь ответить, заключается в том, повторит или даже превзойдет ли применение принципа равенства свой грандиозный успех, достигнутый в сфере действия ст. 61 Конституции, в новой для него сфере, формирующейся после пересмотра конституционных положений 23 июля 2008 г. и включения в текст Конституции ст. 61-1. На самом деле, признание с 1 марта 2010 г. права формулировать приоритетные вопросы о конституционности за лицами, направляющими запрос о проверке в Конституционный совет, зависит от соблюдения ими ряда обязательных предварительных условий. Прежде всего, заявитель должен утверждать, что законодательное положение «ущемляет права и свободы, гарантируемые Конституцией». Хотя конституционный принцип равенства, несомненно, относится к общеродовой категории «права и свободы, гарантируемые Конституцией», еще предстоит определить то место, которое он займет в зарождающейся процедуре рассмотрения конституционного спора по поводу приоритетного вопроса о конституционности. Тем более что вступление в силу положений, касающихся приоритетного вопроса о конституционности, вызывает сомнения, чаще всего связанные с новизной такого механизма оспаривания закона для Франции; они наслаиваются на более традиционные сомнения, обусловленные применением принципа равенства, по-прежнему слишком часто воспринимаемого в качестве архетипа одного из «понятий с переменным содержанием», описанных Хаимом Перельманом⁴. Конечно, эти сомнения оправданны, поскольку легко понять, что такое мощное оружие, как приоритетный вопрос о конституционности, должно быть использовано только при наличии довольно узко трактуемых предпосылок. Поэтому целью дальнейших рассуждений является попытка снять завесу таинственности в отношении конституционного принципа равенства, который мог бы служить аргументом при рассмотрении приоритетного вопроса о конституционности.

Речь идет о демонстрации того, что за фасадом изображенной деканом Веделем⁵ «загадочной и неуловимой интуиции» вырисовывается вполне эффективная норма позитивного права; и, по-видимому, решения, принятые в результате контроля *a priori*, будут питать и, следовательно, «укреплять» или намечать решения,

² Favoreu L., Philip L., Gaïa P., Ghevontian R., Mélin-Soucramanien F. et Roux A., *Les grandes décisions du Conseil constitutionnel*, 15e édition, Dalloz, Paris, 2009, p. 213 и след.

³ Mélin-Soucramanien F., *Le principe d'égalité dans la jurisprudence du Conseil constitutionnel*, Economica-PUAM, coll. «Droit public positif», Paris, 1997.

⁴ Perelman C., «Les notions à contenu variable en droit, essai de synthèse», *Le raisonnable et le déraisonnable en droit – Au-delà du positivisme juridique*, L.G.D.J., 1984, p. 132.

⁵ Vedel G., «L'égalité», *La déclaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789, ses origines, sa pérennité*, La documentation française, 1990, p. 172.

выносимые в рамках новой процедуры контроля *a posteriori*, которая стала возможной благодаря приоритетному вопросу о конституционности.

Эту демонстрацию можно провести в два этапа: на первом этапе мы постараемся обосновать утверждение о том, что Конституционный совет в целом придерживается последовательного толкования принципа равенства; на втором этапе подчеркнем, что до сих пор Совет отдавал предпочтение осторожному осуществлению данного основного права, гарантированного Конституцией.

I. Последовательное толкование

Толкование принципа равенства, принятое Конституционным советом, можно признать последовательным ввиду того, что со временем Совет, с одной стороны, рационализировал применение в своей практике источников принципа равенства; с другой стороны, обнаружил два уровня интенсивности осуществляемого им в этой области юрисдикционного контроля.

A) Источники принципа равенства

В Конституции Франции отражен широкий спектр представлений о равенстве, при этом другие основные права упоминаются в конституционном тексте, если они вообще упоминаются, как правило, только один раз. Такая примечательная ситуация объясняется тем, что, хотя тексты, составляющие «конституционный блок», принимались в разные эпохи под влиянием побуждений или потребностей, обусловленных конкретными ситуациями, требование равенства постоянно подтверждалось от учредительного текста 1789 г. до Конституции 1958 г., проходя через преамбулу Конституции 1946 г. Однако эти три текста различаются по философскому духу и содержанию, поэтому уникальное богатство текстуальных источников принципа равенства не вызывает сомнений по сравнению с источниками других основных прав. Так, принцип равенства берет начало в совокупности, по меньшей мере, пятнадцати текстов, относящихся к «конституционному блоку». Требование равенства содержится не только в ст. 1 (равенство в целом), 6 (равный доступ к государственной службе) и 13 (равномерное распределение налогов) Декларации прав человека и гражданина; в абз. 1 (недискриминация), 3 (равноправие женщин и мужчин), 11 (равенство в охране здоровья), 12 (равенство в отношении бремени, вытекающего из национальных бедствий), 13 (равный доступ к образованию), 16 (равенство с народами заморских территорий) и 18 (равный доступ к общественным должностям для народов заморских территорий) преамбулы Конституции 27 октября 1946 г.; но также в преамбуле (равенство с народами заморских территорий) и ст. 1 (недискриминация), 2 (девиз Республики) и 3 (равенство избирательного права) Конституции 4 октября 1958 г.

Реально Конституционный совет контролирует соблюдение принципа равенства, содержание которого определяется в соответствии с конкретным конституционным текстом, преимущественно на основании четырех текстов. Два из них содержатся в Декларации 1789 г.: ст. 6, согласно которой «закон есть выражение общей воли. Все граждане имеют право участвовать лично или через своих представителей в его создании. Он должен быть единым для всех, охраняет он или какает. Все граждане равны перед ним и поэтому имеют равный доступ ко всем постам, публичным должностям и занятиям сообразно их способностям и без каких-либо иных различий, кроме тех, что обусловлены их добродетелями и способностями»; и ст. 13, предусматривающая, что «на содержание вооруженной силы и на расходы по управлению необходимы общие взносы; они должны быть равномер-

но распределены между всеми гражданами сообразно их возможностям»⁶. Еще два текста содержатся в Конституции 1958 г. Речь идет о ст. 1, согласно которой «Франция является неделимой, светской, демократической и социальной Республикой. Она обеспечивает равенство перед законом всех граждан без различия происхождения, расы или религии. Она уважает все вероисповедания...»; и о заключительных положениях абз. 3 ст. 3: «Выборы... всегда являются всеобщими, равными и тайными».

Следует добавить, что после вынесения решения от 16 марта 2006 г. в связи с законом о равной оплате труда женщин и мужчин⁷, Конституционный совет, как и Государственный совет в своем решении от 1 февраля 1980 г. по делу Гийоме, теперь также ссылается на первую статью Декларации 1789 г., которая предусматривает, что «люди рождаются и остаются свободными и равными в правах. Общественные различия могут основываться лишь на общей пользе»⁸. Такой подход имеет большое значение, поскольку этот текст, возможно, самый известный во французском праве, парадоксальным образом до сих пор скрывает нереализованные возможности. В частности, второе предложение рассматриваемой статьи, которое отсылает к понятию «общая польза», может позволить найти текстовую привязку к понятию общественного интереса, когда он используется для оправдания отступлений от конституционного принципа равенства.

Так, в некоторых законах точно указано, какие виды дискриминации законодатель не может установить без соответствующего обоснования, тогда как другие законы просто определяют сферы, в которых должен применяться принцип равенства. Из анализа текстов первой категории можно вывести пять прямо запрещенных Конституцией оснований для дискриминации: они связаны с происхождением, расой, вероисповеданием, убеждениями и полом. В то же время этот перечень, как представляется, остается открытым. Хотя Конституционный совет не высказался по данному вопросу, устоявшаяся конституционная и международная судебная практика ориентируется на то, что подобные списки не являются исчерпывающими. Тексты, относящиеся ко второй категории, определяют те сферы, где основное право на равенство реализуется непосредственно. К ним относятся правосудие, государственная служба, а также выборы и налогообложение.

Однако Конституционный совет может осуществлять свой контроль не в соответствии с понятием равенства, ясно определенным в конституционном тексте, а исходя из неопределенных представлений о равенстве, т. е. общего принципа равенства без точного указания сфер применения этой нормы или запрещенных оснований для отступления от ее применения. Тогда судья ссылается на «принцип равенства», не вдаваясь в долгие разъяснения, на «конституционный принцип равенства», или, чаще всего, ограничивается стандартной формулой, призванной выражать его общую концепцию данного принципа. Так, в своем решении от 9 апреля 1996 г. Конституционный совет определил, что «принцип равенства не препятствует законодателю ни в регулировании различных ситуаций по-разному, ни в отступлении от него по соображениям общественных интересов, при условии, что возникающее в обоих случаях различие в обращении непосредственно связано с предметом регулирования устанавливающего его закона»⁹. Из этого

⁶ Цит. по: Французская Республика: Конституция и законодательные акты / сост. В. В. Маклаков, В. Л. Энтин ; под ред. и с вступ. ст. В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1989. С. 26–29. – *Прим. пер.*

⁷ Déc. n° 2006-533 DC, *Rec.*, p. 39.

⁸ Цит. по: Французская Республика: Конституция и законодательные акты / сост. В. В. Маклаков, В. Л. Энтин ; под ред. и с вступ. ст. В. А. Туманова. М. : Прогресс, 1989. С. 26. – *Прим. пер.*

⁹ Déc. n° 1996-375 DC, *Rec.*, p. 60.

стандарта судебной практики однозначно следует, что равенство – не абсолютное и безусловное основное право, а, напротив, относительная и условная норма.

Это утверждение особенно верно применительно к сфере налогового права, где конституционный судья чаще всего прибегает к стандарту, еще более ориентированному на цель, преследуемую законодателем. Он полагает, что «...принцип равенства не препятствует принятию законодателем решения о предоставлении налоговых льгот [для определенной деятельности] при условии, что законодатель руководствуется объективными и рациональными критериями с учетом преследуемых им целей». Совершенно очевидно, что конституционный судья намерен обозначить широкую свободу действий законодателя при решении вопросов налогообложения, поскольку оценка осуществления основного права на равенство предполагает, прежде всего, представление о конечной цели. В таком случае контролируется лишь общая согласованность текста налогового закона с намерениями законодателя.

В) Уровни контроля соблюдения принципа равенства

Итак, судебный контроль соблюдения принципа равенства не является однозначным. Во-первых, некоторые виды дискриминации или исключений из права на равенство отличаются от других видов различия в обращении по формальному критерию: они запрещены самой основной нормой. Так, в соответствии с первой статьей Конституции 4 октября 1958 г. и абз. 3 преамбулы Конституции 27 октября 1946 г. «категорически запрещенная дискриминация» – это дискриминация по признаку происхождения, расы, вероисповедания, убеждений и пола. Каждый раз, когда Конституционный совет сталкивался с такой дискриминацией, он признавал ее противоречащей Конституции. Речь идет о различиях в обращении как по признаку пола (решения от 18 ноября 1982 г. «О гендерных квотах»¹⁰; от 19 июня 2001 г. «О выборах в Высший совет магистратуры»¹¹; от 16 марта 2006 г. «О паритете в частном секторе»¹²), так и по признаку происхождения (решения от 30 августа 1984 г. «О статусе территории Французской Полинезии»¹³ и «О статусе территории Новой Каледонии»¹⁴; от 8 августа 1985 г. «О развитии Новой Каледонии»¹⁵). Последний вид дискриминации также был подвергнут критике Конституционным советом, например в решении от 9 мая 1991 г. «О статусе Корсики»¹⁶. Тогда Совет отменил статью 1 закона, провозглашавшую существование «корсиканского народа, составляющего часть французского народа», на том основании, что «Конституция... знает только французский народ, который состоит из всех французских граждан независимо от их происхождения, расы или вероисповедания». Аналогичным образом в своем решении от 15 июня 1999 г.¹⁷ Совет снова констатировал дискриминацию по признаку происхождения. Он признал ряд положений Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств противоречащими Конституции в той мере, в какой они предусматривают «...особые права для “групп” носителей региональных языков или языков меньшинств в пределах “территорий”, на которых эти языки используются». Совсем недавно, и впервые, Конституционный совет прямо осудил дискриминацию потому, что она основывалась на критерии расовой принадлежности. В своем решении от 15 ноября

¹⁰ Déc. n° 1982-146 DC, *Rec.*, p. 66.

¹¹ Déc. n° 2001-445 DC, *Rec.*, p. 63.

¹² Déc. n° 2006-533 DC, *Rec.*, p. 39.

¹³ Déc. n° 1984-177 DC, *Rec.*, p. 66.

¹⁴ Déc. n° 1984-178 DC, *Rec.*, p. 69.

¹⁵ Déc. n° 1985-196 DC, *Rec.*, p. 63.

¹⁶ Déc. n° 1991-290 DC, *Rec.*, p. 50.

¹⁷ Déc. n° 1999-412 DC, *Rec.*, p. 71.

2007 г. «О ДНК-тесте»¹⁸ Конституционный совет фактически отменил ст. 63 закона об иммиграции, интеграции и убежище, которая предусматривала возможность создания реестров, где «прямо или косвенно указывается на расовую или этническую принадлежность» людей. Даже если эта отмена произошла в первую очередь по процедурной причине, Совет поставил точку в данном вопросе, обозначив вторую причину отмены – уже материально-правовую. Действительно, он постановил, что «...хотя методы обработки данных, необходимые для проведения исследований по измерению разнообразия происхождения людей, дискриминации и интеграции, могут ориентироваться на объективные данные, они не должны, в соответствии с принципом, закрепленным в первой статье Конституции, основываться на этнической или расовой принадлежности». Вполне понятное утверждение. Как Верховный суд США, который после дела Коремацу (1945) систематически запрещал «подозрительные классификации», в частности, на основе происхождения или «расовой принадлежности»¹⁹; как Европейский суд по правам человека, который в решении от 13 ноября 2007 г. по делу «D.H. против Чешской Республики» указал на дискриминацию по признаку происхождения, запрещенную ст. 14 Конвенции²⁰, так и Конституционный совет решительно осуждает различия в обращении по признаку происхождения или расовой принадлежности.

Во-вторых, следует отметить, что существуют также предусмотренные законом различия в обращении, которые прямо не запрещены Конституцией и не ставят под угрозу осуществление основных прав, гарантированных конституционным судьей. Речь идет о простом различии в обращении при сопоставимых правовых или фактических условиях, представляющем собой, очевидно, отступление от принципа равенства, чаще всего применяемое в нормотворческой деятельности. Такие различия в обращении крайне редко приводят к отмене, исходя из предположения об отсутствии рациональных оснований выбора законодателя. Примером такого контроля служит решение Конституционного совета от 29 декабря 2009 г. «Налог на выбросы углекислого газа»²¹. В решении по данному делу, получившем, несомненно, слишком широкую огласку, Конституционный совет начал с классического заявления о том, что «принцип равенства не препятствует установлению особых налогов, стимулирующих налогоплательщиков к такому поведению, которое соответствует общественно полезным целям, при условии, что вводимые при этом правила обоснованы достижением этих целей» (п. 80). Затем, приведя убедительные аргументы в подтверждение своей позиции, он постановил, что «режимы полного освобождения от уплаты налогов, установленные ст. 7 рассматриваемого закона, противоречат цели борьбы с глобальным потеплением и создают характерное нарушение принципа равномерного распределения государственных расходов» (п. 82). Итак, Конституционный совет осуждал не дискриминационный характер данной меры как таковой, а лишь отсутствие непосредственной связи между дифференцированным обращением, осуществляемым в соответствии с этим законом, и преследуемой им целью. Доведем рассуждение до логического конца: закон, предусматривающий подобную дифференциацию обращения, можно было бы считать соответствующим принципу равенства, если бы его цель заключалась не в борьбе с глобальным потеплением, а в повышении экономической конкурентоспособности французских компаний. Таким образом, Конституционный совет ограничился контролем рациональности выбора законодателя, так же, как его европейские аналоги или французский Госу-

¹⁸ Déc. n° 2007-557 DC, *J.O.* du 19 novembre 2007, p. 19001.

¹⁹ См.: Tribe T. H., *American constitutional law*, 2e éd., The foundation press, Inc. coll., University casebook series, Minneola-New-York, 1988, p. 1436 и след.

²⁰ C.E.D.H., Grande chambre, req. no 57325/00.

²¹ Déc. n° 2009-599 DC, *J.O.* du 31 décembre 2009, p. 22295.

дарственный совет при проверке наличия явной ошибки в оценке (*une erreur manifeste d'appréciation*).

Соответственно, создается впечатление, что контроль, осуществляемый французским конституционным судьей в отношении принципа равенства, варьируется, по крайней мере, между двумя уровнями интенсивности. С одной стороны, строгий контроль применяется только в тех случаях, когда рассматриваемая дискриминация либо прямо запрещена Конституцией, либо ставит под угрозу осуществление основных прав. С другой стороны, во всех иных случаях, т.е. при наличии простого дифференцированного обращения в сопоставимых правовых или фактических ситуациях, конституционный судья осуществляет нормальный контроль. Тогда он становится контролем соразмерности, ограниченным проверкой соответствия средств целям.

Общая последовательность толкования Конституционным советом конституционного принципа равенства вполне логично приводит к его осторожному применению.

II. Осторожное применение

Как показывает сравнительный анализ института контроля *a priori*, Конституционный совет, в отличие от других конституционных судов, в конечном счете достаточно четко ограничил сферу применения принципа равенства, а также предпринял усилия для претворения в жизнь полезной формы самоограничения.

А) Ограниченная сфера применения

Во многих конституционных юрисдикциях принцип равенства ввиду его гибкости, особой двойственной природы – как, одновременно, основного права *per se* и как условия осуществления других основных прав – бесспорно, играет роль принципа, «подходящего на любой случай».

Например, можно утверждать, что в начале знаменитой доктринальной полемики именно эту роль отводил принципу равенства в своей практике Верховный суд США. Так, Питер Вестен утверждал, что положение о равной защите по закону само по себе не способно образовать самостоятельную правовую норму, поскольку представляет собой лишь «...пустую форму, не имеющую собственного существенного содержания»²². Как он полагал, это привело бы к тому, что Верховный суд использовал бы принцип равенства преимущественно в качестве замены другим основным правам. По мнению сторонников этой точки зрения, такая тенденция практики Верховного суда была бы обусловлена не только особой природой принципа равенства, но также, и прежде всего, выражением «ограниченности» американских судей, которые в форме условного рефлекса были бы склонны рассматривать практически все конституционные вопросы сквозь призму равенства²³. Данное явление, наблюдаемое в Верховном суде США, если его нельзя отрицать, несомненно, следует сегодня оттенить²⁴. Напротив, в других органах конституционного контроля принцип равенства реализует функцию замещения или подстановки в полной мере. Так, например, в Австрии одно время до 98 % случаев отмены решений были связаны с принципом равенства²⁵. Аналогичным образом в Италии, благодаря контролю «разумности», очевидно, выходящему далеко

²² Westen P., «The empty idea of equality», *Harvard law review*, vol. 95, 1982, p. 596.

²³ См. подробнее: Cohen W., «Is equal protection like oakland? Equality as a surrogate for other rights», *Tulane law review*, vol. 59, 1985, p. 884.

²⁴ См. недавнее и глубокое исследование по этому вопросу: Rosenfeld M., «L'égalité et la tension dialectique entre l'identité et la différence», *Constitutions*, n° 2, 2010.

²⁵ Öhlinger T., «Objet et portée de la protection des droits fondamentaux», *Cours constitutionnelles européennes et droits fondamentaux*, Économica-P.U.A.M., 1982, p. 400.

за рамки простого контроля объективной рациональности норм, или в Бельгии благодаря контролю соразмерности, вытекающему из применения принципа равенства, тот становится «пронизывающим» принципом конституционного спора, который может поглотить все другие основные права и свободы.

Во Франции, несмотря на неоднократное и практически ритуальное провозглашение принципа равенства во всем конституционном блоке и вопреки его символическому весу, Конституционному совету вполне удалось в целом ограничить применение принципа равенства одной сферой. Таким образом, можно констатировать все большее укоренение принципа равенства в Конституции²⁶, поскольку сегодня Конституционный совет пытается по возможности связать принцип равенства с его текстовым источником, а не ссылаться на расплывчатый принцип, подпитывая представления о том, что существует некий неписанный принцип.

Кроме того, Конституционный совет никогда не решался, как обычно делает итальянский Конституционный суд, включить третий критерий для сравнения в число эталонных норм осуществляемого им контроля соблюдения принципа равенства. Фактически итальянский Суд в одностороннем порядке допустил возможность сопоставлять проверяемый им закон не только с Конституцией, но и с иными законами, когда они противоречат оспариваемым положениям, во имя принципа равенства²⁷. Очевидно, что введение в сферу контроля этого «*tertium comparationis*»²⁸, состоящего из законодательных норм, чрезмерно расширяет область эталонных норм конституционного контроля, который осуществляется на основе принципа равенства.

Вместе с тем отметим, что Конституционный совет иногда наделяет принцип равенства функцией, которую можно было бы назвать функцией укрепления, в том смысле, что принцип равенства часто используется для поддержки и обоснования структурно близкого к нему основного права. Наиболее типичным примером являются права на защиту, когда рассуждения судьи часто приводят его к связыванию этих прав, понимаемых *stricto sensu*, с принципом равенства, особенно равенства перед судом. Такой мотивации, соединяющей права на защиту и принцип равенства, Конституционный совет следовал в решении от 22 октября 2009 г. «Н.А.Д.О.Р.1.2»²⁹, постановив, что «законодатель вправе устанавливать различные процессуальные нормы в зависимости от фактов, ситуаций и лиц, к которым они применяются, при условии, что эти различия не приводят к необоснованным различиям, а участникам судебного процесса предоставляются равные гарантии, особенно в отношении соблюдения принципа прав на защиту, который, в частности, предполагает справедливое и беспристрастное разбирательство» (п. 10). Подход, предусматривающий совместное осуществление конституционного принципа равенства и прав на защиту, также применялся в решениях от 11 августа 1993 г. «Содержание под стражей»³⁰, от 20 января 1994 г. «Обязательное минимальное наказание»³¹ и от 2 марта 2004 г. «Эволюция преступности»³². Во всех трех случаях право на защиту, связанное с принципом равенства, понималось как конкретное право «задержанного на общение с адвокатом во время нахождения под стражей»³³. Поэтому не удивительно, что первые приоритетные вопросы

²⁶ Mélin-Soucramanien F., *op. cit.*, pp. 69 и след.

²⁷ Paladin L., «Corte costituzionale e principio generale d'eguaglianza», *Scritti su la giustizia costituzionale in onore di Vezio Crisafulli*, vol. I, Cedam, Padoue, 1985, p. 605.

²⁸ Третий член сравнения (лат.). – *Прим. пер.*

²⁹ Déc. n° 2009-590 DC, *J. O.* du 29 octobre 2009, p. 18292.

³⁰ Déc. n° 1993-326 DC, *Rec.*, p. 217.

³¹ Déc. n° 1993-334 DC, *Rec.*, p. 27.

³² Déc. n° 2004-492 DC, *Rec.*, p. 66.

³³ См.: Favoreu L., Philip L., Gaïa P., Ghevontian R., Mélin-Soucramanien F. et Roux A., *Les grandes décisions du Conseil constitutionnel*, *op. cit.*, p. 742 et 743.

о конституционности, поставленные с 1 марта 2010 г. в отношении ст. 63(4) Уголовно-процессуального кодекса, привели к признанию ее противоречащей правам на защиту и принципу равенства. Она не требовала участия адвоката на протяжении всего периода содержания лица под стражей, особенно при допросах³⁴. Разумеется, аргумент о нарушении принципа равенства является серьезным, так как возможен спор о различных вариантах присутствия адвоката в зависимости от характера преступления. Однако можно предположить, что такие различия в обращении основаны на объективных ситуационных расхождениях, имеющих прямое отношение к предмету регулирования законов, которые их установили.

В любом случае практика Конституционного Совета, касающаяся принципа равенства, отличается формой сдержанности, или «*self-restraint*»³⁵, выражающей его стремление к самоограничению.

В) Самоограничение конституционного судьи

Как известно, самоограничение судей является по теоретическим и практическим причинам золотым правилом конституционного судопроизводства, поскольку оно выступает главным условием его легитимности и признания в обществе, основанном на демократическом принципе. Кроме того, после своего решения от 15 января 1975 г. «I.V.G.I»³⁶ Конституционный совет постоянно напоминает о том, что он не обладает «такими же полномочиями по оценке и принятию решений, как Парламент».

Относительно применения принципа равенства можно утверждать, что самоограничение обязательно должно быть усилено в силу самой природы принципа равенства. Как подчеркнул профессор Франсиско Рубио Льюренте, «принцип равенства является очагом напряженности между законодателем и судьей, между политикой и правом, поэтому его применение чаще всего вызывает обвинения в судебной активности или капитуляции судьи перед произволом законодателя»³⁷. На самом деле очевидно, что конституционный принцип равенства, если он строго соблюдается судьей, может представлять угрозу практически для любого выбора, сделанного Парламентом, поскольку законодательная деятельность, обязательно включая в себя дифференциацию обращения по категориям, по своей сути является дискриминационной. Сам Конституционный совет признал это, правда в специфическом контексте, связанном с законом о налоговой амнистии, постановив в решении от 3 июля 1986 г. «Налоговая амнистия»³⁸, что «...сама природа [законодательного текста] предполагает посягательство на принцип равенства» (п. 33). В этом смысле можно утверждать, что реализация Конституционным советом принципа равенства таит в себе потенциальную опасность практически для всех законодательных актов. Очевидно, что этот риск увеличился благодаря включению в сферу осуществления конституционного контроля с 1 марта 2010 г. промульгированных законов. Кстати, такой аргумент используют те, кто, подобно Луи Фаворё, относятся с опасением к осуществлению контроля конституционности законов на основании заявления возражения в судебном процессе³⁹. Так, декан факультета права Университета Экс-Марселя был обеспокоен тем, что неоднократные нападки заявителей, основанные на нормах, применение которых столь же деликатно, как и принцип равенства, приведут к чрезмерному ослабле-

³⁴ Cassia P., «La garde à vue inconstitutionnelle?», *Recueil Dalloz*, n° 10, 2010, p. 590.

³⁵ Самоограничение (англ.). – *Прим. пер.*

³⁶ Déc. n° 1974-54 DC, *Rec.*, p. 19.

³⁷ Rubio Llorente F., «La igualdad en la jurisprudencia del Tribunal constitucional», *Revista española de Derecho constitucional*, n° 31, 1991, p. 35.

³⁸ Déc. n° 1986-209 DC, *Rec.* p. 86.

³⁹ Favoreu L., «L'«exception d'inconstitutionnalité» est-elle indispensable en France?», *A.I.J.C.*, VIII-1992, p. 11.

нию силы закона и нарушению необходимой надежности правового порядка. Именно по этой причине в своих последних работах он недвусмысленно высказывался в пользу прямого оспаривания промульжированных законов, которое он, конечно, справедливо считал более подходящим для французской правовой системы⁴⁰.

Так или иначе, после этого краткого обзора применения принципа равенства в практике Конституционного совета и перспектив его развития в рамках новой процедуры обжалования, введенной 1 марта 2010 г., можно утверждать, не опасаясь сильно ошибиться, что ссылка на принцип равенства должна стать одним из средств, наиболее часто используемых заявителями в связи с приоритетным вопросом о конституционности. Обратная сторона медали может заключаться в том, что принцип равенства станет последним конституционным аргументом⁴¹, конституционным средством, к которому прибегают в безнадежных случаях, заходя на территорию других прав и свобод, гарантированных Конституцией. Вместе с тем приоритетный вопрос о конституционности позволит продолжать воплощать в жизнь тот в высшей степени революционный и республиканский принцип, к которому французы, как подчеркивал Токвиль, питают «...пылкую, неутолимую, вечную, непобедимую страсть»⁴².

Литература

1. Bon P., «Louis Favoreu et l'exception d'inconstitutionnalité», *Dits et écrits à propos de Louis Favoreu*, PUAM, 2007, p. 141.
2. Cassia P., «La garde à vue inconstitutionnelle?», *Recueil Dalloz*, n° 10, 2010, p. 590.
3. Cohen W., «Is equal protection like oakland? Equality as a surrogate for other rights», *Tulane law review*, vol. 59, 1985, p. 884.
4. Favoreu L., «L'exception d'inconstitutionnalité» est-elle indispensable en France?, *A.I.J.C.*, VIII-1992, p. 11.
5. Favoreu L., Philip L., Gaïa P., Ghevoantian R., Mélin-Soucramanien F. et Roux A., *Les grandes décisions du Conseil constitutionnel*, 15e édition, Dalloz, Paris, 2009.
6. Hauriou M., *La science sociale traditionnelle*, Larose, Paris, 1896.
7. Mélin-Soucramanien F., *Le principe d'égalité dans la jurisprudence du Conseil constitutionnel*, Economica-PUAM, coll. «Droit public positif», Paris, 1997.
8. Öhlinger T., «Objet et portée de la protection des droits fondamentaux», *Cours constitutionnelles européennes et droits fondamentaux*, Économica-P.U.A.M., 1982, p. 400.
9. Paladin L., «Corte costituzionale e principio generale d'eguaglianza», *Scritti su la giustizia costituzionale in onore di Vezio Crisafulli*, vol. I, Cedam, Padoue, 1985, p. 605.
10. Perelman C., «Les notions à contenu variable en droit, essai de synthèse», *Le raisonnement et le déraisonnable en droit – Au-delà du positivisme juridique*, L.G.D.J., 1984, p. 132.
11. Rosenfeld M., «L'égalité et la tension dialectique entre l'identité et la différence», *Constitutions*, n° 2, 2010.
12. Rubio Lllorente F., «La igualdad en la jurisprudencia del Tribunal constitucional», *Revista española de Derecho constitucional*, n° 31, 1991, p. 35.
13. Tocqueville A. de, *De la démocratie en Amérique*, Tome II, Garnier-Flammarion, 1981.
14. Tribe T. H., *American constitutional law*, 2e éd., The foundation press, Inc. coll., University casebook series, Minneola-New-York, 1988.
15. Vedel G., «L'égalité», *La déclaration des droits de l'homme et du citoyen de 1789, ses origines, sa pérennité*, La documentation française, 1990, p. 172.
16. Westen P., «The empty idea of equality», *Harvard law review*, vol. 95, 1982, p. 596.
17. *Buck vs. Bell* de 1927 (U.S. 200, 47 S. Ct., 584).

⁴⁰ См.: Bon P., «Louis Favoreu et l'exception d'inconstitutionnalité», *Dits et écrits à propos de Louis Favoreu*, PUAM, 2007, p. 141.

⁴¹ Это выражение было впервые использовано судьей Верховного суда США Оливером Уэнделлом Холмсом в решении по делу: *Buck vs. Bell* de 1927 (U.S. 200, 47 S. Ct., 584).

⁴² Tocqueville A. de, *De la démocratie en Amérique*, Tome II, Garnier-Flammarion, 1981, p. 123.

18. C.E.D.H., Grande chambre, req. no 57325/00.
19. Déc. n° 1974-54 DC, *Rec.*, p. 19.
20. Déc. n° 1982-146 DC, *Rec.*, p. 66.
21. Déc. n° 1984-177 DC, *Rec.*, p. 66.
22. Déc. n° 1984-178 DC, *Rec.*, p. 69.
23. Déc. n° 1985-196 DC, *Rec.*, p. 63.
24. Déc. n° 1986-209 DC, *Rec.*, p. 86.
25. Déc. n° 1986-209 DC, *Rec.*, p. 86.
26. Déc. n° 1991-290 DC, *Rec.*, p. 50.
27. Déc. n° 1993-326 DC, *Rec.*, p. 217.
28. Déc. n° 1993-334 DC, *Rec.*, p. 27.
29. Déc. n° 1996-375 DC, *Rec.*, p. 60.
30. Déc. n° 1999-412 DC, *Rec.*, p. 71.
31. Déc. n° 2001-445 DC, *Rec.*, p. 63.
32. Déc. n° 2004-492 DC, *Rec.*, p. 66.
33. Déc. n° 2006-533 DC, *Rec.*, p. 39.
34. Déc. n° 2007-557 DC, *J.O.* du 19 novembre 2007, p. 19001.
35. Déc. n° 2009-590 DC, *J. O.* du 29 octobre 2009, p. 18292.
36. Déc. n° 2009-599 DC, *J.O.* du 31 décembre 2009, p. 22295

Ferdinand Mélin-Soucramanien,

Professor of Public Law, Director of Center for Comparative Studies
on the Constitution, Freedoms and the State, University of Bordeaux (France)

**The Principle of Equality in the Jurisprudence of the Constitutional Council.
What Are the Prospects for the Priority Issue of Constitutionality?**

The article deals with the actual problems of applying the principle of equality by the Constitutional Council of France. The author analyzes the sources of law that the constitutional judge uses to define the concept of equality. Based on the material of the key decisions of the 1970s and 2000s, the peculiarities of the Constitutional Council's interpretation of the principle of equality are studied. The conclusion is made about the consistent nature of this interpretation and the careful application of the principle of equality in constitutional disputes. This emphasizes the dual legal nature of equality: an independent fundamental right and the conditions for the exercise of other fundamental rights. There are two levels of monitoring of compliance with the principle of equality by the legislator, depending on the form of normative fixing of differences in treatment. Special attention is paid to the relatively new procedure of constitutional control a posteriori for the French legal system, which is related to the priority issue of constitutionality. According to the author, it plays an important role in the development of the rule of law, since it provides a practical implementation of the principle of equality in a modern democratic society.

Keywords: equality; constitutional control; priority issue of constitutionality; legislator; fundamental rights; democracy.

**«Гражданско-правовая природа межкомнатной перегородки»:
опыт ненаписанного исследования
(о некоторых тенденциях методологического развития
цивилистики в цифровую эпоху)¹**

В статье рассматриваются основные тенденции методологического развития гражданско-правовой науки, обусловленные переходом к обществу постиндустриального типа. Выдвигается тезис о том, что на протяжении всего постсоветского периода своего развития методология отечественного правоведения (и его цивилистической отрасли) не выработала новых концептуально-методологических подходов к познанию государства и права. В связи с этим в условиях глобальной цифровизации, повлекшей появление новых, ранее не известных социально-правовой практике явлений, феноменов и процессов, наука гражданского права оказалась не готова к вызовам времени. С целью обоснования данного тезиса автор исследует науку гражданского права (понимаемую как фрагмент культуры общества, представленный системой общественных отношений по воспроизводству нового знания о гражданско-правовой действительности) с позиции философских методов (герменевтики и диалектики), метанаучных средств познания (системного подхода, классической логики) и подходов из иных областей знания (исторического, генетического). Результатом исследования стало выделение трех основных тенденций в методологическом развитии отечественной цивилистики. В их числе – исследовательская ориентация на общепринятое значение терминов, а не на содержание понятий, доминирование философского позитивизма и позитивного правопонимания в системе исследовательских средств, а также ориентация на юридическую практику как на критерий истинности выводов гражданско-правовой теории. Автор делает вывод о том, что в контексте данных тенденций существует риск деградации правовой науки, ее постепенного превращения сначала в законоведение, а затем – в обобщенное технико-прикладное знание. Также делается вывод о том, что преодоление данного состояния цивилистики обусловлено в первую очередь развитием методологического знания в контексте гносеологических идеалов цифровой революции.

Ключевые слова: наука; методология; цифровая эпоха; цивилистика; позитивизм; научные понятия; истина; юридическая практика.

Науки, занимающиеся методологическими вопросами, – больны
Г. Радбрух

По свидетельству В. А. Белова, один известный цивилист рекомендовал соискателю, сетовавшему на то, что в науке гражданского права уже все давно исследовано, написать диссертацию на тему «Гражданско-правовая природа межкомнатной перегородки» [11, с. 294]. Данный эпизод, с нашей точки зрения, отражает одну из фундаментальных проблем науки в целом (и цивилистики в частности) – проблему *формирования нового знания*, которая особенно актуализируется в настоящее время: цифровые технологии, артефакты виртуального мира, сделки в информационно-технологической сфере и прочие подобные им реалии цифровой эпохи стали для права и правоведения настоящим испытанием. Правовая наука

* **Владислав Олегович Пучков**, магистр юриспруденции, исполняющий обязанности руководителя практики разрешения коммерческих споров ООО «Правопроцесс» (г. Екатеринбург).

E-mail: puchkovandpartners@gmail.com

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 18-29-16148 «Трансформация права в условиях развития цифровых технологий».

столкнулась, тем самым, с качественно новым комплексом феноменов, которые зачастую весьма проблематично описать в понятийной схеме традиционных цивилистических конструкций. Многочисленные исследования по проблемам «цифрового» гражданского оборота, отражающие реакцию научного сообщества юристов на стремительную информатизацию социальной сферы, не стали, однако, фактором развития гражданско-правовой науки хотя бы в силу того, что по преимуществу остались замкнуты на методологических установках традиционного (позитивистского) правопонимания и философского позитивизма. Тем самым можно сказать, что на данном этапе развития гражданско-правовой науки ее методологический аппарат показал неготовность к осмыслению гражданско-правовых аспектов виртуальной социальной реальности. Такое положение дел в принципе понятно: «виртуальное» – это совершенно новая категория, не вписывающаяся в рамки ни материального, ни идеального [3, с. 11; 40, с. 19, 21, 29; 52, с. 224], а между тем именно материальные (эмпирически воспринимаемые) характеристики правовой действительности являются преимущественным предметом осмысления цивилистики. Характерным примером является в этом смысле проблема гражданско-правового режима доменного имени. Так, *de-facto* в юридической науке и практике формируется отношение к доменному имени как к вещи (в силу наличия у него индивидуально определенных характеристик) [32, с. 26; 48, с. 185; 59, с. 195–223]², однако вещь в традиционном понимании – это всегда предмет материального мира, нечто осязаемое и обладающее рядом качеств, свойственных любому другому физическому объекту³. Таким образом, налицо попытка искусственно придать доменному имени характер материального явления, что, разумеется, неверно и недопустимо теоретически. Однако имеет ли такой подход *методологическое* основание? С нашей точки зрения, ответ на этот вопрос должен быть утвердительным в том смысле, что устоявшиеся в «нормальной науке» (Т. Кун) гражданского права теоретические представления о сущности вещи в условиях цифровой революции (опосредующей, в свою очередь, революцию в науке) неизбежно меняются. Динамика вещного права как частной научной теории (проявляющаяся, главным образом, в изменении цивилистической концепции вещи и вещных прав) отражает в этом смысле фактор потенциальной смены научной парадигмы, фундаментального изменения традиционной для нашего правоведения концептуальной схемы постановки теоретических проблем и их разрешения.

Здесь надо отметить, что с точки зрения утвердившихся в философии науки моделей роста знания (дискретная модель Т. Куна, эволюционистская модель Ст. Тулмина и др.) модель развития нашего правоведения (и его цивилистической отрасли) явно ближе к дискретной. Так, в истории юридической науки можно проследить ряд революционных смен научных парадигм:

1) во второй половине XIX в. (в связи с оформлением правовой системы *per se* и развитием университетской традиции юридического образования);

2) в 1917–1930-х гг. (в контексте революционных изменений в экономической и политической сферах и оформлением правовой системы социалистического типа);

² «Доменные имена фактически трансформировались в средство, выполняющее функцию товарного знака (курсив мой. – В. П.), который дает возможность отличать соответственно товары и услуги одних юридических или физических лиц от однородных товаров и услуг других юридических или физических лиц. Кроме того, доменные имена, содержащие товарные знаки или торговые наименования, имеют коммерческую стоимость» (Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16 января 2001 г. № 1192/00 по делу № А40-25314/99-15-271 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».).

³ Такая концептуализация вещи утвердилась в нашем цивилистическом правоведении еще в дореволюционный период [16, с. 115–116; 21, с. 16; 36, с. 6; 76, с. 2–3].

3) в 1990-х гг. (в связи с распадом СССР, переходом к рыночной экономике и отказом от философско-методологического монизма, замкнутого на марксизме как единственно возможной и непререкаемой методологии науки).

В каждый из названных периодов существенно менялся теоретико-методологический фундамент правоведения, его категориальный строй и концептуальная схема постановки научных юридических проблем и способов их разрешения. В связи с этим оправданно считать, что во многом научные революции в правовой науке обуславливаются релевантными переменами в общесоциальной сфере (что вполне понятно, поскольку право в условиях социальной революции становится первым и основным средством регламентации нового общественного строя).

В этой связи следует отметить, что революционным фактором для отечественной юридической науки являются не только внутригосударственные, но и общемировые, глобальные перемены в социально-экономической и политико-идеологической сферах, обусловленные ситуацией перехода к новому – постиндустриальному – типу общества [8, с. 367; 23, с. 363; 28, с. 39]. В этой связи наблюдается постепенное смещение акцентов социальной деятельности в плоскость виртуального пространства, становление интернет-экономики и стремительное развитие цифровых механизмов структурирования гражданско-правовых отношений (технологий *blockchain*, смарт-контрактов, цифровых прав и т. п.). Все эти факторы обуславливают необходимость не только развития «цифрового» направления в гражданско-правовых исследованиях, но и также, с нашей точки зрения, концептуального переосмысления традиционных цивилистических теорий (гражданского правоотношения, собственности и проч.). В этом контексте отнесение доменного имени к числу вещей актуальной цивилистической доктриной и судебной практикой отражает соответствующие изменения в теории вещного права, которая в настоящее время постепенно отказывается от отношения к вещи как только к материальному явлению, допуская в связи с этим распространение вещно-правового режима на виртуальные объекты (доменные имена, виртуальное имущество, криптовалюту и др.) [39, с. 104]⁴.

В связи с изложенным, с нашей точки зрения, актуализируется теоретико-методологическое осмысление актуальных тенденций развития гражданско-правовой науки, обусловленных информатизацией и цифровизацией общественных отношений. Нашей *основной целью* становится, в этом смысле, поиск ответа на вопрос о том, действительно ли наше цивилистическое правоведение продуцирует *новое знание* о гражданском обороте в цифровую эру, или по-прежнему занято пресловутым осмыслением гражданско-правовой природы «межкомнатных перегородок», т. е. вместо *нового знания* формирует «цифровые» интерпретации *знания наличного*? С нашей точки зрения, для ответа на данный вопрос необходимо выделить и проанализировать актуальные тенденции в теоретико-методологическом развитии современной отечественной цивилистики, проявляющие себя в контексте гражданско-правового осмысления «цифровых» аспектов общественных отношений. Проведенное нами исследование позволило в связи с этим выделить и описать следующие тенденции методологического развития цивилистики в цифровую эпоху.

⁴ Следует отметить, что, рассматривая проблему правового режима всякого бестелесного имущества (к примеру, бездокументарных ценных бумаг), цивилисты в большинстве случаев определяют его через конструкцию имущественного права; в такой логике, к примеру, безналичные денежные средства, электронные деньги описываются как права требования, равно как и бездокументарные ценные бумаги [33, с. 127; 78, с. 15; 82, с. 8; 91, р. 1078; 93, р. 717].

1. Превращение цивилистической доктрины из «юриспруденции понятий» в «юриспруденцию терминов», подменяющую содержательный аспект исследования формальным

В истории правовой науки общая теория права, первоначально оформленная в трудах представителей исторической школы юристов, мыслилась как в первую очередь юриспруденция понятий (*Begriffjurisprudenz*) [46, с. 453; 94, р. 301]. Целью научного юридического познания в концептуальной юриспруденции декларировалось построение строгой и единой системы абстрактных понятий, описывающих правовую действительность (в первую очередь – положительное право), фиксирующих в себе ее сущностные и закономерные характеристики⁵. Так, именно концептуалистами были разработаны фундаментальные общетеоретические категории (например, «объект права», «юридический факт» [64, с. 486; 96, с. 298]), а также базовые понятия гражданского права (например, «юридическое лицо» [54, с. 72]). Основным методом содержательного формирования научных понятий – дедукция из сущностных и закономерных характеристик правовой действительности, опосредуемых, в свою очередь, правовой культурой и универсальным правовым знанием [47, с. 260]⁶, – стал впоследствии методологическим основанием для всей системы построения юридического научного знания в романо-германской правовой традиции [15, с. 10; 57, с. 124].

Таким образом, понятия юридической науки допустимо определить как *воспроизводимые в юридическом научном познании предметно-содержательные формы, в которых отражаются основные сущностные особенности, отношения и закономерности функционирования и развития, присущие явлениям и предметам правовой действительности*. В связи с этим научные понятия выступают как форма выражения научного знания, его объективации в логико-языковых средствах языка науки [17, с. 107; 44, с. 505], в качестве которых выступают, в частности, термины [13, с. 31]⁷. В этом контексте Д. С. Лотте обращает внимание на основную характеристику термина – точность, которая, по мнению исследователя, определяется не этимологическими характеристиками термина, а его контекстуальными значениями (при этом контекст здесь понимается в широком смысле как не только законченный в смысловом отношении фрагмент текста, но и как методологические и социокультурные основания интерпретации термина)⁸. Отсюда можно сделать вывод, что термин и понятие соотносятся как форма и содержание соответственно.

Приведенное методологическое наблюдение *prima facie* не ново: различие понятия и термина является имманентно присущим научному познанию [43, с. 3]. Однако здесь видится важным следующее замечание В. В. Кима и Н. В. Блажевича: «Слово становится термином, когда *взаимно однозначно связывается с означаемым* (курсив мой. – В. П.), – пишут исследователи. – Следовательно, уже на эмпирическом уровне язык науки обогащается терминами, которые необходимы здесь для фиксации *устоявшегося фактического знания* (курсив мой. – В. П.)» [30, с. 26]. Таким образом, термины языка науки многозначны, но при этом доминирующее значение термина задается актуальной научной парадигмой. Именно парадигмальное значение термина, используемого при обозначении многих фе-

⁵ О задаче и методах юриспруденции понятий см.: [86, с. 88; 99, с. 499].

⁶ В противовес приведенному («дедуктивному») способу формирования научных правовых понятий в литературе выделяется также индуктивный, т. е. основанный на вычленении юридически значимых свойств общественных отношений и их обобщении, абстрактной интерпретации (см.: [10, с. 58]).

⁷ О взаимосвязи и взаимообусловленности терминов и понятий в методологии правоведения см.: [56, с. 38; 67, с. 9].

⁸ См.: [41, с. 24–25]. На этом основании автор различает правильно ориентирующие, нейтральные и ложно ориентирующие термины (см.: [41, с. 24–25]).

номенов цифрового гражданского оборота, становится в связи с этим основанием для его цивилистической характеристики. Так, к примеру, характеризуя правовой режим так называемого виртуального (игрового) имущества (*virtual property*), Т. Р. Хубиев и А. А. Серветник приходят к выводу, что с точки зрения гражданского права виртуальное имущество следует квалифицировать «как вещи и собственности» [80, с. 6]; при этом отдельный вид виртуального имущества – игровое имущество – названные авторы предлагают включить в ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации⁹ (далее – ГК) в качестве самостоятельного объекта гражданских прав [80, с. 6]. А. В. Лисаченко в свою очередь полагает, что виртуальное имущество в целом соответствует юридическим признакам вещей, что оправдывает распространение на него соответствующего правового режима [39, с. 108–109]. Подобным же образом строятся рассуждения Д. А. Рягузовой о юридической сущности криптовалют: с точки зрения исследователя, для целей реализации уголовно-правовых запретов необходимо подчинить криптовалюту правовому режиму валютных ценностей, вещей [61, с. 175].

В целом же можно сделать вывод, что общие признаки различного рода цифровых объектов (криптовалюты, «виртуального имущества» и т. п.) и традиционной системы объектов гражданских прав определяются исследователями исходя из их терминологического соответствия («имущество» – «виртуальное имущество», «валюта» – «криптовалюта»). Но вместе с тем такое *механическое приращение цифровым объектам свойств, присущих традиционным объектам гражданских прав, только исходя из идентичности терминов, которыми обозначаются и те и другие, видится нам совершенно необоснованным методологически.*

Здесь представляет безусловный интерес следующее замечание А. Н. Латыева: «...до Великой французской революции, – пишет он, – правовой режим нематериальных объектов не смешивался с вещно-правовым. Вызванное революцией движение за отмену привилегий должно бы было уничтожить и авторское право, что, в свою очередь, пришло бы в противоречие с идеологией Просвещения. Выход был найден в признании авторских прав видом права собственности. Так в лексикон континентальных юристов вошло словосочетание “интеллектуальная собственность”... История этого института, – пишет далее А. Н. Латыев, – является показательным примером того, как образное выражение, будучи понято как юридическая конструкция, повлекло целую череду недоразумений (курсив мой. – В. П.)» [37, с. 21]¹⁰. Ситуация, о которой пишет А. Н. Латыев, во многом схожа с той, о которой мы говорим, поскольку в обоих случаях истоком правовой проблемы является *смешение термина и понятия, научной метафоры* [35, с. 46; 58, с. 147; 72, с. 128] *и юридической конструкции, формы и содержания, т. е., по сути, – методологическая неопределенность цивилистической доктрины.*

Смешение термина и понятия достаточно ярко проявляется в цивилистических концептуализациях такого феномена цифровой экономики, как технология смарт-контракта. Как пишет А. И. Савельев, смарт-контракт представляет собой «договор, существующий в форме программного кода, имплементированного на платформе *Blockchain*, который обеспечивает автономность и самоисполнимость условий такого договора по наступлении заранее определенных в нем обстоятельств» [63, с. 46]. На наш взгляд, исследователь тем самым определяет смарт-

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации: часть первая от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 декабря 1994 г. № 32. Ст. 3301.

¹⁰ Подчеркнем, что в настоящее время смешение собственности в классическом понимании и интеллектуальной собственности недопустимо хотя бы *ex lege*, поскольку п. 3 ст. 1227 ГК, посвященный соотношению интеллектуальных и вещных прав, регламентирует общее правило, в силу которого положения о вещных правах не подлежат применению к интеллектуальным правам. Однако следует констатировать, что, несмотря на это, смешение интеллектуальных и вещных прав до сих пор иногда встречается в исследовательской литературе (см., например: [53, с. 23]).

контракт только в качестве особой, цифровой формы договора (наряду с письменной, устной и конклюдентной), которая (с учетом конкретных особенностей информационной среды) может конституировать условия ряда гражданско-правовых договоров, известных законодательству и правовой доктрине. В качестве особой формы стандартного гражданско-правового договора определяют смарт-контракт также А. С. Генкин и Л. А. Маврина [19, с. 140], а также ряд других исследователей [24, с. 66; 65, с. 68; 68, с. 80]. Действительно, с позиции функционального подхода точка зрения авторов, относящих смарт-контракт к числу договоров, обоснованна в том смысле, что сущностно смарт-контракт предназначен для оформления договорных условий в цифровой среде и их автоматического исполнения, и в этом смысле условия, заложенные в соответствующий программный алгоритм, действительно могут быть определены как договорные. Однако дает ли сказанное основания говорить о *договорной сущности самого смарт-контракта*? Полагаем, что нет.

Обосновывая данное утверждение, обратимся к сущности гражданско-правового договора *per se*. С нашей точки зрения, фундаментальной характеристикой договора выступает согласование воли сторон; а значит, договор – это в первую очередь юридический факт-действие, конституирующий гражданское правоотношение и определенный его сторонами юридический эффект, воплощенный в системе правил взаимного поведения субъектов данного правоотношения. Указанные правила опосредуют характер данной системы, который в связи с этим может быть обязательственным, вещным, интеллектуально-правовым и т. п. Следовательно, для договора первостепенное значение имеет *характер структурируемых им правил взаимного поведения сторон* [7, с. 3–4]; «динамическая» сторона юридического эффекта договора (т. е. реализация опосредованных им прав, обязанностей и ответственности) является в этом смысле характеристикой не самого договора, а обусловленного им правоотношения. Иными словами, необходимо отличать договор как соглашение (источник индивидуального правового регулирования) от *правоотношения* как следствия заключения договора (таким же образом различаются, к примеру, закон и процедура его исполнения) [2, с. 14; 55, с. 11]. Если же мы рассмотрим в предложенной логике феномен смарт-контракта, то увидим, что *смарт-контракт – это, в первую очередь, способ исполнения договорных условий*. Поэтому считать смарт-контракт договором, с нашей точки зрения, неправомерно, прежде всего, из методологических соображений, поскольку иной подход приведет к смешению самого договора как *конституирующего гражданское правоотношение правового акта* и самого опосредуемого им гражданского правоотношения, т. е., по сути, – к фундаментальной понятийной ошибке.

Таким образом, мы видим, что термин, которым обозначается то или иное явление цифровой действительности, становится определяющим моментом в построении гражданско-правовой теории этого явления. Тем самым исследователи обращаются не к существу явления, а к смысловым акцентам его терминологического обозначения. Однако ранее мы замечали, что термины языка – это форма отражения явления в коммуникативной схеме. В этом контексте оправданно считать, что *большинство современных цивилистических исследований, посвященных цифровым артефактам, отражают не гражданско-правовое содержание этих явлений, а по преимуществу – их форму*, поскольку методологически эти исследования основаны на неоправданной экстраполяции смысловых акцентов терминологии естественного языка в содержательную плоскость научных юридических понятий. В связи с этим, с нашей точки зрения, абсолютно справедлив упрек В. А. Белова современной правовой науке, которая, по меткому выражению исследователя, «из... юриспруденции понятий... выродилась в юриспруденцию терминов» [9, с. 256]. Соответствующая проблема, таким образом, в философском

смысле является фундаментальной, поскольку неоправданное построение юридической теории явления, основанное только на смысловых акцентах его терминологического обозначения, является, по сути, подменой содержания явления его логико-языковой формой. Это позволяет констатировать, что с позиции актуальных научно-исследовательских практик цивилистические теории «цифровых» аспектов гражданско-правовых отношений относятся в большей степени именно к «юриспруденции терминов».

2. Господство позитивистских установок, ограничивающих пределы гражданско-правового познания сферой положительного права

Традиционно в философии науки концепции научного предмета *per se* строились на основании двух методологически оппозиционных гносеологических установок – позитивистской и герменевтической [12, с. 6; 73, с. 121; 85, р. 1599]. Так, если позитивизм, основанный на идее эмпиризма как единого методологического основания всех наук [87, р. 335], рассматривает предмет науки в качестве объективных законов мироустройства, закономерностей развития природы и общества [98, р. 19, 78; 100, р. 9, 15], то для герменевтики, сосредоточенной на исследовании текста как гуманитарного феномена, предметом науки выступает сущность явления, его смысл, продиктованный актуальной социокультурной ситуацией [89, s. 3; 90, s. 144]. Оба указанных философских течения оказали существенное влияние на развитие всех наук, в том числе и юриспруденции. Однако, по замечанию Н. Н. Тарасова, именно «позитивистские установки научного познания попали в юриспруденции на благоприятную почву... юридического позитивизма» [73, с. 25]. В этой связи следствием влияния научного позитивизма на отечественное правоведение (основанное преимущественно на позитивистской концепции правопонимания) стала специфика понимания предмета юридической науки, отчетливо оформившаяся еще в XIX столетии и доминирующая в методологии советского и современного правоведения.

В этом смысле наша юриспруденция (в том числе и ее цивилистическая отрасль) была и остается по преимуществу позитивистской, основанной на неоправданно узком подходе к праву как к системе правил общественного поведения, исходящих от государства и обеспеченных его принудительной силой [5, с. 104; 6, с. 52; 22, с. 180; 42, с. 205; 45, с. 332–341; 49, с. 87; 50, с. 137; 62, с. 169; 75, с. 196]. Отсюда – неоправданное сведение задач научного изучения права к «*атомистской* проработке... правовых реалий» [4, с. 114], к «*понятийной констатации* юридических реалий... выявлению содержащихся в них юридических норм и юридических фактов, в их толковании, фиксации присущих им общих, видовых и родовых особенностей» [4, с. 115]. Иными словами, при таком гносеологическом отношении к праву роль науки сводится к юридико-техническому описанию действующего законодательства, поиску в нем пробелов, нестыковок, несогласованных положений – словом, к интерпретации позитивного права, которую Р. фон Иеринг оправданно называл «низшей юриспруденцией» [26, с. 180]. Однако следует констатировать, что подкупающий своей логической простотой и непротиворечивостью позитивизм не только целиком захватил (за редким исключением) сферу юридической науки, но и ожидаемо проник в область юридического образования. В результате сложилась ситуация, при которой изучение и преподавание права сводится к комментированию текстов законов и положений судебной практики¹¹.

Такое положение дел возникло, однако, не вчера и не сегодня. «Я не знаю и не преподаю гражданского права. Я знаю и преподаю гражданский кодекс», – утверждал французский цивилист М. Бугне в середине XIX столетия [95, р. 140].

¹¹ Нельзя при этом не отметить, что во все времена встречались исследования, подвергающие такой подход резкой критике (см., например: [18, с. 3; 27, с. 19]).

Познание логики законодательства как основную задачу юридического образования и науки постулировал выдающийся ученый Ф. Жени [92, р. 39–40, 86–87]. Подобный же подход усматривается в следующем тезисе классика нашей юриспруденции Г. Ф. Шершеневича: «Материалом, подлежащим изучению со стороны правоведения, служат юридические нормы... Только нормы составляют объект правоведения» [84, с. 91]. Такое отношение к праву, к методологии его научного познания и преподавания сохраняется и в наши дни, когда по существу юридическая наука и образование из правоведения вырождаются обратно в законоведение [77, с. 58].

Обусловленное этим признание позитивного права и его закономерностей в качестве предмета юриспруденции ярко прослеживается и в гражданско-правовой доктрине. Так, по мысли О. А. Красавчикова, «наука (гражданского права. – В. П.) изучает не только нормы гражданского права, но также и объективные закономерности, которые находят свое отражение в гражданском праве в целом и в его важнейших правовых институтах» [34, с. 59]. Такой же подход демонстрирует М. М. Агарков, отмечая: «Предметом науки... гражданского права является... гражданское право как отрасль права» [1, с. 70]. Трактовка отрасли гражданского права и закономерностей гражданско-правового регулирования в качестве предмета соответствующей науки характерна и для большинства современных авторов [20, с. 14; 51, с. 9; 79, с. 36].

Таким образом, из изложенного следует, что современная отечественная цивилистическая доктрина остается в силу доминирования традиционных научно-познавательных установок позитивистской (как в контексте актуального типа правопонимания, так и применительно к позитивизму как основной гносеологической установке). В этой связи герменевтико-методологические установки в гражданско-правовой науке прослеживаются значительно реже, главным образом – в исследованиях, посвященных личным неимущественным отношениям, фидуциарным обязательствам [70, с. 34]. Тем более позитивистские установки характерны для гражданско-правовых концептуализаций цифровых технологий, явлений и процессов в гражданском обороте, о чем мы уже писали в первом параграфе настоящего исследования.

Однако насколько методология философского позитивизма адекватна предметной репрезентативности цивилистической доктрины в цифровую эпоху? *Prima facie* ответ на этот вопрос должен быть утвердительным, ведь отыскание закономерностей развития имущественного оборота в условиях цифровизации является первостепенной задачей гражданско-правовой науки. С одной стороны, это безусловно так. Однако такое отыскание производится исследователями главным образом в области актуального законодательства, т. е., по сути, – в особой *форме* соответствующих общественных отношений, но не в них самих [29, с. 349].

В связи с этим взгляд юристов на существо общественных отношений в цифровой среде не является теоретически организованным, а имеющиеся образцы теоретического и практического разрешения данных вопросов являются в этом смысле казуистикой. Характерным примером в этом контексте является практика арбитражных судов по вопросу об определении юридической сущности криптовалюты. Так, в одном из дел о признании должника банкротом арбитражный управляющий заявил требование о включении в конкурсную массу принадлежащей должнику криптовалюты. Однако суд отказал в удовлетворении указанного требования, отметив, что в отсутствие законодательных норм, регулирующих использование криптовалюты в гражданском обороте, решение о включении криптовалюты в конкурсную массу не будет иметь юридических механизмов исполне-

ния¹². В то же время в другом деле арбитражный апелляционный суд решил данную проблему диаметрально противоположным образом, включив криптовалюту в конкурсную массу должника в качестве иного имущества¹³.

Господство позитивного правопонимания опосредует в связи с этим традиционную «двухфокусную» интерпретацию права в логике «отношение» – «норма». Однако при этом объективно нивелируется главный вопрос всей юридической деятельности: *почему то или иное отношение имеет правовой характер?* Актуальный тип правопонимания отвечает на этот вопрос весьма категорично: *потому что на то есть воля государства*¹⁴. Такая ситуация опосредует отсутствие у наших юристов каких-либо побудительных причин для отыскания *правовых характеристик общественных отношений, складывающихся в виртуальном пространстве*. По сути тем самым нивелируется изначально герменевтический характер всего права *per se* и, соответственно, герменевтические установки в цивилистическом исследовании. Вследствие этого *пределы гражданско-правового познания «цифровых» феноменов, исходя из актуального типа правопонимания и особенностей познавательного отношения к праву, ограничены только сферой положительного права, в связи с чем ученые-юристы рассматривают «цифровые» аспекты гражданско-правовых отношений только сквозь призму нормативных гражданско-правовых конструкций*.

Может показаться, что мы категорически отвергаем всякое применение позитивистского подхода и нивелируем его познавательное значение в современной юридической науке. Безусловно, это не так: мы говорим лишь о *недостаточности гносеологического потенциала позитивизма* в ситуации, когда то или иное явление цифровой реальности не имеет собственного правового режима, но должно, тем не менее, быть описано в понятийной схеме той или иной юридической конструкции (хотя бы из практических соображений). Поэтому в условиях, когда первостепенной задачей современной цивилистической теории становится познание гражданско-правовой сущности явлений и процессов, не подпадающих под регулятивное воздействие закона, первостепенное значение в исследовательской методологии приобретает именно *философская герменевтика*. И мы, принимая во внимание исследовательский потенциал философского позитивизма, тем не менее не можем не обратить внимание на то, что эвристическая состоятельность любой исследовательской методологии определяется принципом *баланса исследовательских средств*, вытекающего, в свою очередь, из принципа *философско-методологического плюрализма* [71, с. 48]¹⁵.

¹² Решение Арбитражного суда города Москвы от 24 октября 2017 г. по делу № А40-124668/17-71-160 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. по делу № А40-124668/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

¹⁴ Такой подход в целом опосредуется господствующим пониманием права как системы исходящих от государства норм социального поведения, обеспеченных публичным принуждением. Проникновение такой онтологической интерпретации права во все области юридического знания ярко прослеживается в следующем тезисе П. М. Рабиновича: «Право, – пишет исследователь, – это не только правила поведения, установленные или санкционированные государством, но и *иные явления, в которых реализуется его воля* (курсив мой. – В. П.); ненормативные предписания, правоотношения, субъективные юридические права, правовые принципы и др. Хотя в этом варианте “традиционное” понимание права существенно расширяется, однако оно все же *ограничивается здесь пределами государственно-институционализированной надстройки*» (курсив мой. – В. П.) [56, с. 37–38].

¹⁵ Примечательно, что идею о необходимости методологического баланса между позитивистскими и герменевтическими, дедуктивными и индуктивными началами в научном познании высказывали даже философы, подвергающие сомнению исследовательский потенциал герменевтики (см., например: [69, с. 485–487]).

3. Приоритет прагматических контекстов в оценке истинности цивилистической теории, обуславливающий постепенное превращение науки гражданского права в обобщенное прикладное, технико-юридическое знание

«Наше научное правосознание всегда относилось к практике с особым пиететом», – небезосновательно утверждает Н. Н. Тарасов [74, с. 19]. В принципе идея о своего рода «противостоянии» теории и практики имманентно присуща континентальной юриспруденции¹⁶. В советский период истории нашего права и правоведения такое положение вещей подкреплялось к тому же официальной философией. Характерны в этом смысле рассуждения М. Н. Руткевича, который отмечал: «...расчленение совокупной общественной деятельности на практическую, материальную и теоретическую, духовную, и вытекающие из этого расчленения определения практики и теории как чувственно-материальной и абстрактно-мыслительной деятельности можно считать... достаточно прочно вошедшими в... философскую литературу» [60, с. 77]. Таким образом, теория и практика как парные категории материалистической диалектики прочно закрепились в профессиональном правосознании в форме бинарных оппозиций; притом последней всегда отдавался приоритет¹⁷.

Такое положение дел привело к тому, что в области нашей юридической науки идея о диалектическом противоречии теории и практики и приоритете последней над первой получила очень неоднозначную по своей природе интерпретацию: правовая наука в России стала *теорией практики*¹⁸, причем практики *юридической*, а не *общественно-исторической*¹⁹. В методологическом смысле это означает, что теоретическая значимость и доказательность правового (в том числе и гражданско-правового) знания оценивается в контексте актуального состояния юридической практики. Такое неоправданное сужение прагматической интерпретации истины применительно к правоведению (т. е. избрание критерием истинности юридических исследований только один вид общественно-исторической практики – юридическую практику) представляет собой явную методологическую ошибку.

Наиболее ярко такая ситуация проявляет себя в контексте такого социально-правового феномена, как криптовалюта. С точки зрения устоявшихся представлений об основном критерии оценки юридических теорий, состоятельность той или иной доктринальной разработки правового режима криптовалюты непосредственно зависит от ее обоснованности в контексте юридической (главным образом – судебно-правоприменительной) практики. Однако при самом беглом взгляде на интерпретацию криптовалюты в судебной практике можно обнаружить вариатив-

¹⁶ Так, еще Цицерон, характеризуя состояние современной ему юриспруденции, писал: «У нас нет подлинного и ясного представления об истинном праве и о настоящей справедливости, и мы пользуемся только их тенью и очертаниями» [81, с. 141], говоря в этом смысле прежде всего об узко-прикладном, фактически функциональном характере римской юриспруденции, нацеленной на обслуживание конкретных юридических практик. По выражению Р. Иеринга, «история римского права до нашего времени знает только циферблат часов, не имея понятия об их механизме. Она не касается вопроса о скрытой силе, которая приводит в движение стрелку, и донельзя внешняя связь ее историко-юридического материала напоминает систематику счета прачки: сорочки, воротнички, носовые платки, – *leges, senatus consulta, constitutiones principum, etc*» [25, с. 146].

¹⁷ Характерно в этом смысле следующее утверждение В. И. Леушина: «Исследования, не имеющие практической ценности, *нельзя считать научными*» (курсив мой. – В. П.) [38, с. 118].

¹⁸ В принципе, такое положение дел характерно не только для правоведения. Так, фактическое «подчинение» социологической теории общественным практикам констатирует П. Бурдьё (см.: [14, с. 53]). Об определяющем характере практики по отношению к теории высказывались представители немецкой классической философии (см.: [66, с. 200]).

¹⁹ Что уже само по себе неверно, поскольку в философском контексте «практика как критерий истины представляет собой всю деятельность людей, т. е. деятельность, касающуюся всех сторон общественной жизни» [83, с. 98].

ность (а точнее, принципиальную несогласованность) подходов к определению сущности данного феномена. Примечательно при этом, что такая несогласованность подчас наблюдается даже в актах Верховного Суда (не говоря уже о судах нижестоящих инстанций). Так, в одном из своих кассационных определений Верховный Суд признал незаконной рекламу криптовалюты, поскольку таковая в контексте ст. 27 Федерального закона от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»²⁰ является денежным суррогатом²¹. Однако впоследствии, давая толкование положениям ст. 174 и 174.1 Уголовного кодекса Российской Федерации²², Пленум Верховного Суда признал криптовалюту иным имуществом для целей реализации соответствующих уголовно-правовых запретов²³.

В целом же судебная практика демонстрирует, по крайней мере, три подхода к определению юридического режима криптовалюты. Так, согласно первому подходу, криптовалюта является имуществом (валютой) и в этом смысле играет роль законного средства платежа²⁴. В соответствии со вторым подходом криптовалюта представляет собой внеправовой феномен, который в связи с этим не имеет какого-либо правового режима вообще²⁵. Наконец, третий подход основан на понимании криптовалюты в качестве денежного суррогата, обращение которого на территории России запрещено²⁶. В этом контексте закономерно возникает вопрос: опора на какой из приведенных подходов в рамках теоретической концептуализации криптовалюты обеспечит истинность соответствующего исследования? Совершенно очевидно, что в этом смысле определение юридической практики в качестве критерия истины научно-правового исследования методологически несостоятельна, тем более – в контексте теоретического исследования цифровых феноменов (криптовалюты, виртуального имущества и т. п.), поскольку в отсутствие законодательно определенного правового режима данных феноменов позиции, высказываемые судами по соответствующему вопросу, неизбежно будут вариативны и противоречивы.

Тем не менее правовая практика во многом была и остается до сих пор ведущим критерием оценки теоретических исследований гражданского права. Итогом такой ситуации становится в настоящее время постепенное «растворение» граж-

²⁰ О Центральном банке Российской Федерации (Банке России): Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 июля 2002 г. № 28. Ст. 2790.

²¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 20 апреля 2018 г. № 78-КГ17-101 по делу № 2-10119/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс»

²² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.

²³ О судебной практике по делам о легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем, и о приобретении или сбыте имущества, заведомо добытого преступным путем : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 7 июля 2015 г. № 32 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2015. – № 9.

²⁴ См., например: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15 мая 2018 г. № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; Решение Арбитражного суда города Москвы от 29 июня 2018 г. по делу № А40-85418/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; Определение Арбитражного суда Вологодской области от 6 октября 2016 г. по делу № А13-3814/2016 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ См., например: Определение Арбитражного суда города Москвы от 5 марта 2018 г. по делу № А40-124668/2017 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; Апелляционное определение Ульяновского областного суда от 31 июля 2018 г. по делу № 33-3142/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; Решение Московского городского суда от 18 апреля 2018 г. по делу № 7-4313/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

²⁶ См., например: Апелляционное определение Тюменского областного суда от 24 января 2018 г. по делу № 33-245/2018 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс» ; Решение Забайкальского краевого суда от 12 октября 2015 г. по делу № 7-12-337/2015 // Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

данско-правовой науки в практике, превращение ее в обобщенное прикладное знание. Иными словами, гражданско-правовая теория становится даже не законоведением, а рискует превратиться в систему технико-прикладных положений, которые по существу не имеют никакого отношения к науке. Тем самым наше правоведение отклоняется в сторону изменения своего институционального статуса, заключающегося в постепенном переходе юриспруденции из отрасли научного знания в область практического искусства.

Таким образом, прагматизм нашей цивилистической теории проявляет себя в двух аспектах: во-первых, в избрании *юридической* практики как основного критерия оценки гражданско-правовых исследований и, во-вторых, в приобретении юридической практикой статуса основного исследовательского материала. Указанные аспекты, как уже было отмечено выше, формируют для гражданского права в частности и всей юридической науки в целом весьма неутешительную перспективу постепенной утраты *научного* статуса.

Обобщая изложенное, можно сказать, что переход к постиндустриальному обществу, сопровождаемый глобальной информатизацией общественно-экономических процессов, становится для юридической науки (и в первую очередь – науки гражданского права) своеобразным тестом на методологическую состоятельность. По нашему убеждению, актуальные исследовательские практики показывают, что отечественная юриспруденция рискует не пройти этот тест. Сформулированные выше тенденции методологического развития цивилистики в цифровую эпоху опосредуют вывод о том, что теоретико-методологический аппарат отечественной гражданско-правовой теории (сформированный за почти тридцатилетний постсоветский период ее развития) оказался не готов к осмыслению информационно-технологических явлений и процессов. Целиком сориентированная на исследование материального аспекта действительности (читай: межкомнатных перегородок), цивилистика, столкнувшись с принципиально новым – цифровым – аспектом действительности, продемонстрировала принципиальную неспособность к выработке *нового* знания. Вместо этого в исследовательских практиках предпринимаются попытки «подведения» реалий цифровой эпохи под ту или иную юридическую конструкцию, известную традиционной гражданско-правовой теории.

Сказанное позволяет сделать вывод, что для современного цивилистического правоведения (как и, впрочем, для юридической науки в целом) первостепенное значение имеют не *теоретические*, а *методологические* проблемы. В связи с этим следует безусловно согласиться с мнением французского философа и методолога науки Ж. Л. Детуша о том, что «в науке любая действительно важная проблема возникает как проблема метода» [88, р. 76]. Поэтому мы считаем, что преодоление текущих тенденций развития цивилистической теории должно идти в первую очередь по линии *совершенствования методологического аппарата цивилистики как науки*.

Итак, современная цивилистика, к сожалению, не столько формирует *новое знание* об информационно-технологических явлениях и процессах, сколько модифицирует *знание наличное* в том смысле, что она пытается описать цифровые феномены в понятийных схемах традиционных юридических конструкций. По нашему мнению, такое положение дел будет сохраняться постольку, поскольку ученые-юристы будут сохранять исследовательское безразличие к методологическим проблемам собственной науки. Тем самым в цифровую эпоху особенно актуализируется *разработка методологических проблем юридической науки, и в первую очередь – науки о гражданском праве*.

Литература

1. Агарков М. М. Предмет и система советского гражданского права // Советское государство и право. – 1940. – № 8–9.
2. Агарков М. М. Юридическая природа железнодорожной перевозки // Право и жизнь. – 1922. – № 3.
3. Адорно Т. Негативная диалектика / Т. В. Адорно ; пер. с нем. Е. Л. Петренко. – М. : АСТ, 2014.
4. Алексеев С. С. Избранное / вступ. сл., сост. П. В. Крашенинников. – М. : Статут, 2016.
5. Алексеев С. С. Общая теория права : в 2 т. – Т. I. – М. : Юридическая литература, 1981.
6. Алексеев С. С. Теория права. – М. : БЕК, 1995.
7. Анненков К. Н. Система русского гражданского права. – Т. III : Права обязательственные. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1898.
8. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество: опыт социального прогнозирования / пер. с англ. В. Л. Иноземцева. – М. : Academia, 1999.
9. Белов В. А. К вопросу о соотношении понятий обязательства и договора // Вестник гражданского права. – 2007. – № 4.
10. Белов В. А. Объяснение (эссе о юристах и юридической деятельности) // Корпоративный юрист. – 2006. – № 1.
11. Белов В. А. Типичные недостатки диссертаций по гражданскому праву // Вестник гражданского права. – 2007. – Т. 7.
12. Бряник Н. В. Герменевтическая философия науки // Эпистемы : сборник научных статей. Вып. 5 : Проблемы философии науки. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.
13. Будагов Р. А. Введение в науку о языке. – М. : Просвещение, 1965. – С. 31.
14. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А. Т. Бикбов, К. Д. Вознесенская, С. Н. Зенкин, Н. А. Шматко ; отв. ред. пер. и послесл. Н. А. Шматко. – СПб. : Алетей, 2001.
15. Васильев А. М. Категории теории права: к разработке понятийной системы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – М. : МГУ, 1975.
16. Васильевский Е. В. Учебник гражданского права / науч. ред. В. С. Ем. – М. : Статут, 2003.
17. Вахтомин Н. К. Генезис научного знания. Факт, идея, теория. – М. : Наука, 1973.
18. Гамбаров Ю. С. Курс гражданского права. – Часть общая. – СПб. : Типография М. М. Стасюлевича, 1911.
19. Генкин А. С., Маврина Л. А. Блокчейн плюс «умные» контракты: преимущества применения и возникающие проблемы // Экономика. Бизнес. Банки. – 2017. – № 2 (19).
20. Гражданское право : в 2 ч. Ч. 1 / под ред. В. П. Камышанского, Н. М. Коршунова, В. И. Иванова. – М. : Юнити-Дана, 2011.
21. Дювернуа Н. Л. Чтения по гражданскому праву. – Т. 2: Учение о вещах. Учение о юридической сделке / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. – М. : Зерцало-М, 2015.
22. Егоров С. Н. Аксиоматические основы теории права. – СПб. : Лексикон, 2001.
23. Иванов Д. В. Общество как виртуальная реальность // Информационное общество : сборник. – М. : АСТ, 2004.
24. Иващенко Н. П., Шаститко А. Е., Шпакова А. А. Смарт-контракты в свете новой институциональной экономической теории // Journal of Institutional Studies. – 2017. – № 3 (11).
25. Иеринг Р. О задаче и методе истории права // Журнал Министерства юстиции. – 1896. – № 2.
26. Иеринг Р. Юридическая техника / пер. с нем. Ф. С. Шендорфа. – СПб. : Типо-Литография А. Г. Розена, 1905.
27. Карапетов А. Г. Борьба за признание судебного правотворчества в европейском и американском праве. – М. : Статут, 2011.
28. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под ред. О. И. Шкартана. – М. : ГУ-ВШЭ, 2000.
29. Керимов Д. А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). – 2-е изд. – М. : Аванта+, 2001.

30. Ким В. В., Блажевич Н. В. Язык науки: Философско-методологические аспекты / Рос. филос. о-во ; Межвуз. центр проблем непрерыв. гуманитар. образования при Урал. гос. ун-те им. А. М. Горького. – Екатеринбург : Банк культурной информации, 1998.
31. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко ; Отделение историко-филологических наук. – 2-е изд., доп. – М. : Наука, 2003.
32. Кожемякин Д. В. Доменное имя в системе объектов гражданских прав : монография. – М. : Проспект, 2019.
33. Коростелев М. А. Правовой режим электронных денег в гражданском законодательстве : дис. ... канд. юрид. наук. – М. : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015.
34. Красавчиков О. А. Предмет и состав науки советского гражданского права // Правоведение. – 1957. – № 1.
35. Кузьмина М. А. Метафора как элемент методологии современного научного познания // Социологические исследования. – 2006. – № 2.
36. Курдиновский В. И. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. – Одесса : «Экономическая» типография, 1899.
37. Латыев А. Н. Вещные права в гражданском праве: понятие и особенности правового режима : дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2004..
38. Леушин В. И. Юридическая практика в системе социалистических общественных отношений. – Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1987.
39. Лисаченко А. В. Право виртуальных миров: новые объекты гражданских прав // Российский юридический журнал. – 2014. – № 2 (95).
40. Лосев А. Ф. Из ранних произведений. – М. : Изд-во МГУ, 1990.
41. Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. Вопросы теории и методики. – М. : Изд-во АН СССР, 1961.
42. Любашиц В. Я., Мордовцев А. Ю., Мамычев А. Ю. Теория государства и права. – М. : РИОР, 2014.
43. Макарихина О. А. Анализ и моделирование понятийной структуры терминов социально-гуманитарных наук (на примере термина «этнос») : автореф. дис. ... канд. филос. наук. – Нижний Новгород : Нижегородский государственный университет им. Н. И. Лобачевского, 2007.
44. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Издание второе. Т. 20. – М. : Государственное издательство политической литературы, 1961.
45. Марченко М. Н. Проблемы теории государства и права : учебник. – М. : Проспект, 2001.
46. Михайлов А. М. Генезис континентальной юридической догматики : монография. – М. : Юрлитинформ, 2012.
47. Михайлов А. М. Сравнительное правоведение: догма романо-германского права : учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры. – 2-е изд. – М. : Юрайт, 2019.
48. Нам К. В. Правовое регулирование регистрации и использования доменного имени в Германии // Право в сфере Интернета : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2018.
49. Общая теория государства и права : учебник / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. – Саратов : Саратовский социально-экономический институт (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2018.
50. Перевалов В. Д. Теория государства и права : учебник для бакалавров. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юрайт, 2012.
51. Попондопуло В. Ф. Предмет юридической науки // Российский юридический журнал. – 2017. – № 1.
52. Пронин М. А., Королев А. Д. Образ человека в виртуалистике // Биоэтика и гуманитарная экспертиза. Вып. 7 / Российская академия наук, Институт философии ; отв. ред. Ф. Г. Майленова. – М. : ИФРАН, 2013.
53. Прохоров А. Н. Основные подходы к определению сущности понятия «интеллектуальная собственность» // Вестник ТюмГУ. Серия «Экономика». – 2012. – № 11.
54. Пухта Г. Ф. Курс римского гражданского права / пер. с последнего немецкого издания проф. Рудорффа. – Т. 1. – М. : Типография «Соврем. Изв.», 1874.

55. Рабинович Н. В. Недействительность сделок и ее последствия. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1960.
56. Рабинович П. М. Социалистическое право как ценность. – Львов : Изд-во при Львовском государственном университете издательского объединения «Вища школа», 1985.
57. Радбрух Г. Введение в науку права. – М. : Труд, 1915.
58. Рикер П. Метафорический процесс как познание, воображение и ощущение. Живая метафора // Теория метафоры. – М. : Прогресс, 1990.
59. Рожкова М. А. Права на доменное имя // Право в сфере Интернета : сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. д.ю.н. М. А. Рожкова. – М. : Статут, 2018.
60. Руткевич М. Н. Марксистское понятие практики в его связи с другими философскими категориями // Взаимосвязь категорий : сборник статей. – Свердловск : Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 1970.
61. Рягузова Д. А. О перспективах признания виртуальной валюты объектом уголовно-правовой охраны (на примере биткоина) // Вестник ВГУ. Серия «Право». – 2018. – № 1.
62. Сабо И. Основы теории права : пер. с венг. / под ред. и с вступ. ст. д-ра юрид. наук В. А. Туманова. – М. : Прогресс, 1974.
63. Савельев А. И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3.
64. Савиньи Ф.-К. фон. Система современного римского права. – Т. I / пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – М. : Статут, 2011.
65. Саликов М. С., Несмеянова С. Э., Мочалов А. Н., Колобаева Н. Е., Иванова К. А. Права человека в сети Интернет : коллективная монография. – Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2019.
66. Самченко В. Н. Понятие практики в философии Нового и Новейшего времени // Социально-экономический и гуманитарный журнал ГАУ. – 2015. – № 2.
67. Сандалова Н. В. Вариологические аспекты юридических терминов в русском и английском языках (по терминологическим источникам) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург : Уральский государственный педагогический университет, 2010.
68. Сомова Е. В. Смарт-контракт в договорном праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 2.
69. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / пер. с англ. под ред. Н. А. Рубакина. – Минск : Современ. литератор, 1999.
70. Степанов С. А. Экзистенциалы эгоизма и альтруизма в синергетическом образе права // Синергетика и герменевтика в правоведении и социально-правовом регулировании : монография / под ред. А. Н. Кокотова, И. П. Малиновой. – М. : Норма: ИНФРА-М, 2020.
71. Степин В. С. Становление философии науки: первый и второй позитивизм // Методология науки: статус и программы. – М. : ИФРАН, 2005.
72. Тальягамбе С. Зрительное восприятие как метафора (По поводу концепции Пауля Фейерабенда) // Вопросы философии. – 1985. – № 10.
73. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2001.
74. Тарасов Н. Н. Юридическая наука и юридическая практика: соотношение в методологическом контексте (о практичности юридической науки и научности юридической практики) // Российский юридический журнал. – 2012. – № 3.
75. Теория государства и права : учебник / под ред. В. К. Бабаева. – М. : Юристъ, 2003.
76. Трепицын И. Н. Переход права собственности на движимые имущества посредством передачи и соглашения // Записки Императорского Новороссийского университета. – Т. 92 / под ред. Заслуженного ординарного профессора А. А. Кочубинского. – Одесса : «Экономическая» типография, 1903.
77. Трусов А. И. Правоведение или законоведение? // Методологические проблемы правоведения / под ред. М. Н. Марченко. – М. : Изд-во МГУ, 1994.
78. Федотов Д. В. Бестелесное имущество в гражданском праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург : Уральская государственная юридическая академия, 2012.

79. Филиппова С. Ю. Предмет цивилистической науки // Вестник МГУ. Серия : Право. – 2016. – № 4.
80. Хубиев Т. Р., Серветник А. А. Виртуальные игры в рамках гражданского права // Отечественная юриспруденция. – 2016. – № 11 (13).
81. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. – М. : Наука, 1974.
82. Шевченко Г. Н. Проблемы гражданско-правового регулирования эмиссионных ценных бумаг : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Томск : Томский государственный университет, 2006.
83. Шептулин А. П. Диалектический материализм. – М. : Высшая школа, 1965.
84. Шершеневич Г. Ф. Избранное : в 6 т. – Т. 2 включая Курс гражданского права / вступ. слово, сост. П. В. Крашенинников. – М. : Статут, 2017.
85. Åge L.-J. Grounded Theory Methodology: Positivism, Hermeneutics, and Pragmatism // The Qualitative Report. – 2011. – Vol. 16, № 6.
86. Brütt L. Die Kunst der Rechtsanwendung: zugleich ein Beitrag zur Methodenlehre der Geisteswissenschaften. – Berlin : J. Guttentag, Verlagsbuchhandlung, 1907.
87. Comte Au. Écrits de jeunesse (1816–1828). Suivis du Mémoire sur la cosmogonie de Laplace (1835) / Textes établis et présentés par P. E. Berrêdo Carneiro et P. Arnaud. – Paris ; La-Haye : Mouton, 1970.
88. Destouches J. L. Méthode et méthodologie de la science // Atti del Congresso di Metodologia. – Torino : Ramella, 1953.
89. Dilthey W. Der Aufbau der geschichtlichen Welt in den Geisteswissenschaften. – Leipzig und Berlin : B. G. Teubner, 1927.
90. Dilthey W. Die geistige Welt. Einleitung in die Philosophie des Lebens. Abhandlungen zur Grundlegung der Geisteswissenschaften. Bd. V. – Leipzig : B. G. Teubner, 1924.
91. Fairfield J. Virtual Property // Boston University Law Review. – 2005. – Vol. 85.
92. Géný F. Méthode d'interprétation et sources en droit privé positif: essai critique. – Paris : Libr. Marescq Ainé, 1899.
93. Hernández D. C., Franco-Ruiz C. A., Contreras-Valdez M. I., Franco-Ruiz J. A. Explosion in Virtual Assets (Cryptocurrencies) // Revista Mexicana de Economía y Finanzas Nueva Época. – 2019. – Vol. 14, Núm. 4.
94. Hoffman H. From Jhering to Radbruch: On the Logic of Traditional Legal Concepts to the Social Theories of Law to the Renewal of Legal Idealism // Canale D., Grossi P., Hoffman H. (eds). A Treatise of Legal Philosophy and General Jurisprudence. Vol. 9: A History of the Philosophy of Law in the Civil Law World, 1600–1900. – Dordrecht : Springer, 2009.
95. Mayda F. François Géný and Modern Jurisprudence. – Baton Rouge : Louisiana State University, 1978.
96. Puchta G. F. Zu welcher Klasse von Rechten gehört der Besitz? // Rheinisches Museum für Jurisprudenz. Bd. 3 / Hrsg. von J. C. Hasse. – Bonn : Weber, 1829.
97. Radbruch G. Einführung in die Rechtswissenschaft. – Leipzig : Quelle & Meyer, 1925.
98. Ritzer G. Sociological theory. – 8th ed. – New York : McGraw-Hill, 2011.
99. Stammler R. Die Zukunftsaufgaben des Rechts und der Rechtswissenschaft // Hinnerberg P. (Hrsg.). Kultur der Gegenwart: Systematische Rechtswissenschaft. Teil II. – Leipzig und Berlin : B. G. Teubner, 1906.
100. Turner S. Philosophy and Sociology // Ritzer G. (ed.). The Wiley-Blackwell companion to Sociology. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2012.

Vladislav O. Puchkov,

Master's in Jurisprudence, Acting Head of the Commercial Litigation Practice,
LLC "Pravoprocess" (Yekaterinburg)

"Civil and Legal Nature of the Room Divider":

The Experience of the Unwritten Study (on the Certain Tendencies in the Development of Civil Law Science Methodology in the Digital Age)

The study explores the basic tendencies of civil law science methodological development driven by the transition to the post-industrial society. The author argues that over the post-soviet pe-

riod, in the development of the legal methodology in general and the civil law methodology in particular, it has not devised the new conceptual approaches to the knowledge of state and the law. Consequently, due to the global digitalization that led to the new socio-legal events, phenomena and processes, the civil law science appeared to have been unprepared to the emerging challenges. To justify this proposition, the author researches the civil law science (perceived as a fragment of social culture, the fragment represented by the system of social relations concerning the reproduction of the new knowledge about the civil legal reality) from the perspective of philosophical methods (hermeneutics and dialectics), meta scientific remedies of knowledge (system approach, classical logic) and other scientific approaches (historical and genetic ones). The research results in identifying the three main tendencies in the development of the Russian civil law science methodology. Among them are the research reliance on the meaning of terms instead of the substance of concepts, the domination of philosophical positivism and positive law understanding in the system of exploratory remedies, and also the focus on the legal practice as the scientific truth criteria. The author deduces that there is the risk of the law science degradation (its turning first to the legislative jurisprudence and then – to the technical and applied knowledge). The study concludes that the overcoming of this state is primarily attributable to the development of methodological knowledge in the context of epistemological ideals of the digital revolution.

Keywords: science; methodology; digital age; civil law science; positivism; scientific concepts; truth; legal practice.

|| ФИЛОСОФИЯ

Ретрожизнь – жизнь под куполом советской истории (статья третья)

В третьей, заключительной, части статьи анализируются формы и способы завершения советской истории. Делается вывод о том, что ее «бытие к смерти» (Хайдеггер) осуществляется в виде революции, которая обретает «смерть» в процессе термидора. И размыкает свое умение быть, собственное «бытие смерти» (Хайдеггер) в форме термидорианского переворота. В статье подробно рассматривается, как, однажды (1991 г.) потеряв свою историю, советская история создает из разных форм суверенной, вертикальной, свободной власти ее подобие – Купол. Каким образом, оказавшись под ним, измученная «исторической болезнью» жизнь становится с помощью таких ретроориентаций, как контрреволюция, реставрация, реваншизм, ретрожизнью. Делается вывод о том, что разрушение единой временности жизни, ничтожение ее временных экстазов и модусов ее временения лишает советскую историю и Ретрожизнь их историчности и смысла.

Ключевые слова: революция; термидор; термидорианский переворот; гибридная война; формальная демократия; олигархический капитализм; временность; смысл; контрреволюция; реставрация; реваншизм.

К 1991 году советская история закончилась, т. е. история советской истории прекратилась. Начался бурный и драматичный процесс *завершения* ее исторического бытия – рефлексивное движение советской истории в свои основания в поисках возможности, способности и умения быть целостной, собственной, понимающей саму себя историей. Пытаясь в этом процессе восстановить в себе и для себя бытие-в-мире, она вновь открывает в себе историю как источник (революция), раскрывает ее в качестве основания (термидор) и размыкает в виде специфической формы (термидорианского переворота) ничтожение собственной историчности. Завершаясь, советская история берет «себя в своей истории на себя» (Хайдеггер), «ставит себя перед собой» (Хайдеггер) и «измеряет» (Сартр) полученный результат как меру собственной историчности.

Будучи «окончанием от конца» (Хайдеггер), революция возвращает советской истории ее оконченную историю в виде конца начала ее существования. Она восстанавливает то, что, казалось бы, ушло навсегда. Восстанавливает историю советской истории, но лишь в качестве источника ничтожения ее собственной целостности и бытия-в-мире. Однако процесс ее завершения революцией не заканчивается. Он продолжается в форме термидора, который открывает в ней ее сущее как основание собственного ничтожения и раскрывает его «бытие к смерти» (Хайдеггер). Но и термидор не завершает советскую историю. Этот процесс реально заканчивается лишь тогда, когда завершается история термидора. Когда он оборачивается на себя и размыкает в себе и для себя не конец начала советской истории и не окончание от него, но начало начала и «наставание» (Хайдеггер) завершения. Поскольку «всякое целое есть в самом себе круговорот, в котором первое становится также и последним, а последнее также и первым» [3], постольку термидор начинается с переворота и заканчивается им. Только если в первом случае он является способом ничтожения революции, то во втором – ничтожит ту историю, в которой сталкиваются между собой революция и термидор – ничтожит, в том числе, историю термидора как способа «умирания» советской истории.

* Владимир Анатольевич Лоскутов, д-р филос. наук, профессор (г. Екатеринбург).
E-mail: rectoruapa@me.com

В процессе завершения («окончания от конца», «бытия смерти», «наставления») советская история не просто оборачивается на процесс возобновления своей истории, но, отражаясь от нее, особым образом размыкает в себе «основоустройства» исторического бытия. Из них она в процессе термидорианского переворота создает своеобразный Купол, оказавшись под которым она с помощью ретрожизни «понимает» (Хайдеггер) «смерть» как «конечную возможность» (Хайдеггер) своего бытия.

Революция

Советская история закончилась тогда, когда закончилась ее история. Концом этой истории является она сама. На первом этапе завершения советская история оканчивается от самой себя как конца своей истории. В этом процессе она пытается в специфических формах восстановить исчезнувшую историю для себя и превратить ее в способ самообоснования собственного целостного бытия. С этой целью она стремится разомкнуть в самой себе те возможности, которые способны гарантировать ее устойчивость и возобновление. Удалось ли ей открыть и раскрыть их?

Если мы хотим понять, каким образом советская история конституирует целостность в процессе окончания от ее конца, то следует помнить, что «“конец” присутствия, беря формально, лишь один конец, замыкающий целость присутствия. Другой же “конец” – его “начало”, “рождение”» [4]. «Другим» концом советской истории, ее «рождением» является революция. Именно от этого конца и заканчивается советская история, будучи концом собственной истории. В революции как «начале» оба конца по своей сути становятся тождественными, а то, что «между» ними, превращается в процесс скончания «конца» от самого «конца». Революция свидетельствует о том, что советская история заканчивается не от того, что окончилась ее история, а от того, что советская история, являясь концом этой истории, заканчивает ее скончание – размыкает в ней то, что не есть ее «начало» и «конец», а находится «между» ними.

Что определяет характер революции как такого «конца» советской истории, от которого заканчивается процесс окончания ее истории? Ее определяет тот единственный и неповторимый предмет, на который она направлена. В нашем случае им является то сущее, которое существует «между» ее «началом» и «концом». Оно конституирует систему развития советской истории: единство источника, основания и формы ее целостного бытия. Если, об этом мы писали выше, источником развития советской истории был тоталитаризм, то логично предположить, что революция «конца» по своей природе является *анти тоталитарной*. Если мы вспомним, что фактическим основанием развития советской истории был процесс социалистического строительства социализма, то вполне достоверным выглядит вывод о том, что данная революция является *анти социалистической*. Если мы исходим из того, что СССР, социалистическое содружество («социалистический лагерь»), мировое коммунистическое движение являются всего лишь конкретными историческими формами развития «начала» советской истории (мировой революции), то ее революционное «отторжение» от этого начала, ничтожение целостности своего бытия могло быть только в форме *анти имперской* революции.

В процессе революционного переустройства истории как системы развития советской истории у нее появляются модусы, которые отражают и выражают, раскрывают и размыкают возможности ее целостного бытия. Революция бросает советскую историю на «экзистентную возможность» [4] посредством выбора – особого способа «волокения за возможностями». Как «бытие к возможностям» [4] она есть не просто выбор, но «избрание выбора» (Хайдеггер) и его «наверстание» (Хайдеггер).

С помощью революции советская история выбирает «наследуемую возможность» [4] – «сущее, которое как настоящее есть равноисходно бывшее, способно, передавая само себе наследуемую возможность, принять свою брошенность и быть мгновенно-очным для “своего времени”» [4]. Она выбирает *капитализм* в качестве «настающего» сущего советской истории. В процессе «избрания выбора» революция возобновляет «преемственную возможность» [4]. При этом она, «возникающая из решительного самонаброска, не дает “прошедшему” уговорить себя дать ему как некогда действительному просто повториться» [4]. Избранный выбор «возражает возможности присутствовавшей экзистенции» [4], ибо он есть «отзыв того, что в сегодня действует как “прошрое”» [4] и через него «возобновление впервые обнажает присутствию его особую историю» [4]. Обнажает, с одной стороны, тоталитаризм советской истории и одновременно с этим, с другой стороны, указывает на «исходную историчность» революции, которая есть всего лишь «возвращение к возможностям сбывшегося присутствия» – есть возобновление *демократии* середины 80-х гг. Наконец, советская история с помощью революции «понимает себя из возможностей» [4] как «наставание выбора». В этом процессе она обретает «освобожденность для свободы избрания» [4] и «ставит присутствие перед его освобожденностью для... собственности его бытия как возможности» [4]. Революция дает советской истории возможность обрести собственное бытие в качестве ее возможности бытия-в-мире. Позволяет ей постичь «экзистенциальное тождество размыкания с разомкнутым, а именно такое, что в последнем разомкнут мир как мир» [4] – разомкнут мир *свободы для избрания выбора*, раскрыта «освобожденность для свободы избрания и выбора себя самого» [4]. Она позволяет бытию советской истории «стать прозорливым для случайностей разомкнувшейся ситуации» [4] и «быть себе самому в своей возможной собственности “показано”» [4] в виде исторического события». В этом процессе революция постигает собственный историзм как свободу для избрания выбора – «высвобождение структуры события и экзистенциально-временных условий ее возможности» [4] быть структурой избранного выбора. Быть миром, разомкнутым в мир.

Революция открывает в советской истории возможности, которые могут обеспечить целостность ее бытия: «наследуемую возможность» (капитализм), «преемственную возможность» (демократию), собственную, «саму свою» [4] возможность (свободу выбора). Тем самым она, казалось бы, дает ей второй шанс на историческое бытие, но это бытие оказывается бытием ее завершения. Из множества экзистентных возможностей советской истории революция создает всего лишь «могущее-бытие» (Хайдеггер). Причем делает это она очень странным образом: «ловит их и промахивается» [4]. В результате такого рода охоты за возможностями советская история становится «всегда-мое как условие возможности собственности и несобственности» [4] своего исторического бытия.

Удалось ли советской истории в процессе ее революционного «скончания от конца» восстановить в себе историю, качественно обновить систему собственного развития? Достигла ли революция девяностых годов того результата, которых от нее ждала советская история? Обеспечила ли она необходимый уровень ее целостного бытия? Каковы реальные итоги и «достижения» революции «конца»?

В результате антитоталитарной революции источником развития советской истории стал так называемый, достаточно мутный и непоследовательный, «демократический транзит», который, в конечном итоге, был призван обеспечить постепенный, но неуклонный переход от тоталитарного к демократическому устройству общественной жизни. В процессе ниспровержения «социализма» и уничтожения его социалистического строительства основанием развития целостного бытия советской истории стал государственно-олигархический капитализм. И даже не столько он сам по себе, сколько процесс его государственного строительства. Ан-

тиимперская революция свидетельствует об окончательном провале идеи мировой революции. Ее последствия оказались наиболее разрушительными для целостного бытия советской истории. Она привела к «развалу» СССР и крушению различных форм его «мирового господства». В результате поражения СССР и ее сателлитов в холодной войне, у них появился шанс на свободное избрание выбора и, за счет этого, шанс на возвращение в мировую историю. Многие воспользовались им и стали на путь развернутого национально-государственного строительства – путь относительно свободного выбора своего бытия-в-мире.

Антисоциалистическая, антитоталитарная, антиимперская революция начала 90-х годов размыкает в советской истории лишь те возможности ее целостного исторического бытия, которые заключают в себе потенциал возобновления ее истории как «окончания от конца». В роли источника развития этой истории выступает демократический транзит. Предельным основанием ее осуществления является олигархический капитализм. Формой же их конкретного тождества становится процесс национально-государственного строительства советской истории как того «конца», от которого случилось окончание ее завершения.

Термидор

Термидор размыкает советскую историю в ее отношении к своему сущему и бытию. Сущее здесь определено «как способность-быть, которая принадлежит сама себе, и все же не сама собой дана себе в собственность» [4], а дана она сама себе лишь опосредованно бытием этого сущего. Он есть столкновение и взаимопосредование двух различных историй: законченной советской истории и революции, являющейся ее «окончанием от конца». Если первая из них конституирует себя как единство различных форм существования ее *способности быть* и экзистировать, то вторая фиксирует в себе возможность осуществления тех возможностей, которые она открыла в бытии посредством революции.

Термидор ставит советскую историю перед самой собой и спрашивает ее о том, способна ли она, опираясь на свои «способности-быть», реализовать открытые в ней революцией возможности и обеспечить тем самым не только целостность, но связность и направленность бытия. Определив в качестве сущего «бытия к концу» советской истории революцию, термидор открывает в ней не просто некие абстрактные возможности ее бытия, но раскрывает «необходимую возможность», «экзистенциальную возможность» ее «бытия к смерти». Это бытие он представляет в виде ее «в себе самой уверенной и ужасающей свободе к смерти» [4]. Как единство различных способов присвоения этой свободы и раскрытия своей *способности быть целостной, собственной и «понимающей»* (Хайдеггер). Революция возвышает историю, заставляет ее парить, поднимает ее в мир возможностей. Термидор возвращает историю к самой себе и ее способностям быть, тем самым открывает в ней «смерть» – «возможность невозможности экзистенции вообще» [4]. Это позволяет ей, «обнажив» революцию как сущее, «не глядеть на смысл», а из себя принять бытие от самой себя на себя. Что она и делает тремя разными способами: «вручает смерть» себе, экзистирует как «брошенная в смерть» и понимает «падающее бегство от смерти» (Хайдеггер). В результате «бытия к смерти» советская история, и это является самым важным продуктом ее экзистирования, доказывает самой себе, что ее «экзистирование конечно» [4], ее сущее становится ничтожным, а возможности и способности быть сливаются в едином процессе ничтожения. Термидор заканчивается тогда, когда «смерть как возможность не дает присутствию ничего для “осуществления” и ничего, чем оно как действительное само могло бы быть» [4].

Термидор – «вручение смерти»

В процессе «вручения смерти» бытие советской истории выходит в предстояние самому себе как «ему самому врученное могущее-бытие» [4]. Какие реальные возможности непрерывности бытия предоставляет ей революция, вручая в качестве «предельнейшей возможности» (Хайдеггер) его существования демократию в виде «смерти»? Каким образом в процессе термидора эта возможность трансформируется в способность советской истории быть целой?

Термидор «вручает смерть» советской истории не в виде «необходимой возможности» демократии, но как ее «экзистирующую возможность» – демократический транзит, соединяющий в себе «наследуемую возможность» (Хайдеггер) советской формальной демократии [1], соответствующие «переживания» (Хайдеггер) эпохи демократической Перестройки [2] и те способы демократизации общества и власти [3], которые фактически обеспечили «смерть» антитоталитарной революции, а вместе с ней и советской истории. Демократический транзит «как сущее, врученное своему бытию, оно всегда вручено и необходимости иметь себя уже найденным – найденным в нахождении, возникающем не столько из прямого искания, но из избегания» [4]. Он вручает «смерть» советской истории в процессе прямого искания и «притяжения» (Хайдеггер) к демократии, а также путем избегания революции в процессе «отшатывания» (Хайдеггер) от нее. Притягиваясь и отшатываясь, он вручает ее ей как «экзистенциальную структуру бытия к концу» (Хайдеггер), которая «принадлежит к способности быть, т. е. к экзистенции, очерчивает и определяет любую возможную целостность присутствия» [4] – «смерть есть в бытии этого сущего к своему концу» [4].

В «экзистенциальную структуру бытия к концу» термидор вовлекает, о чем мы уже говорили выше, самые разные, разнородные элементы демократического транзита советской истории: советскую демократию, демократическую перестройку середины восьмидесятых, демократическое движение девяностых. Ему удалось соединить, казалось бы, несоединимое, для чего он выделяет в «хаосе» демократического транзита сущее и определяет его в качестве формального основания преобразования демократии в «смерть» советской истории. В результате он трансформирует сложную и противоречивую «экзистенциальную структуру» «демократии-смерти» в особый механизм упрощения демократического транзита – превращает ее в способность советской истории быть целостным историческим образованием, иметь границы и возможность их достигать. Данный механизм был во многом формальной копией, превращенной формой советской демократии, способом оборачивания демократического транзита в «смерть» советской истории, в ее способность быть лишь в границах термидора. Вручая советской истории демократию в качестве ее «смерти», демократический транзит был не только ее «врученное могущее-бытие» [4], но в своих экзистенциях он был способом сведения разнобразного демократического опыта трансформации советской истории к ее «фактично-экзистентным» (Хайдеггер) возможностям, которые проявлялись в особенных формах «формальной демократии». Когда бытие демократического транзита «предстоит себе как эта возможность самого себя, оно полностью вручено наиболее свойственной ему способности быть» [4]. Поскольку «вопрос о способности быть целым фактично-экзистентный» [4], постольку ответ на него фиксирует данную способность всего лишь как «экзистенциально дедуцированное собственное бытие к смерти как собственную способность быть целым» [4]. Советская история вручает себе эту способность быть посредством демократического транзита, путем нивелировки и «зашоривания возможного» (Хайдеггер). Наличие у нее данной способности позволяет ей, не выходя за рамки транзита, «обойти возможность смерти» [4] и... сохранить «смерть» самой себя – сохранить себя как «для-себя-наставание» (Хайдеггер) «смерти».

Таким образом, термидор открывает в советской истории ее способность быть целой в виде «смерти». Он вручает ее ей посредством демократического транзита, в котором фактично-экзистентная способность советской истории быть целой обнаруживает себя в виде формальной демократии.

Термидор – «брошенность в смерть»

Для того чтобы советская история могла перейти от социализма к капитализму, что само по себе является абсолютно нетривиальной задачей, ее бытие должно «извлечь себя назад к самому себе» (Хайдеггер) и бросить в собственную «смерть». Что и происходит с ней во время термидора, который размыкает ее «смерть» как то, что должно «вобрать в экзистенцию» возможности, открытые в ней антисоциалистической революцией. И в первую очередь – «возможность ее собственности» (Хайдеггер) как «смерти». В результате термидора, который пробуждает в советской истории не просто то, что «так она и есть», но «собственное “думание о смерти”» [4], она обретает в себе «собственное бытие к смерти» (Хайдеггер) – свою «брошенность в смерть» (Хайдеггер).

В процессе термидора бытие советской истории «брошено в неопределенность своей “граничной ситуации”» [4]. При этом оно «себе самому сущностно разомкнуто, и именно по способу вперед-себя» [4] экзистирования основания его собственного бытия. Оно «есть, экзистируя основание своей способности быть» [4], которое «экзистирует как сущее, которое имеет быть как оно есть и способно быть» [4] тем, что она есть, и тем, что она не есть.

Антисоциалистическая революция размыкает советскую историю, ее возможность и способность быть «смертью». Термидор начинается с того, чем она заканчивает – с «необходимой возможности» экзистирования капитализма как «смерти» социализма. Он превращает экзистирование сущего-основания советской истории в «вихрение несобственности» (Хайдеггер) ее бытия. В процессе «вихрения» термидор «размыкает себя самому себе в самой своей способности быть» [4] «смертью» советской истории – способности быть способом строительства капитализма. Когда же термидор размыкает «несобственное» бытие советской истории, она открывает в себе не «смерть», а ее «собственную разомкнутость» (Хайдеггер) в виде *социалистического (государственного) строительства капитализма*.

Являясь «экзистенциальным способом быть» советской истории в собственной «смерти», термидор (государственное строительство капитализма) экзистирует, размыкает себя как «смерть» в трех различных формах, посредством которых производит в ней «отграничение от чистого исчезания, но также и от лишь-околевания и наконец от “переживания” ухода из жизни» [4]. Во-первых, путем «размыкания целого бытия-в-мире» (Хайдеггер) развитого социализма социалистическое строительство капитализма отграничивает советскую историю от «чистого исчезновения» в своей «смерти» – оно производит ее своеобразную декомпрессию, возвращает ей способность быть строительством самой себя. Во-вторых, размыкая ее брошенность в «смерть», оно превращает «смерть» во вполне себе живой и плодотворный процесс строительства собственной способности советской истории быть «смертью». Он предохраняет себя в форме «смерти» от «лишь-околевания» посредством строительства капиталистического рынка. В-третьих, будучи способом ее «врученности миру», врученности собственной «смерти» своему бытию-в-мире, государственное строительство капитализма размыкает, но не советскую историю саму по себе и не ее «смерть», а те ее «переживания» по поводу «смерти», которые были всего лишь проявлением способности советской истории быть «мирооткрытой» (Хайдеггер) – способности быть бытием-в-мире частной собственности. Государственное строительство капитализма «не свободнопарящее самопроецирование, но, будучи обусловлено брошенностью как факт

сущего, какое оно есть, оно всегда уже было и постоянно оказывается вручено экзистенции» [4] строительства, рынка, частной собственности.

Термидор показывает, что «самость, которая как таковая должна положить основание самой себя, не способна никогда им овладеть и все же, экзистировав, имеет взять на себя бытие – основанием» [4]. Имея в самой себе в виде основания «смерти» государственное строительство капитализма, советская история не могла «владеть своим бытием» (Хайдеггер). Она могла лишь представить его ничтожность, экзистировать и обосновывать (ничтожить) собственное бытие, ибо, «будучи основанием, оно само есть ничтожность самого себя» [4]. И она делала это в форме *государственно-олигархического капитализма*.

Брошенность в смерть как «в необходимую возможность размыкает также и все располагающиеся прежде нее возможности» [4] и особенно те из них, которые фактически раскрывают способность советской истории стать «перетолкованным, несобственно понимающим себя» (Хайдеггер) капитализмом. Термидор показал, что «перетолкованный», брошенный в советскую историю в качестве ее «смерти» капитализм по своей форме, способу движения был «социалистическим капитализмом». Он возникает из государственного социализма. Его субъектом была советская олигархия (номенклатура) и «передовики» антисоциалистической революции, которые в процессе строительства капиталистического рынка и конструирования отношений частной собственности особым образом, посредством коррупции, «перетолковывали» смысл и итоги брошенности в «смерть» советской истории.

В условиях термидора государственно-олигархический капитализм обеспечивает собственную способность советской истории быть брошенной в «смерть» и ничтожить «смерть» своей «смерти». Ничтожить ее не только как непрерывный и связный процесс самостояния в качестве способной к собственному бытию самости, но ничтожить собственное ничтожение ее бытия-в-мире – способность стать и быть понимающей себя «смертью».

Термидор – «бегство от смерти»

Являясь «бытием к смерти» советской истории, термидор не только открывает «смерть» в бытии, раскрывает «смерть» бытия, но и в виде процесса «умирания» (Хайдеггер) размыкает «бытие смерти». Он «умирает» вместе с ней по мере того, как бытие ее «смерти» экзистирует и ничтожит себя в качестве «смерти» и бытия. В первом случае термидор возвращается к самому себе и открывает в себе «смерть» советской истории и ее переход от начала к концу. Тем самым он полагает в себе единство конца советской истории и конца самого себя. Открывает в советской истории «смерть» как ее переход от одной революции к другой – переход от революции к термидору («умиранию» революции). Во втором случае он обращается не к революции, а к советской истории, ставшей в форме «смерти» основанием собственной способности быть бытием-в-мире – способности быть «самостоянием самости» (Хайдеггер).

«Умирание» советской истории особым образом объединяет два противоположных процесса: возвращение термидора к «смерти» революции и «смерти» советской истории от революции. Умирая вместе с советской историей, термидор обретает в себе «смерть», но не способность быть целым или собственную способность быть, а как «*понимающую*» себя способность быть «смертью». «Экзистенциальное понятие умирания как брошенного бытия к наиболее своей, безотносительной и необходимой способности быть» [4] отражает то, каким образом термидор ничтожит в самом себе собственную способность быть «смертью», «размыкает себя себе самому в плане своей крайней возможности» [4]. «Умирание» советской истории в форме термидора «вручено себе самому и своей спо-

способности быть, однако все же как бытие-в-мире» [4]. А это значит, что оно в процессе «самостояния самости» термидора обретает способность не только быть, но и с помощью экзистенции «крайней возможности» понимать то, что оно «есть вот». Термидор «вталкивает экзистенцию в ее конечность» [4], тем самым обретая в себе понимающую способность быть «смертью» советской истории. В процессе ее «умирания» эта способность реализуется как такая «понятливость» (Хайдеггер), которая «имеет свое бытие в понимании» [4] и, с одной стороны, «размыкает возможности его бытия и управляет ими» [4], а с другой стороны, с ее помощью «бытие смерти» советской истории «извещается о собственном смысле бытия и основоструктурах своего бытия» [4]. В том и другом случае «сущностному составу его бытийной понятливости принадлежит понимание бытия-в-мире» [4].

Термидор ничтожит не только революцию, историю, но и процесс их взаимобращения – ничтожит советскую историю как повергнутую антиимперской революцией в ничто и небытие «мировую революцию». Антиимперская революция возвращает советскую историю к самой себе как «мировой революции», но лишь в виде «крайней возможности» ее бытия. Термидор же размыкает возможность бытия ее небытия – раскрывает «умирание» в виде особой формы самостояния самости ее небытия. Он не умирает вместе с ней, но экзистировать тем же самым способом, т. е. в форме *выбора* – выбора «умирающей» советской историей своего бытия-в-мире. Что и как она выбирает?

Термидор выбирает «свободу для смерти» (Хайдеггер), конституирует понимающую способность быть тремя разными способами: путем «наверстания выбора», «избрания выбора», «избрания свободы выбора» (Хайдеггер). Каждый из них фиксирует определенный «основообраз бытия-в-мире» [4] «умирающей» советской истории – субстанцию, субъекта и самость ее «умирания».

Наверстывая выбор, советская история размыкает саму себя как переход от «бытия-не-по-себе» к «бытию-по-себе» (Хайдеггер), для чего извлекает свое бытие назад из самого себя и в форме термидора представляет его самому себе в виде субстанции – «как сущее, которое есть так, что оно, чтобы быть, не нуждается ни в каком другом сущем» [4]. Избирая выбор посредством «падающего отшатывания» от бытия по себе, советская история размыкает процесс своего размыкания и становится субъектом бытийствования, способом самостояния «умирающей» советской истории – становится ее «бытием-при» своем «умирании». Избрание свободы выбора ставит бытие не перед ним самим, но «перед его миром как миром и тем самым его самого – перед ним самим как бытием-в-мире» [4]. Избранная в процессе термидора свобода выбора превращает «умирание» советской истории из «бегства от смерти» в ее самостояние и бегство к «смерти». Она высвобождает (размыкает) себя для «смерти» путем высвобождения «смерти» из самой себя. Путем «экзистентного понимания» (Хайдеггер) термидором себя как особого способа обретения советской историей небытия в качестве самости. В этом случае термидор указывает единственно возможное направление обретения небытием советской истории своей самости и собственной способности быть бытием-в-мире. Он указывает на «умирание» ее «смерти».

В процессе наверстывания выбора советская история размыкает себя для «смерти», путем высвобождения «смерти» из самой себя. Выбор настает в результате «экзистентного понимания» термидором себя как особого способа обретения советской историей небытия в качестве субстанции. Он стабилизирует процесс ее «умирания» путем обращения его в особый «сущностный экзистенциал» (Хайдеггер) – *государство*. Термидор показывает, что именно оно «в своем бытии совершенно не нуждается в другом сущем» [4] и в этой «ненуждаемости», оказывается, способно обеспечить стабильность «умирания» советской истории и быть ее горизонтом, внутри которого понимается бытие» [4].

Размыкая процесс собственного размыкания, «избирая выбор», термидор освобождает себя из плена собственного бытия. Обеспечивает не только его стабильность, но и стабильность экзистирования «умирающего». Гарантирует подъем его субстанциональности до высот субъектности. Раскрывая бытийную возможность «умирания умирающего» (Хайдеггер) не как способ «соприсутствия и еще присутствия умершего» [4], а в качестве способа его бытия при процессе собственного «умирания», термидор не просто размыкает его внутримирно сущее, но вкладывает его в бытие советской истории в качестве деятельного сущего, или основания. Этим основанием-сущим, способом «умирания умирающего» и раскрытия «жизни умирающей» истории является *война*. Она оттесняет советскую историю от «смерти», давая «характерное толкование» процессу ее «умирания», искушает и успокаивает всех тех, кто жаждет «смерти».

С помощью избранной свободы выбора термидор привносит в бытие небытия советской истории «освобожденность для свободы избрания и выбора себя самого» [4]. В этом случае он ничего и никуда не вкладывает, но лишь «высвечивает сущее» (Хайдеггер) ее бытия. Высвечивает «умирание» советской истории не как бегство «от внутримирного сущего, но именно к нему как сущему» [4]. Тем самым он раскрывает последнюю тайну «умирающей» советской истории – ее «самопередающуюся смерть» (Хайдеггер). Для чего он ставит бытие небытия советской истории «перед его миром как миром и тем самым его самого – перед ним самим как бытием-в-мире» [4]. Оказавшись свободным в своем выборе, термидор поступает абсолютно несвободно, ибо ставит это бытие перед его бытием-в-мире в форме «самопередающейся смерти» советской истории. Самопередается же она в форме, которая на протяжении всей истории советской истории была «основообразом» ее бытия-в-мире, способом самостояния ее самости – самопередается в форме *власти*.

Избрание советской историей свободы выбора дает ей шанс на то, чтобы попытаться «уклониться» (Хайдеггер) от «смерти» – шанс на «несамостояние» (Хайдеггер). «Уклонение от смерти» – это «определение смерти как “конца” присутствия, т. е. бытия-в-мире» [4]. В этом процессе советская история обретает «конечную свободу» (Хайдеггер) и превращается в способ бытия «особой сверхвласти своей конечной свободы» [4].

Если «бытие смерти» есть самость советской истории, то способом его «умирания» является процесс самостояния этой самости. Он позволяет открыть «феноменальный состав экзистенциального основоустройства присутствия в последних основаниях своей ему онтологической понятливости» [4] – позволяет посмотреть «смерти» в глаза и увидеть в них, в том числе, «феноменальный состав» «умирания» советской истории. Увидеть и понять единство разных способов превращения «сверхвласти конечной свободы» в свободу власти.

В форме термидора советская история пытается высвободить из процесса своего «умирания» власть как ее понимающую способность быть «вот» – быть освобожденной от «сверхвласти свободы» суверенной властью. Она старается с помощью «понимания», высвобождения власти из плена «советскости» уклониться от свободы как «смерти». Однако у освобожденной власти для того, чтобы стать освобождающей властью, просто не хватает сил. С тем чтобы решить эту, казалось бы, неразрешимую проблему, советская история размыкает не саму себя, а процесс своего уклонения от «смерти». Для этого она отшатывается от него и затем падает в его пучины – вручает сама себе свое сущее путем упорядочивания власти и создания ее вертикальных структур. Посредством строительства «вертикали» она делает «вот» «этим вот».

«Умирающая» в конвульсиях свободы власть не только стремится к пониманию своей обыденности («вот»), падению в нее («это вот»), но и бегству от «смер-

ти» («есть свое вот») в себя как способ бытия-в-мире, освобожденном от свободы. Для этого она размыкает саму себя, но не в качестве *освобожденной власти*, или власти, *освобождающей власть*, а в виде *свободы власти* – собственной «свободы для смерти» и «сверхвласти свободы» советской истории. Она принимает свою свободу как «разомкнутое в своем уклонении есть вот» [4] ее «смерти», то, что «так оно есть и имеет быть» [4] экзистенциальной определенностью «смерти» как сущего и способа его бытия-в-мире – способа «умирания» «смерти» от «смерти».

В процессе «бегства от смерти» и в результате «умирания» советская история становится «бытием смерти» самой себя. Тем самым она реализует не только способность быть целым и собственную способность быть, но и «понимающую способность быть» «вот», «это вот» и «есть свое вот» – быть субстанцией (государство), субъектом (война) и самостью (суверенная, вертикальная, свободная власть) процесса своего «умирания».

Термидорианский переворот

Термидорианский переворот направлен против термидора как истории советской истории. Ее ничтожение позволяет советской истории обратиться к самой себе, собственному процессу «умирания» и в форме переворота вручить «смерть» не просто себе, но основоустройствам своего бытия к «смерти». Дело в том, что, пока «собственное бытие к смерти не выявлено и не определено онтологически, на экзистенциальной интерпретации бытия к концу лежит существенный изъян» [4]. Переворот как раз и призван этот изъян из советской истории изъять и тем самым завершить ее окончание, а также закончить ее завершение.

Термидорианский переворот – это «постоянный отрыв от собственности» (Хайдеггер) советской истории и «оттеснение» ее бытия в несобственность. Не просто срыв бытия «из него самого в него само» [4], но его «отшатывание» от самого себя и «успокоение» в мире (стабилизация стабильности), «держание-себя-свободным для своего возможного и всегда фактично необходимого изъятия» [4] из этого мира. «Бытийные способы падения» [4] термидора в себя, а также в основоустройства бытия советской истории «вгоняют» это бытие в несобственность – в «экзистенциальное умение быть», «свободнопарящее умение быть» (Хайдеггер) «смертью», размыкают «бытийную понятливость» советской истории. В результате «отшатывающего падения» термидора в самого себя, в нем размыкается «возможность освобожденности для самого своего умения быть» [4]. В процессе же «падающего бегства» от советской истории и ее основоустройств его освобожденное умение быть становится особым «умением-быть-в-мире» (Хайдеггер).

Купол

Сущее истории – это экзистирующая в форме субстанции, субъекта и самости историческая самодеятельность человека. С помощью этих форм оно размыкает свое бытие – освобождает в себе свободу как смысл своего бытия. В результате его размыкания они становятся основоустройствами исторического бытия самодеятельности человека. Что касается основоустройств бытия советской истории, то, как мы уже отмечали, ими являются соответствующие бинарные оппозиции: «революция – власть» (субстанция), «тоталитаризм – социалистическое строительство» (субъект), «свобода власти – несвобода общества» (самость). Именно они в условиях термидорианского переворота подвергаются наиболее глубоким изменениям, что, в свою очередь, приводит к превращению советской истории в Купол над историей и машину ее «смерти».

Термидор изменяет *историю* советской истории. Он растворяет ее в системе форм воспроизводства «смерти» и представляет как процесс «умирания» возможности и способности быть «смертью» самой себя – быть демократическим тран-

зитом, олигархическим капитализмом, выбором свободы. Фактически, тем самым, он уничтожает «завоевания» антитоталитарной, антисоциалистической, антиимперской революции. Термидорианский переворот не возвращает их к жизни, но преобразует их «смерть» в универсальный способ ничтожения того, что было «смертью» для советской истории. Тем самым он окончательно лишает советскую историю возможности, способности быть «смертью» самой себя и размыкает в ней ее несобственное бытие к «смерти» – ее *«умение быть»* «умершим».

Термидорианский переворот – это не только процесс изменения термидором самого себя и истории советской истории, но и качественное обновление ее сущего и способов его экзистирования – субстанции, субъекта, самости советской истории. Путем размыкания основоустройств бытия советской истории он пытается вернуть ей «смерть» «смерти» и воссоздать ее умение быть «умершей» не в склепе мировой истории, а быть бытием-в-мире несобственной смерти. С этой целью он ничтожит в своем мире все те формы исторической самодеятельности человека, которые долгие годы были основоустройствами ее бытия – ничтожит революцию (субстанцию), строительство (субъект) и свободный выбор (самость). В результате термидорианского переворота «смерть» советской истории достигает свою «смерть» и перевоплощается в своеобразную *«машину смерти»* – в того монстра, которого в свое время, как об этом писала Мэри Шелли, создал Виктор Франкенштейн.

В процессе термидорианского переворота, «отшатывающего падения» и «падающего бегства» (Хайдеггер) в собственные основоустройства советская история превращается в «свободнопарящее умение быть» (Хайдеггер) «смертью», становится «свободнопарящим самопроецированием» себя на свою «смерть» – она становится Куполом над самой собой и исторической жизнью.

Купол – это не жизнь советской истории после «смерти», а способ «умирания» ее сущего и основоустройств. Воспарив над реальностью «вот» советской истории, он вместо исторической самодеятельности человека создает свое сущее – самодеятельность власти. Из основоустройств бытия советской истории конструирует способы бытийствования этого сущего в виде *суверенной, вертикальной, свободной власти*. В результате Купол превращается в своеобразную машину «смерти», уничтожающую «смерть» «смерти» не только советской истории, но и самой себя.

«Экзистенциальное понятие смерти» (Хайдеггер) отражает место и роль революции и термидора в процессе «умирания» советской истории. Оно фиксирует ее «несобственное бытие к смерти» (Хайдеггер). Ее же «собственное бытие к смерти» становится в процессе и результате термидорианского переворота. Форма его осуществления, способ экзистирования умения быть «смертью» проявляются в виде *гибридной войны*, развязанной советской историей против основоустройств современной истории: демократии, капитализма, свободы. Гибридный характер этой войны, которая по своей сути в новых исторических условиях продолжает мировую революцию, проявляется в том, что она в качестве «подручного средства» (Хайдеггер) ведения боевых действий использует против демократии саму же демократию, против капитализма – капитализм. Войну со свободой ведет освобожденная от общества, освобождающая общество от свободы власть. Фактически, с помощью гибридной войны «умершая» советская история пытается стать бытием-в-мире современной истории. В том числе, и в первую очередь, стать «собственным бытием к смерти» современной истории России. Эта странная война против всех размыкает «возможность невозможности» бытия советской истории. В конце концов, она производит всего лишь «ускорение ухода из жизни» (Хайдеггер) «смерти» советской истории и тем самым возвращает ей искомое «собственное бытие к смерти» (Хайдеггер).

Для того чтобы обеспечить себе в борьбе с собственными комплексами безусловную победу над собой, ведущая гибридную войну машина «смерти» должна иметь надежный тыл, способный обеспечить всем необходимым тех, кто, не щадя живота своего, бьется за «смерть» советской истории против ее «смерти». И она с помощью Купола делает это – превращает современную историческую жизнь России в *ретрожизнь*.

Ретрожизнь

У термидорианского переворота две стороны. Одной он повернут к самому себе как истории («смерти»), второй к своему бытию-в-мире – к жизни, в которой он пытается найти опору для продолжения исторического бытия. В первом случае он размыкает в советской истории власть в виде Купола – жизнь ее «смерти» после «смерти», во втором – власть «понимает» жизнь, «располагается» в ней, «падает» (Хайдеггер) в нее, тем самым обращая ее в ретрожизнь.

В условиях термидорианского переворота бытием сущего («смерти») советской истории становится властный Купол. Он «служит жизни» (Ницше), являясь способом интерпретации ее «сущностных структур на их временность» [4]. Эти структуры задает история, или, в нашем случае, Купол. Он «понимает» жизнь как исторический процесс, «располагается» в ней как в историческом мире и «падает» в нее, делая жизнь исторической. Так он интерпретирует «собственную временность» жизни, ее историчность и смысл.

Жизнь под Куполом начинается с ее «несобственной временности» (Хайдеггер). Она заимствует ее у власти «умирающей» советской истории. Несобственная временность жизни – это превращенная форма существования источника, основания, формы развития Купола советской истории. Как всякая суверенная власть, он является «смертью» революции (источника). Будучи вертикальной властью, Купол полагает «смерть» ее «смерти» и с помощью реставрации обеспечивает восстановление в жизни после «смерти» всех тех сущностных структур советской истории, которые образуют предельное основание самостояния ее самости как целостного исторического мира. Проявляясь в форме свободной власти, он с особым рвением возобновляет процесс «умирания» уже «умершей» советской истории, тем самым преобразая жизнь в своеобразный реванш «смерти».

«Несобственная временность» жизни проявляется в виде различных ретроориентаций, каждая из которых является способом обнаружения (отражения) в ней власти и особой формой историоризации жизни – она обнаруживает себя в виде *контрреволюции, реставрации и реваншизма*. В процессе их взаимодействия возникает «единая временность» (Хайдеггер), «равноисходность» (Хайдеггер) ее экстазов, а также особые модусы временения ретрожизни.

Стремясь подчинить себе жизнь, превратить ее в надежный тыл своего бытия, Купол действует так, как всегда в условиях «избытка истории» действовала советская история. С одной стороны, он «рассеивает», «раскалывает», инициирует «распад» (Сартр) жизни. С другой стороны, способствует формированию в ней особых ретроориентаций, которые обеспечивают воспроизводство непрерывности, целостности и направленности ее исторического бытия.

Купол – это нечто «высвобождающее смерти возможность совладать с экзистенцией присутствия и развеять в его основе всякое беглое самораскрытие» [4]. От того, что он освобождает для смерти возможность советской истории экзистировать, развеивая при этом процесс ее самораскрытия, у него возникает «прочная радость от этой возможности» (Хайдеггер). Ею он с огромным удовольствием делится с той исторической жизнью, которая оказалась под ним. Такого рода маленькими, но прочными радостями «питается понимание бытия» (Хайдеггер) попавшей под Купол «смерти» исторической жизни людей. Он «бежит в люди»

(Хайдеггер) и в виде «основоустройства историчности» (Хайдеггер) их бытия «набрасывается» на жизнь, в результате чего «первый набросок понимания бытия “задает” смысл» [4] – «временность обнажается как смысл» [4].

Всякая временность становится смыслом истории и жизни при наличии трех условий. Она должна быть «единой временностью», обладать «равноисходными» экстазами – «временность временит как бывшее-актуализирующее настоящее» [4]. И, что очень важно, модусы ее временения должны создавать «почву для определения временности бытия-в-мире» [4] исключительно путем размыкания хотя и равноисходных, но разных экстазов. Временность перевоплощается в смысл тогда, когда осваивает, присваивает эти условия и из несобственной становится «собственной временностью».

В процессе термидорианского переворота, когда жизнь в форме различных ретроориентаций экзистировала как «смерть» советской истории ее временность, система координат временения кардинальным образом изменяется: разрушается *связность*, распадается *целостность*, исчезает горизонт и *направленность* ее самодвижения. В результате жизнь теряет важнейшее качество своего бытия – историчность. Она из «самопередающегося возобновления наследства возможностей» [4] превращается в жизнь, в которой главенствует невозможность «возвращения возможного» (Хайдеггер).

Контрреволюция ничтожит источник временности ретрожизни. Представляя его как источник «хаоса», она разрушает «жизненную взаимосвязь» (Хайдеггер), непрерывность исторического бытия жизни. Подменяет ее временность «расколотой целостностью» (Сартр) жизненного фона, на котором всякая искривленность жизни трансформируется в «смертельную линейность» (Бодрийяр) и происходит сдвиг времени во времени.

Пытаясь посредством реставрации найти во временности те времена, которые были, есть и всегда будут основанием существования ретрожизни как целостного исторического мира, жизнь превращается в «рассеянную целостность» (Сартр), которая скользит по поверхности жизненного фона и в безудержном самостоянии производит только одно – «эффект рекуперации, манипуляции и реутилизации» [1] самой себя, эффект поворачивания времени вспять и его накопления в форме особенных жизненных событий.

Реваншизм находит во временности ту единственную точку, став на которую ретрожизнь открывает для себя бескрайние горизонты своего исторического бытия. Фактически, с его помощью, временность ретрожизни становится «распавшейся целостностью» (Сартр). Она из жизненного фона самой себя превращается в набор плохо связанных между собой форм движения «рассеянной» жизни к заданному реваншизмом горизонту и «вводит нас в горизонтальную эру событий без последствий, последний акт разыгрывается самой природой в свете пародии» [2], которая представляет собой всего лишь «жалкое повторение грандиозной премьеры» [2].

Потеря ретрожизнью целостности временности и ее последующее восстановление с помощью ретроориентаций в виде несобственной историчности ведет к тому, что вместо того, чтобы «вычестить из жизни смерть» (Бодрийяр), она, напротив, пытается «восстановить в жизни смерть» (Бодрийяр) – пытается превратить «смерть» в смысл жизни.

Оказавшись под Куполом советской истории, жизнь стремится с помощью власти обрести собственную историчность, в том числе и путем оборачивания ретроориентаций в экстазы своей временности. Власть «всегда держится на манипулировании, управлении смертью» [1], и в целях эффективного управления она создает ее особые образы, которые в жизни проявляются как специфические экстазы ее «умирания».

Всякая «власть возможна лишь при условии, что смерть больше не гуляет на воле, что мертвые помещены под надзор, в ожидании той будущей поры, когда в заточении окажется и вся жизнь» [1]. Она «набрасывается» (Хайдеггер) на жизнь, помещает мертвых под надзор и прекращает гуляние смерти на воле, используя те ретроориентации, которые разрушают целостность ее временности. Для этого она с их помощью максимально ограничивает движение жизни, возводит вокруг нее из превращенных экстазов временности такую стену, которая не позволяет жизни двигаться и жить в истории. В результате движение жизни исчезает, но не в неподвижности, а в «более подвижном, чем движение, доводящем движение до крайности, обесмысливающим его» [2] процессе. В нем жизнь «принимает форму катастрофы в замедленном режиме» [2]. В форме все нарастающей истерии у нее наступает «безумная сверхдетерминированность», «обострение этих референциальных, функциональных, финальных и каузальных ценностей» [2]. Их бессмысленное нагромождение вызывает «стремительное кровоизлияние объективных причин» (Бодрийяр). В результате чего жизнь становится перенасыщенной гиперфинальностью, которая «смысла уже не имеет, никуда не идет, а следовательно, не имеет ничего общего с движением» [2]. Она становится «галлюцинацией между строк» (Бодрийяр). Под Куполом советской истории жизнь как «бывшее», «настающее», «актуализирующее» (Хайдеггер), то, в чем «временность временит в каждом экстазе целой» [4], превращается в совокупность особых знаков, которые в форме прошлого, настоящего, будущего отражают и выражают лишь ее упорядоченную «смерть» – обеспечивают временность ее «умирания».

Ретрожизнь с помощью контрреволюции, реставрации и реваншизма превращается в «мертвую точку», в «которой всякая система пересекает хрупкую грань обратимости, противоречия, переоценки, чтобы живьем войти в не-противоречие, в отвлеченное самосозерцание, в экстаз» [2]. В ней, фактически, нет жизни, но есть лишь события, которые полностью «поглощают свой смысл, они ничего не преломляют, ничего не предвещают. По ту сторону – лишь катастрофы» [2]. «Зловещее искривление» жизни, «перенасыщенность систем памяти» [2] продуктами временения «умершей» временности и их «раздувание в пустоту» «кладет конец горизонтам смысла» [2]. Раз «смысл истории утрачен, раз пройдена эта точка инерции, всякое событие становится катастрофой» [2], при которой «невозможно повернуть вспять ни течение времени, ни направление смысла» [2].

Посредством контрреволюции, реставрации, реваншизма осуществляется «дисперсия времени и истории» [2]. Экстазы временности жизни перевоплощаются в гиперреальное, «более подлинное, чем подлинник» [2]. Под воздействием подменивших эти экстазы знаков (прошлого, настоящего, будущего) время жизни «растянулось, расширилось до плавающих параметров реальности» [2]. Жизнь уподобилась «движениям пловца в трясине» [2]. И, самое главное, ее «смысл больше не кристаллизуется» [2], а сама она становится всего лишь видом «игры систем вокруг точки инерции» [2] – видом игры жизни, которая на самом деле есть «смерть» вокруг самой себя как «мертвой точки».

Уничтожая экстазы временности жизни, преобразуя их в знаки, ничтожа ее смысл, Купол одновременно с этим задает особую «позитивную» программу бытия жизни: «поскольку ничто уже не имеет смысла, то все должно функционировать безупречно» [2]. На этом фоне развиваются истерия и «шантаж ответственности» (Бодрийяр) – «бессмысленное усиление ответственности», которая призвана гарантировать «отсутствие воли к смыслу» (Бодрийяр). В результате отсутствия смысла жизнь превращается в «сгущающуюся пустоту», «принудительную циркуляцию таких государственных ценностей, как насилие, ответственность, справедливость и т. д.» [2]. Отныне наш взгляд «устремлен не в звездное небо, а в подземное царство, угрожающее нам обрушением в пустоту» [2].

Картина ретрожизни была бы неполной, если бы мы ограничились лишь определением способов ничтожения «единой временности» жизни и описанием того, как ретроориентации ничтожат ее экстазы, преобразуя их в знаки времени. Она осталась бы неполной, если бы мы ограничились лишь анализом процесса «умирания» временности, но ничего не сказали о модусах временения «умершей», лишенной своей истории и смысла жизни.

Ретроориентации ретрожизни «в аспекте их возможной целостности, единства и развертывания по сути “временны” и подлежат осмыслению как модусы временения временности» [4] – модусы временения «конечности временности», «необходимой возможности ничтожности» (Хайдеггер) жизни. Они отражают и выражают то, что испытывает жизнь в процессе обрушения в пустоту и превращения из «мертвой точки» в ничто – непреодолимый *страх, ужас перед этой угрозой и ужас перед ужасом*.

Что для бытия ретрожизни является самым «страшным в его страшности» (Хайдеггер)? Им является революция. Что у нее вызывает неподдельный ужас? Ее брошенность в «конечность временности» – на пир, который во время чумы устроили наспех отреставрированные мумии советской истории. От чего она, пытаясь с помощью реваншизма восстановить «собственную временность», испытывает «трусливый страх» (Хайдеггер) и ужас от ужаса? От неспособности быть способной быть. От того, что в форме реваншизма ретрожизнь становится ретросмертью – становится «свободой к смерти» (Хайдеггер).

В процессе ретрожизни происходит «упорядочение способа, каким вообще надо относиться к смерти» [4]. В результате жизнь относится к «смерти» советской истории со страхом, ужасом и ужасом перед ужасом. Она испытывает страх не перед «умершей» историей, а перед тем, что может превратить ее в собственную «смерть» – испытывает страх перед революцией. Она испытывает ужас не от того, что может посредством ретроориентаций стать «смертью», а от того, что не может «умереть». Оказавшись в этом случае не без помощи реваншизма в «модусе безразличия и чужести» (Хайдеггер), она испытывает ужас от того, что «мир не способен ничего больше предложить» [4] ей, кроме как быть «уединенной в одиночестве» [4]. Попытка избавиться от одиночества с помощью реставрации и реваншизма «ведет к чистому так-оно-есть самой своей одинокой брошенности. Это возвращение не имеет черт уклоняющейся забывчивости, но у него нет и черт воспоминания» [4]. Реставрация и реваншизм возвращают ретрожизнь в ее «обнаженное не-по-себе» (Хайдеггер).

Ретрожизнь испытывает ужас перед тем ужасом, который сопровождает каждое событие ее жизни после «смерти» советской истории, ибо в каждом из них нет «ничего и нигде» (Хайдеггер). Тем самым она ставит и показывает «одиночество его самости» (Хайдеггер). Ее «ужас ужасается за способность-быть так определившегося сущего и размыкает тем его крайнюю возможность» – размыкает «смерть» ее «умирания». Тем самым, оказавшись в крайней возможности, испытывая «свою трусость перед ужасом» (Хайдеггер), ретрожизнь в форме реваншизма устремляется к «ужасающей свободе к смерти» [4]. Ее «бегство от самого себя и своей собственности» [4] к «смерти» обнажает в ней «голое присутствие» жизни как единства «смерти» свободы и свободы «смерти». Убегая от одиночества самости, она, в конечном итоге, «ужасается своей свободой к смерти» [4].

Под Куполом советской истории, в процессе термидорианского переворота, происходит разрушение целостной временности жизни, временность перестает быть ее смыслом и в своих модусах (страх, ужас, «трусливый страх») временит исключительно как «смерть» самой себя. Термидорианский переворот превращает ее в ретрожизнь, т. е. лишает собственной историчности, смысла и размыкает лишь как «свободу к смерти».

* * *

Советская история завершается посредством революции в форме термидора, в процессе термидорианского переворота. Она прекращает историческое бытие («смерть», «бытие к смерти», «бытие смерти») лишь тогда, когда до конца исчерпывает все свои возможности, уничтожит собственные способности быть и разрушает «умение-быть». Когда она уничтожает собственную временность и временные жизни – уничтожает историчность и смысл самой себя и жизни.

Литература

1. Бодрийар Ж. Символический обмен и смерть. – URL: <http://www.bsu.by/sm.aspx?guid=289653> (дата обращения: 20.04.2020).
2. Бодрийар Ж. Фатальные стратегии. – URL: <https://www.rulit.me/books/fatalnye-strategii-read-380828-1.html> (дата обращения: 04.02.2020).
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 т. – Т. 1. – М. : Мысль, 1970. – 501 с.
4. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=95901&p=1> (дата обращения: 04.02.2020).

Vladimir Anatolyevich Loskutov,

D. Sci. (Philosophy), Professor (Yekaterinburg)

Retro Life – Life Under the Dome of Soviet History (The Third Article)

In the third final part of the article, the author analyzes the forms and ways of Soviet history completion. The conclusion is that its “Being towards death” (Heidegger) is implemented in the form of a revolution that acquires “death” during Thermidor. And then it disengages its ability to be, its own “Being of death” (Heidegger) in the form of the Thermidorian Reaction. The article thoroughly explores how once (1991) after losing its history Soviet history creates its approximation – the Dome – with the help of sovereign, vertical and free power. How does the life covered by the Dome and tortured by “historical disease” become Retro-life with the help of such retro orientations as Counterrevolution, restoration, and revanchism? The author concludes that the destruction of a single life temporariness, the annihilation of temporalities by rapture and modes of being temporal deprive Soviet history and Retro-life of their historicity and meaning.

Keywords: revolution; Thermidor; Thermidorian reaction; hybrid war; formal democracy; oligarchic capitalism; temporariness; meaning; counterrevolution; restoration; revanchism.

Роль творчества Ф. М. Достоевского в становлении концепции садомазохизма в неомарксистской философии Э. Фромма

Авторы продолжают серию публикаций, в которых Ф. М. Достоевский выступает как крупнейший предшественник франкфуртской школы неомарксизма. В данной работе рассматривается влияние творчества «русского Данте» на становление дихотомии садизм – мазохизм в социальной философии Э. Фромма. По мнению исследователей, русский писатель значительно раньше неопрейдиста раскрыл садомазохистский тип личности в большинстве своих произведений. Авторы подробно рассматривают теорию детерминирующего влияния социума на личность и его роль в формировании «внутреннего мира человека». В данном аспекте можно говорить о незначительных разночтениях между Ф. М. Достоевским и Э. Фроммом.

Ключевые слова: садизм; мазохизм; детерминирующее влияние общества; эксплуатация; капитализм; каннибализм; франкфуртская социологическая школа.

Роман Достоевского «Бесы» был крайне тенденциозен и имел ярко выраженную антисоциалистическую направленность. Критика «русским Данте» первооснов коммунизма дала возможность назвать его непримиримым и категоричным врагом данной политической идеологии. После смерти литератора появилось значительное количество исследований, в которых Достоевский был назван разоблачителем «бесовских тайн» «нечаевщины», «сталинизма», «маоизма» и т. д. Но проблема данной интерпретации творческого наследия литератора заключается в том, что он не жил в рамках «реального коммунизма» (А. Зиновьев), и, несмотря на свой великий пророческий дар, полное и детализированное воплощение концепта К. Маркса в России он предвидеть не мог.

В нашей статье мы попытаемся проанализировать творчество Достоевского с несколько необычной стороны – как одного из важнейших предшественников франкфуртской школы неомарксизма [6; 7; 8]. По нашему мнению, писатель оказал мощное влияние на формирование дихотомии садизм – мазохизм в рамках социальной философии Э. Фромма. Общеизвестно, что немецкий неопрейдист читал произведения Достоевского и достаточно высоко их оценивал. Наша гипотеза заключается в том, что чтение романов «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание», «Бесы», «Идиот» позволило Э. Фромму существенно расширить концептуальное ядро своей теории, осуществить диалектический переход от либидинозного генезиса вышеупомянутой дихотомии к ее социально-иерархической и экономической обусловленности. Впрочем, «фрейдистский» аспект садизма проявлен в произведениях Достоевского не менее рельефно, чем социальный.

Остановимся на анализе данной проблемы несколько подробнее. Значительно раньше З. Фрейда русский писатель предвосхитил в своем творчестве либидинозный аспект садистского поведения. По мнению австрийского психоаналитика, в любой вариации межличностных взаимоотношений, не связанных с интимной сферой человека, чрезвычайно ярко прослеживается психосексуальная первооснова личности: «Согласно этому взгляду, даже те садистские желания, которые

* Алексей Владимирович Лесевицкий, преподаватель кафедры общеобразовательных и гуманитарно-социальных дисциплин Пермского филиала Финансового университета (г. Пермь).

E-mail: Lesev100@mail.ru

** Евгений Владиславович Ляхин, преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин ФКОУ ВО Пермский институт ФСИН России (г. Пермь).

E-mail: Evgeny102@yandex.ru

внешне не связаны с сексуальностью, все равно имеют сексуальную мотивацию, только на бессознательном уровне» [9, с. 435]. Русский литератор крайне рельефно описал подобные «личностные акцентуации» как в своих романах, так и в публицистике. Например, в «Дневнике писателя» за 1873 год он рассматривает деятельность правовой системы государства в контексте справедливости вынесенных приговоров коллегией присяжных заседателей, сетуя на некоторую «мягкость» по отношению к преступившим закон личностям. Достоевский разбирает «резонансное дело» крестьянина Н. Я. Саяпина, который систематическими истязаниями довел свою жену до самоубийства. Обратим внимание на то, насколько образно литератор описывает садистскую экзекуцию несчастной женщины: «Видали ли вы, как мужик сечет жену? Я видал. Он начинает веревкой или ремнем. Мужичья жизнь лишена эстетических наслаждений – музыки, театров, журналов; естественно, надо чем-нибудь восполнить ее. Связав жену или забив ее ноги в отверстие половицы, наш мужичок начинал, должно быть, методически, хладнокровно, сонливо даже, мерными ударами, не слушая криков и молений, то есть именно слушая их, слушая с наслаждением, а то какое было бы удовольствие ему бить? Знаете, господа, люди рождаются в разной обстановке: неужели вы не поверите, что эта женщина в другой обстановке могла бы быть какой-нибудь Юлией или Беатриче из Шекспира, Гретхен из Фауста? Я ведь не говорю, что была, – и было бы это очень смешно утверждать, – но ведь могло быть в зародыше и у ней нечто очень благородное в душе, пожалуй, не хуже, чем и в благородном сословии: любящее, даже возвышенное сердце, характер, исполненный оригинальнейшей красоты. Уже одно то, что она столько медлила наложить на себя руки, показывает ее в таком тихом, кротком, терпеливом, любящем свете. И вот эту-то Беатриче или Гретхен секут, секут, как кошку! Удары сыплются всё чаще, резче, бесчисленнее; он начинает разгорячаться, входить во вкус. Вот уже он озверел совсем и сам с удовольствием это знает. Животные крики страдальцы хмелят его как вино: «Ноги твои буду мыть, воду эту пить», – кричит Беатриче нечеловеческим голосом, наконец затихает, перестает кричать и только дико как-то кряхтит, дыхание поминутно обрывается, а удары тут-то и чаще, тут-то и садче... Он вдруг бросает ремень, как ошалелый схватывает палку, сучок, что попало, ломает их с трех последних ужасных ударов на ее спине, – баста! Отходит, садится за стол, воздыхает и принимается за квас. Маленькая девочка, дочь их (была же и у них дочь!), на печке в углу дрожит, прячется: она слышала, как кричала мать. Он уходит. К рассвету мать очнется, встанет, охая и вскрикивая при каждом движении, идет доить корову, тащится за водой, на работу» [1, с. 21]. Как данное описание мог бы трактовать З. Фрейд? В рамках классического психоанализа садист своеобразным образом «сублимировал» свои интимные отношения с женой через этот акт деструктивно-маргинального надругательства над жертвой, которая не могла защищать себя. Получив морально-психологическое, а возможно, и завуалированное либидонозное удовлетворение от данной процедуры экзекуции, крестьянин Н. Я. Саяпин совершенно успокоился, стал флегматичным, затем «садится за стол, воздыхает и принимается за квас». Стоит отметить, что Достоевский в своем творчестве описал значительное количество женщин с садистским типом личностной акцентуации. По нашему мнению, наиболее импозантная представительница данной галереи персонажей – Н. Ф. Барашкова. Женщина неземной красоты, имеющая вследствие этого тотальную власть над мужчинами. Желание унижить и растоптать другого человека проявляется в этой представительнице прекрасного пола чрезвычайно рельефно. Она буквально упивается своей властью над Г. Иволгиным и купцом П. Рогожиным, повелевая ими, испытывает моральное удовлетворение от их унижений и страданий. С другой стороны, в Н. Ф. Барашковой очень четко просматриваются и мазохистские черты, когда она намеренно ставит себя в

ситуацию общественного порицания, с определенным нескрываемым удовольствием переживает личностный позор и унижение. Но, по нашему мнению, проблему садизма и мазохизма в творчестве Достоевского невозможно объяснить, исходя из рамок теории либидинозных инстинктов З. Фрейда, так как она имеет ярко проявившийся социологический компонент.

В рамках своей психологической теории Э. Фромм писал о социальной обусловленности наличия садистских качеств личности в капиталистическом обществе. Автор «Анатомии человеческой деструктивности» настаивает на том, что буржуазный социум продуцирует именно такого человека, ибо данная социальная система построена на подавлении и «экономическом использовании» основной части граждан государства со стороны политической и, прежде всего, экономической элиты. Эксплуатация человеком человека невозможна без обращения с другой личностью как с анонимно-безликим объектом, который интересен исключительно с позиции формирования прибыли в рамках финансово-экономических отношений. Жажда денег, власти и собственности – фундаментальная первооснова экзистенции личности в рамках мамонистического общества: «Самой ужасной из всех человеческих страстей я считаю стремление более сильного использовать другого человека как средство достижения своих эгоистических целей. Это не что иное, как утонченная форма каннибализма. В обществе периода неолита еще не существовало такой формы эксплуатации» [12, с. 383]. Разумеется, что «каннибал» не может не быть «метафизическим садистом» и не испытывать некоего удовольствия от страдания других. Э. Фромм задается вопросом: разве буржуа не испытывает наслаждения от очередного миллиона, заработанного на «высасывании жизненных соков» из представителя наемного труда? Разве власть над эксплуатируемыми не приносит блаженства, разве мамониста не занимает сама идея тотального господства над людьми и обстоятельствами?

Каким образом возможен «социальный каннибализм»? Э. Фромм раскрывает очень тонкие механизмы садистского поведения элиты в рамках капиталистического социума. Для того чтобы оправдать свое эксплуататорское поведение, мамонист низводит рабочего до представителя другого антропологического вида, «речеловечивает его». Эксплуатируемый объект может предстать в образе «генетического отребья», «пьяницы и забулдыги», «маргинала», «вечного неудачника», а посему с ним можно поступать, как заблагорассудится, изымая прибавочную стоимость в целях личного обогащения. В размышлениях неофрейдиста речь идет о своеобразном «расколотом социуме», в котором представители труда и капитала ненавидят друг друга: «Нет нужды объяснять, почему ненавидят эксплуатируемые. А правящее меньшинство ненавидит, во-первых, из страха: они боятся мести угнетенных. Но, кроме того, господствующее меньшинство просто вынуждено поддерживать в себе чувство ненависти к массам, чтобы заглушать в себе чувство вины и оправдать свое эксплуататорское поведение» [12, с. 382]. Стоит отметить, что подобное социальное отчуждение Достоевский осознал и подверг анализу значительно раньше, чем Э. Фромм. В молодости Достоевский был сторонником идей утопического социализма, ходил на так называемые «пятницы» М. В. Петрашевского. За хранение письма В. Г. Белинского – Н. В. Гоголю молодого литератора арестовали, подвергли суду и сослали в Сибирь. Именно в заключении писатель чрезвычайно глубоко осознал отчуждение от простого народа всего дворянского сословия, оно было обусловлено несхожестью образования, места в социальной иерархии государства, возможностью потребления материальных благ, наличием широких жизненных перспектив: «С каторжным народом я познакомился еще в Тобольске и здесь в Омске расположился прожить с ними четыре года. Этот народ грубый, раздраженный и озлобленный. Ненависть к дворянам превосходит у них все пределы, и поэтому нас, дворян, встретили они враждебно

и со злобною радостью о нашем горе. Они бы нас съели, если б им дали. <...> “Вы, дворяне, железные носы, нас заклевали. Прежде господином был, народ мучил, а теперь хуже последнего ваш брат стал” – вот тема, которая разыгрывалась 4 года. 150 врагов не могли устать в преследовании, это было им любо, развлечение, занятие» [3, с. 169–170]. Как видим из сопоставления данных цитат мыслителей, Э. Фромм в какой-то степени «скрыто цитирует» размышления русского писателя, который высказал их еще в XIX веке.

Унизить человека, растоптать его внутренний мир – это значит не признать его как уникальную личность, «расчеловечить», лишить тех качеств, которые характерны для людей. Это касается всех многообразных проявлений садизма, начиная от физического насилия и заканчивая психологическим подавлением человека. Как только возникает политическое, экономическое, социальное неравенство, появляется соблазн обидеть более слабого и беззащитного. Стоит заметить, что в данном контексте Достоевский оказал прямое влияние на концепт Э. Фромма. Например, Раскольников не ставит знака равенства между собой и другими, для акта насилия ему необходимо было «расчеловечить» свою жертву. Именно поэтому он называет Алену Ивановну «жалкой вошью», объектом, не достойным гуманного к себе отношения: «– Преступление? Какое преступление? – вскричал он вдруг, в каком-то внезапном бешенстве, – то, что я убил гадкую, зловредную вошь, старушонку процентщицу, никому не нужную, которую убить сорок грехов простят, и это-то преступление?» [5, с. 400]. В монографии «Анатомия человеческой деструктивности» эта художественная гипербола Достоевского нашла свое теоретическое объяснение. Расчеловечивающие садистские технологии используются тогда, когда есть необходимость в жесточайшем насилии над другими: «Каждый раз, когда другое человеческое существо перестает восприниматься как человек, может иметь место акт жестокости или деструктивности в любой форме. Вот простой пример. Если бы индуист или буддист (искренне и глубоко верящий и чувствующий сопричастность ко всему живому) увидел, как обычный современный человек, не моргнув глазом, убивает муху, он мог бы оценить это поведение как акт настоящей бесчувственности и деструктивности. Но он был бы при этом неправ. Ибо люди чаще всего не считают муху чувствующим существом и потому воспринимают ее как противную “вещь”, помеху» [9, с. 191]. Нам представляется, что речь может идти о своеобразном «скрытом цитировании» русского писателя Э. Фроммом.

С другой стороны, проблема дихотомии садизм – мазохизм освещается неотрейдисмом с некой априорной пессимистической предопределенностью. Пока в рамках миропроектного устройства господствует капитализм с его неустранимой «борьбой всех против всех», несправедливым распределением материальных благ, эксплуатацией человеком человека, садизм будет только усиливать свои многообразные проявления в рамках личности «homo-капиталистичесуса» (А. Зиновьев). Какова социальная система, таков сам индивид как слепок общественных отношений: «И потому, вероятно, садизм (за исключением особых случаев) может исчезнуть лишь тогда, когда будет утрачена возможность господства одного класса над другим, одной группы над другой, относящейся к расовому, религиозному или сексуальному меньшинству» [12, с. 461–462]. Стоит заметить, что если рассматривать творчество Достоевского объективно, то в вопросе о детерминирующем влиянии социума на формирование характера личности русский писатель высказывает противоположные концепту Э. Фромма идеи. По мнению «русского Данте», социальная система, безусловно, имеет мощнейшее воздействие на человека, но, с другой стороны, он волен сопротивляться ее детерминирующему влиянию, поэтому несет полную ответственность за то, каким он будет, как он формирует свой «жизненный проект» (Ж.-П. Сартр), ибо человек есть процесс перма-

нентного становления, диалектического развития и изменчивости, обусловленной противоречиями: «Делая человека ответственным, христианство тем самым признает и свободу его. Делая же человека зависящим от каждой ошибки в устройстве общественном, учение о среде доводит человека до совершенной безличности, до совершенного освобождения его от всякого нравственного личного долга, от всякой самостоятельности, доводит до мерзейшего рабства, какое только можно вообразить» [1, с. 16]. Русский писатель в своем творчестве показал целую галерею персонажей, сопротивляющихся детерминирующему влиянию общества. Например, князь Мышкин не совершил грехопадения конформизма, не стал «бесчувственным метафизическим садистом», как большинство персонажей романа «Идиот». В этом заключается его гуманизм и человеколюбие, нежелание использовать другого как безлико-анонимный объект, исходя из своих прагматических интересов. Но законы капиталистического хозяйства объективны, они не зависят от сознания личности: если человек благородно не желает подавлять других, то совершенно бесцеремонно будут унижать его самого. В буржуазном социуме, который блестяще описал Достоевский в своем романе «Идиот», князь-Христос испытал на себе всю многообразную палитру садистских унижений общества «безжалостных мизантропов»: язвительную иронию и насмешки, «почитание за сумасшедшего», предательство со стороны любимой женщины, использование в качестве «денежного мешка» (спонсора) и т. д.

Но князь не хочет уподобляться большинству персонажей романа, не хочет господствовать над другими, а потому в эпилоге терпит жесточайшее поражение, оканчивая свою экзистенцию в стенах сумасшедшего дома. Но если Мышкин сопротивляется детерминирующему влиянию общества как мазохист, направляя накопившуюся агрессию от многочисленных страданий внутрь себя (сумасшествие, «суицидальный синдром»), то существует иная модель противодействия социальному контролю. Общеизвестно, что Достоевский проявлял большой интерес к «преступному миру», данный факт был обусловлен двумя факторами – собственным опытом тюремного заключения и огромным интересом литератора к личностям деструктивно-разрушительного типа: маньякам, педофилам, социопатам, самоубийцам и т. д. В «Записках из Мертвого дома» Достоевский крайне рельефно описывает жестокого убийцу-садиста, стремящегося ощутить безграничную свободу, человека, презирающего общественную мораль. Смысл экзистенции Орлова можно выводить из проблематики антиномичности свободы, свобода есть главная сакральная ценность. В контексте сюжетной линии повести ее можно понимать двояко. Во-первых, Орлов абсолютно свободен в своем нравственном выборе между добром и злом. Его свобода хаотична, анархична и ограничена только свободой данного героя: ни божественные заповеди, ни императивистика юридического закона для него ничего не значат. Он сам творец своего жуткого, садистского «жизненного проекта» (Ж.-П. Сартр). Во-вторых, после попадания в острог за серию зверских убийств его главной мечтой было обретение свободы, он даже признался хроникеру повести, что при первом же удобном моменте попытается сбежать: «Выхожу остальное число ударов, и тотчас же отправят с партией в Нерчинск, а я-то с дороги бегу! Непременно бегу!» [2, с. 48].

Экзистенциальный смысл преступления Орлова проявлен в его садистских наклонностях. Психологически, любой палач считает себя существом высшего порядка по сравнению с его жертвой. Именно поэтому Э. Фромм настаивает на социальном, религиозном и экономическом равенстве людей как действенном средстве противодействия проявлениям агрессии и садизма. Очень часто (на уровне рефлексии) жертва даже не воспринимается как человек, а предстает в образе «вещи», с которой можно поступать как угодно. Нам представляется, что экзистенциальным мотивом выбора Орлова является власть, возможность повеле-

вать другой личностью, решать ее судьбу: «Сердцевину садизма, которая присуща всем его проявлениям, составляет страсть, или жажда власти, абсолютной или ограниченной власти над живым существом, будь то животное, ребенок, мужчина или женщина. Заставить кого-либо испытать боль или унижение, когда этот кто-то не имеет возможности защищаться, – это проявление абсолютного господства» [9, с. 448].

Бесспорно, эта социально-психологическая характеристика садизма, предложенная Э. Фроммом, может в полной мере быть использована для анализа психоделической физиогномики Орлова. Садистская власть всегда основана на подавлении и социально-психологическом неравенстве между людьми.

В социальном равенстве между индивидами господство предельно затруднено, ибо нет элитарной группы узурпаторов функции подавления. В психологическом смысле, чтобы иметь возможность повелевать судьбой другого человека, необходимо самовозвыситься над ним, признать другую личность существом низшего порядка (имуществом, вещью, объектом). Только после данной процедуры возможны незавуалированные проявления садизма. И эту важную психологическую особенность очень хорошо подметил Достоевский, данная феноменологическая специфика крайне рельефно проявлена в образе Орлова: «Между прочим, я поражен был его странным высокомерием. Он на все смотрел как-то до невероятности свысока» [2, с. 47]. Именно с этой позиции самовозвышения и самогероики возможны деструктивное проявление садизма, возможна дихотомия неравенства («палач – жертва», «верующий – атеист», «рабочий – капиталист» и т. д.).

Достоевский много раз в своем творчестве повторял мысль, что тяжесть наказания только ожесточает преступника, весьма схожие мысли высказал и Э. Фромм. Государство, карающее преступника, выступает в роли своеобразного «садиста-великана», наказывающего «садиста-лилипута», так как у личности практически нет возможности противостоять репрессивному аппарату государственной машины. По мнению неопрейдиста, общество, основанное на эксплуатации и подавлении нижестоящих классов, «конвейерно штампует» садистский тип личности. Униженная государством личность пытается унизить еще более беззащитного человека, эмануруя тем самым порочный круг диктата [10]. Необходимо изменение социума, которое будет способствовать смене типа личности. Достоевский всем своим творчеством призывал отказаться от ветхозаветной жестокости по отношению к преступникам. Нарушив нравственный закон, Орлов ощутил всю антигуманность государственной репрессивной машины, раздавливающую личность: «Через два дня после выписки из госпиталя он умер в том же госпитале, на прежней койке, не выдержав второй половины» [2, с. 153].

Стоит заметить, что в творчестве Достоевского крайне отчетливо прослеживается своеобразный культ мазохизма. Литератор весьма убедительно пропагандирует смирение, покорность и терпение. Чем более терпелив мазохист, принявший кару от своего мучителя, тем ближе он к идеалу высокодуховной личности. «В горе счастья ищи!» – напутствует Алешу старец Зосима. И Порфирий Петрович наставляет Раскольникова: «Страдание, Родион Романович, великая вещь; вы не глядите на то, что я отолстел, нужды нет, зато знаю; не смейтесь над этим, в страдании есть идея» [5, с. 352]. Но, с другой стороны, мы должны понимать, что проповедь смирения потенциально заставляет любого садиста подавлять другую личность с еще большей безнаказанностью. Садист, издевающийся над другим садистом, рискует получить адекватный отпор; напортив, садист, унижающий мазохиста, ничем не рискует, они прекрасно «взаимодополняют» друг друга. Не является ли столь странная проповедь Достоевским смирения и покорности, мета-идеологическим элементом полной безнаказанности власти в XIX веке? Впрочем, это уже другая тема.

Финал уникального романа «Идиот» поднимает проблему мазохизма как важную и необходимую обратную сторону садизма. Невозможно представить вышеуказанные парные категории вне их диалектической взаимозависимости в совместном отрицании. По Э. Фромму, практически любая личность обладает и мазохистскими и садистскими чертами, в ней проявляются черты своеобразного «расколотого-Я» (Р. Лэнг) и этического дуализма: «Из-за тесной связи между садизмом и мазохизмом будет правильнее говорить о садомазохистском характере, хотя ясно, что у каждого конкретного лица преобладающим является либо один, либо другой аспект» [9, с. 454]. Поскольку автор бестселлера «Бегство от свободы» был знаком с большинством крупных романов Достоевского, особенно хорошо отзывался о произведении «Братья Карамазовы», мы можем считать Достоевского своеобразным соавтором концепции садомазохистского типа личности. Приведем пример. Подпольный человек на страницах своей исповеди признается, что получает психологическое удовольствие от процесса унижения собственной личности. Он латентно желает, чтобы его «морально растоптали», оскорбили, подвергли остракизму, в этом рельефно проявляется процесс мазохистского самоотрицания, латентного метафизического самоубийства: «Но именно вот в этом холодном, омерзительном полуотчаянии, полувере, в этом сознательном погребении самого себя заживо с горя, в подполье на сорок лет, в этой усиленно созданной и все-таки отчасти сомнительной безвыходности своего положения, во всем этом яде неудовлетворенных желаний, вошедших внутрь, во всей этой лихорадке колебаний, принятых навеки решений и через минуту опять наступающих раскаяний – и заключается сок того странного наслаждения, о котором я говорил» [4, с. 105]. Как мы видим из представленной выше цитаты, у «джентльмена с ретроградной физиономией» проявляется ярко выраженный мазохистский синдром, который столь натуралистично описывает Достоевский. Но, с другой стороны, страсть к унижению собственной личности в данном «расколотом характере» достаточно гармонично переплетается с не менее глубокой страстью к подавлению еще более незащищенных «униженных и оскорбленных», чем он. В данном аспекте можно утверждать, что примерно за 70 лет до работ Э. Фромма на страницах своих произведений Достоевский отразил концепт «садомазохистского характера». Напомним, что, получив наслаждение от изощренных психологических унижений при встрече со своими «одноклассниками», «подпольный» человек испытал непреодолимое желание «растоптать» еще более несчастную личность, получить над ней неограниченную власть, ощутить чувство господства и возможность повелевать ее судьбой. Он самым аморальным образом обманул несчастную девушку: «Власти, власти мне надо было добиться, унижения, истерики твоей – вот чего надо было тогда! <...> Потому что я только на словах поиграть, в голове помечтать, а на деле мне надо, знаешь чего: чтоб вы провалились, вот чего!» [4, с. 173]. Искалеченный садистским социумом человек чаще всего калечит других, еще более беззащитных людей, порочная социальная система в массовом масштабе продуцирует садомазохистский тип личности. Безусловно, человек не может снять с себя ответственность за ежедневный экзистенциальный выбор между добром и злом. В этом смысле Достоевский прав, утверждая, что социум не может тотально господствовать над личностью, если она того не захочет. Но, с другой стороны, со времен Достоевского изменились механизмы формирования «сублимированного раба» (Г. Маркузе), среднестатистический «массовый человек» не может противопоставить что-либо суггестивному воздействию СМИ.

Казалось бы, в таких условиях господства инструментального разума битва за человека проиграна, общественные отношения в рамках капиталистического социума перманентно будут напоминать афоризм Ивана Карамазова о том, что «одна гадина должна съесть другую». Но великая сила реалистического романа Дос-

товского заключается в том, что он подверг уничтожающей критике идеи господства человека над человеком, социального разобщения, использования личности как средства финансового обогащения («ротшильдская идея»), идеи «крови по совести» и т. д. В этом заключается педагогическое значение его произведений, которые столь глубоко воздействовали на творческую деятельность одного из влиятельнейших представителей франкфуртской социологической школы.

Литература

1. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. Т. 21: Дневник писателя, 1873 ; Статьи и заметки, 1873–1878 / тексты подгот. и примеч. сост. А. В. Архипова-Богданова и др. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – 551 с.
2. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. Т. 4: Записки из мертвого дома / текст подгот. и примеч. сост. И. Д. Якубович и др. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1972. – 326 с.
3. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. Т. 28, кн. 1: Письма, 1832–1859 / текст подгот. и примеч. сост. И. Л. Битюгова и др. ; предисл. Г. М. Фридлендера. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1985. – 572 с.
4. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. Т. 5: Повести и рассказы. 1862–1866 ; Игрок : роман / текст подгот. и примеч. сост. Е. И. Кийко. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. – 407 с.
5. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений : в 30 т. / редкол.: В. Г. Базанов (отв. ред.) и др. ; ИРЛИ. Т. 6: Преступление и наказание : роман : в 6 ч. с эпилогом / текст подгот. Л. Д. Опульская. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1973. – 423 с.
6. Кац И. И., Крюков А. В., Лесевицкий А. В. Достоевский как предшественник франкфуртской школы критической социологии // Наука сегодня: фундаментальные и прикладные исследования : материалы Международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Вологда : Маркер, 2017. – С. 126–127.
7. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Бунт Ивана Карамазова как проявление «негативной диалектики» в компаративистском сопоставлении философии Г. Гегеля и Т. Адорно // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 2. – С. 129–136.
8. Лесевицкий А. В., Ляхин Е. В. Критика конформистского универсума в произведениях Ф. М. Достоевского и М. Хоркхаймера // Вестник Гуманитарного университета. – 2020. – № 1. – С. 116–122.
9. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М. : АСТ, 2019. – 736 с.
10. Фромм Э. Догмат о Христе. – М. : Олимп : АСТ-ЛТД, 1998. – 416 с.
11. Фромм Э. Душа человека. – М. : Республика, 1992. – 430 с.
12. Фромм Э. Психоанализ и этика. – М. : Республика, 1993. – 415 с.

Alexey Vladimirovich Lesevitsky,

Lecturer, Department of General, Human and Social Studies,
the Perm Branch of the Financial University (Perm)

Evgeny Vladislavovich Lyakhin,

Lecturer, Department of State and Legal Disciplines
of the Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia (Perm)

The Role of F. M. Dostoevsky's Artwork in the Formation of the Concept of Sado-Masochism in the Neo-Marxist Philosophy of E. Fromm

The authors continue a series of publications in which F. M. Dostoevsky appears to be the largest predecessor of the Frankfurt school of neo-Marxism. This paper examines the influence of the work of the "Russian Dante" on the formation of the dichotomy "sadism-masochism" in the social philosophy of E. Fromm. According to researchers, the Russian writer revealed the sado-masochistic personality type in most of his works much earlier than the neo-Freudian did.

The authors consider in detail the theory of the determinative influence of society on the individual and its role in the formation of the "inner world of man". In this aspect, we can talk about minor discrepancies between F. M. Dostoevsky and E. Fromm.

Keywords: sadism; masochism; deterministic influence of society; exploitation; capitalism; cannibalism; Frankfurt school of sociology.

К вопросу о «национальных композиторских школах» и их «основоположниках»

В статье рассматриваются и критикуются традиционные для отечественного музыковедения концепты «национальной классической музыки» и ее «основоположников». Рассматриваемая философско-культурологическая проблема анализируется в свете концепции догоняющей модернизации, а также феномена «романтического национализма» и соотношения «национальных» и «универсальных» стилей европейской и мировой музыки.

Ключевые слова: национальные композиторские школы; романтический национализм; барокко; рококо; классицизм; Ренессанс; догоняющая модернизация; универсализм.

«Вы – философы, культурологи, а я представляю консервативное традиционное музыковедение». Такую тираду однажды произнес на международной научной конференции весьма видный и статусный специалист. И эта фраза, сказанная явно с откровенным вызовом, как нельзя лучше характеризует положение дел в данной конкретной области познания. Музыковедение – дисциплина действительно крайне консервативная, ревниво охраняющая свои профессиональные границы и стремящаяся не допускать в собственный «заповедный лес» разных «диверсантов» из смежных дисциплин (прежде всего – тех самых философов и культурологов). В принципе, для такой позиции основания есть: материал, которым занимается музыковедение, – крайне специфичен, аналитическая база и понятийные ряды – тоже. Впрочем, еще М. Бахтин – применительно к искусствоведению в целом – считал такой подход крайне архаичным...

Однако такая профессиональная обособленность музыковедения приводит к неожиданному и одновременно предсказуемому результату – консервированию определенных концепций, принимаемых за аксиомы и как бы априори не требующих доказательств. Между тем подобные концепции при ближайшем рассмотрении сплошь и рядом вовсе не выглядят аксиоматичными, а зачастую и обнаруживают свою несостоятельность. Причем данное малоприятное (для традиционного музыковедения) открытие происходит как раз в момент подключения к дискурсу методик смежных гуманитарных дисциплин, расширяющих поле рассматриваемой проблематики и вводящих в дискуссионное поле новые концепты. Иногда же для того, чтобы сделать «еретические выводы», достаточно даже остаться в рамках традиционного профиля – достаточно только заняться самой элементарной компаративистикой. Проблема, рассматриваемая нами в данной статье, репрезентирует оба возможных варианта.

Речь пойдет о феномене «национальных композиторских школ» и их «основоположниках». Данный концепт в музыковедении – один из самых фундаментальных, буквально вбитый в сознание, тиражируемый на всех уровнях – от школьных учебников и популярных биографий до солидных научных трудов. Применительно к России – тем более, поскольку на роль «основоположника русской классической музыки» (именно с такой формулировкой) традиция «назначила» Михаила Ивановича Глинку. И назначила небезосновательно: вряд ли кто-нибудь будет оспаривать тот факт, что именно с Глинкой русская музыка вышла на принципиально иной качественный уровень. Сомнение в приведенном концеп-

* **Дмитрий Владимирович Суворов**, канд. культурологии, доцент, лауреат премии им. П. П. Бажова (г. Екатеринбург).

те сразу выводит разговор за рамки научной дискуссии и приобретает характер натурального антипатриотического кощунства – ведь объектом сомнения становится культовая фигура, один из главных смысловых символов отечественной культуры вообще... И все же – как там у М. Монтеня: «Сомневаюсь – значит, существую». Ибо для науки творческое, плодотворное сомнение – важнейший двигатель познания; и, безусловно, прав был К. Поппер, когда констатировал: если в науке какое-то положение объявляется «вечным» и «непересматриваемым» – в этот момент наука кончается и вытесняется чем-то квазирелигиозным. Эпистемологически проблема здесь может быть очерчена следующим образом: необходимо выйти из притяжения искусствоведения (где данный понятийный ряд принимается аксиоматически и де-факто не анализируется, причем это стало традицией), а рассматриваемые концепты необходимо поместить в культурологическое познавательное поле и анализировать обозначенную тематику именно с позиций культурологии. Что мы сейчас и предпримем.

Вопросы начинаются с самого концепта. Что значит «основоположник русской (или любой другой) классической музыки»? И что означает понятие «классическая музыка» вообще? Ведь в данном случае понятие используется вовсе не в том смысле, в котором его использует культурология – как символ «элитарной культуры», в противовес фольклору и масскульту. Если «классическая музыка» в данном контексте – это музыка, ставшая классикой (т. е. – достигшая определенного уровня мастерства, вышедшая из периода ученичества), то тогда с этим можно согласиться – но до определенной степени. Иначе получается, что вся музыка, созданная в данной стране (или в рамках данного этноса) до появления «отца-основателя», по определению объявляется «неклассической», не «дотянувшей до уровня». (В западном музыковедении есть даже термин, не прижившийся в России: «предклассика».) А вот это утверждение – уже явно не из разряда аксиоматических, ибо кто, с помощью какой аналитической методики сможет доказать, что тот или иной композитор достиг или не достиг «классического» уровня? И с каким «манометром» можно измерить этот самый уровень? Чаше всего в ход идет элементарная «отсылка к авторитету» или привлечение «фигуры должной весовой категории» – что-то по типу совершенно реально высказанной сентенции «Как можно говорить о Вила-Лобосе (имярек может быть иным), если есть Бах?» Однако о научности подобных утверждений говорить нельзя – уже не говоря о том, что если бы была возможность перенестись в конец XVII века, то сентенция модифицировалась бы примерно так: «Как можно говорить о Бахе, когда есть Букстехуде (Шютц, Свелинк, Монтеверди, Жоскен Дебре, Бёрд, Хайникен, Корелли, Бибер, Фрескобальди et cetera)?»

Посмотрим на проблему несколько с иного ракурса. Как с концептом «национальной школы» и «основоположников» обстоят дела в музыкальных культурах зарубежных стран? Даже самый поверхностный анализ приводит к крайне интересному результату. Оказывается, в большинстве стран со «старыми» национальными культурами такая проблема просто не стоит! Скажем, с какого периода начинается итальянская классическая музыка и кто является ее основоположником? Сами итальянцы ответят: скорее всего, с эпохи Возрождения – как и вся итальянская художественная культура в целом (если быть абсолютно точным, то с Дученто, с XIII века). В свое время Джузеппе Верди (сам – один из столпов итальянской музыки) сформулировал посылку: «Мы (итальянские музыканты. – Д. В.) – дети Палестрины». Имеется в виду, естественно, Джованни Пьерлуиджи Палестрина (1525–1594), крупнейший композитор эпохи Чинквеченто, классик «полифонии строгого стиля». На самом деле корни итальянской постсредневековой музыки – еще более ранние, и к «отцам-основателям», помимо Палестрины, можно прибавить (как минимум) Грегорио Аллегри, Андреа и Джованни Габриэли, а также

всю школу итальянских мадригалистов. Применительно к Франции – старт авторского композиторского искусства нужно будет отодвинуть еще раньше, в XII век, к «Школе Нотр-Дам», представленной именами Леонина и Перотина Великого. Аналогично – в Германии, здесь «корни» – также в XII веке, и фундаментальной фигурой следует признать преподобную Хильдегарду Бингенскую. Но самое интересное то, что ни в одной из перечисленных стран не возникла посылка делить собственное композиторское искусство на «классическое» и «предклассическое», и, скажем, во Франции невозможна дискуссия, кто там является «основоположником французской классической музыки» – Перотин или, скажем, Гильом де Машо и его коллеги по школе «Ars nova»?

Тогда логичен вопрос: в каких еще странах, кроме России, подобная проблема если не является краеугольной составляющей национального мифа, то хотя бы присутствует в дискурсе? Ответ приходит сразу: в странах «молодых», где формирование композиторских школ произошло позже, уже в Новое время. Скажем, Э. Григ и Ю. Свенсен – бесспорные «отцы-основатели» для композиторской школы Норвегии, аналогична роль Я. Сибелиуса в Финляндии, К. Нильсена в Дании и Виана да Мота в Португалии. Но даже и здесь не все столь элементарно, и нас подстерегают уже привычные «подводные камни». Вот характерный пример: в советских (а затем – российских) учебниках основоположником чешской классической музыки именуется Бедржих Сметана, которого даже называют «чешским Глинкой». Но... ведь в Чехии композиторские школы существовали за несколько столетий до Сметаны! Достаточно вспомнить и чешский Ренессанс (творчество Яна Крыштофа Гаранта и Яна Турновского), и великолепное чешское музыкальное барокко (представленное такими признанными мастерами, как Ян Михна и Богуслав Черногорский, да и австрийский барочный классик Генрих Игнац Франц фон Бибер – этнический чех), и, наконец, «мангеймскую школу», ставшую одной из кульминаций музыки раннего классицизма. Один список прославленных «мангеймцев» и следующих за ними чешских мастеров «второго поколения» впечатляет: Францишек Тума, Ян Жах, Иржи Антонин Бенда, Леопольд Кожелух, Ян Антонин Кожелух, Ян Якуб Рыба, Кристиан Каннабих, Йозеф Штепан, Ян Вацлав Стамиц, Карел Стамиц, Ян Батист Ваньхал, Франц Ксавер Рихтер, Йозеф Мысливечек («чешский Моцарт»).... Они что, все – «предклассики»? Подобное утверждение (если бы оно было высказано) не только оскорбительно для чешского национального самосознания, но и является исторически и гносеологически ошибочным.

Для нас важно следующее: сама постановка проблемы о «национальных классических школах» имманентна для стран и культур, для которых характерен алгоритм «догоняющей модернизации». Когда в силу определенных исторических обстоятельств страна/культура вынуждена развиваться «вдогонку» стран/культур, уже прошедших определенные этапы развития (исторического, политического, экономического, социокультурного), которые «догоняющей» стране/культуре еще предстоит пережить и освоить. Именно тогда актуальным становится вопрос о «достижении классического уровня», равно как и об «отцах-основателях», взявших этот историко-культурный рубеж. Отсюда же и концепт «национального Возрождения», столь типичный для всех художественных культур «догоняющих» стран – причем не только «молодых» (Балканы и вообще Юго-Восточная Европа, Скандинавия, и тем более неевропейский мир), но даже и некоторых «старых», в силу исторической конкретики тоже оказавшихся в аналогичном положении (применительно к музыке – характерны примеры Англии и Испании: как известно, новая испанская музыка рубежа XIX–XX вв. получила именно такое название – Ренасимьенто, буквально «возрождение»). Зачастую подобные феномены узнаваемы даже терминологически: так, в армянской музыке XX века существует ус-

тойчивый номинатив «армянская «Могучая кучка» (Александр Арутюнян, Арно Бабаджанян, Эдвард Мирзоян, Лазарь Сарьян и Адам Худоян), а в музыке Турции – так называемая «Турецкая пятерка» (Ахмед Аднан Сайгун, Ульви Джемаль Эркин, Джемаль Решид Рей, Хасан Ферид Альнар и Неджиле Казым Аксес). Вряд ли стоит пояснять, что в обоих данных случаях объектом аллюзии (и ориентира) послужила русская «Могучая кучка» (которую на Западе называли «Русская пятерка» – отсюда и специфика турецкого номинатива). Стоит также заметить, что и вышеприведенное высказывание Дж. Верди о «детях Палестрины» прозвучало во вполне определенной обстановке – на излете эпохи Рисорджименто, в условиях возникшего «вагнеровского бума», когда перед итальянской музыкой (старейшей в Европе!) внезапно возникла необходимость самоутвердиться перед лицом мощного инокультурного вызова. Необходимость, абсолютно имманентная для молодых «догоняющих» культур: таковы парадоксы истории...

Но есть и еще один момент, традиционно упускаемый из виду, – а в нем, как представляется, заложен главный ключ к пониманию того, почему в России возникла проблема Глинки и «доглинкинского этапа» (экстраполированная отечественным музыковедением и на другие культуры – в частности, на украинскую, где на роль «местного Глинки» выбрали Николая Лысенко, и тоже с игнорированием всего предыдущего развития украинской музыки).

Дело в том, что и Глинка, и Лысенко, и Сметана, и, например, Ф. Лист и Ф. Эркель (применительно к Венгрии), и Ф. Шопен вкупе со Ст. Монюшко (применительно к Польше) – романтики. А романтизм, как известно, принес в собственную творческую философию и миропонимание (а также, разумеется, и в эстетику) такой общеизвестный и принципиально новый феномен, как «романтический национализм». То есть – тяга к «корням», идеализация и глорификация собственного прошлого (зачастую – виртуального), выстраивание интеллектуальных и идеологических конструкций «возвращения к великим истокам» (причем стилистика «догоняющей модернизации» правила бал и здесь: теоретическим базисом для романтического национализма служили труды немецкой классической философии – прежде всего И. Гердера, Г. Гегеля и И. Г. Фихте). Применительно к музыке (не только к ней – но к ней в первую очередь) это привело к кардинальному результату – формированию музыкального стиля с четко ориентированным этнизмом. То есть – именно в этот историко-культурный момент начинается «разведение композиторов по национальным квартирам», причем исключительно посредством стиля. В западном музыковедении этот момент был назван своим именем – «музыкальный национализм»: именно так, «музыкальным националистом», европейская и американская художественная критика именovala, например, Э. Грига (но относится это далеко не только к нему!). Этот «национально ориентированный» стиль формировался на основе широкого обращения композиторов к музыкальному (и не только) фольклору – но на основе такого обращения творцы формировали свои индивидуальные «вселенные», отнюдь не сводимые к фольклорному прообразу: можно даже говорить о том, что композиторская индивидуальность сплошь и рядом создавала тот самый модус «национальной культуры», по которому далее начинали судить о музыкальном облике страны и народа в целом. Для нас важно, что все вышеупомянутые «основоположники» (и Глинка в том числе) как раз принадлежали к данной философско-эстетической парадигме: при таком положении дел пьедестал «отца-основателя» отечественной «классической музыки» был для композиторов данного типа просто гарантирован...

Но – и в этом суть рассматриваемой проблемы – следует отдавать себе отчет в непреложном факте: все предыдущие стили и направления европейской музыки (Средневековье, Ренессанс, барокко, рококо, классицизм) не имели установки на «национальное своеобразие» и не были детерминированы еще не существовав-

шим тогда «романтическим национализмом»! Это были универсалистские стили, своего рода «высокий космополитизм». И это – не эстетическая ущербность, а просто иной эстетический алгоритм! Предлагаю провести опыт и ответить на вопрос: чем принципиально (в плане используемых выразительных средств и стилистических особенностей) отличаются друг от друга музыка австрийца (с хорватскими корнями) Й. Гайдна, богемского немца Х. Глюка, натурализовавшегося в Англии уроженца Германии Иоганна Христиана Баха, итальянцев Л. Боккерины и Н. Йомелли, французов Ф.-А. Филидора и А. М. Гретри, испанца В. Мартини-Солера, чеха Й. Мылшивеца и украинца с «российским паспортом» Д. Бортнянского? (Все перечисленные имена принадлежат корифеям музыкальной культуры классицизма.) И никакой «неполноценности» в плане эстетики – просто эстетика была универсальная! Но то же самое можно экстраполировать и на эпоху барокко: общеизвестен пример, когда И. С. Бах переключал сочинения А. Вивальди на иной исполнительский состав и включал в число собственных сочинений (классика жанра – концерт И. С. Баха для 4 клавиров с оркестром, который в первоначальном варианте был концертом А. Вивальди для 4 скрипок). И – никаких стилистических «швов»! Да и аккультурация композиторов XVII – первой половины XVIII в. в инонациональной среде проходила предельно гладко и практически безболезненно (достаточно вспомнить биографии Г. Ф. Телемана, Г. Ф. Генделя, Ж.-Б. Люлли, Р. Валентини). Применительно к музыкальному Ренессансу эта «общеευропейскость» стиля выражена еще сильнее, поскольку существовавшая тогда эстетика «полифонии строгого стиля» объединяла композиторов на жесткой основе пифагорейской числовой магии и математически точных формул контрапункта. Естественно, композиторская индивидуальность проявляла себя и в этих условиях (столь непохожих на реалии XIX века) – и натренированный слух специалиста сумеет найти особенности неповторимой интонации итальянских (Палестрина, Аллегри, Габриэли), французских (К. Жаннекен), испанских (А. Кабесон, Т. Л. Виктория) и нидерландских (Г. Дюфай, Я. Окегем, Я. Обрехт, Жоскен Де-пре, Орландо Лассо) авторов. Но, подчеркну, – это удел специалистов. Для 99 % слушателей данная эпоха – господство единого стиля (и это соответствует действительности). В описываемые эпохи как раз выходом за рамки принятого были проявления «музыкального национализма», возникавшие тогда, когда конкретные композиторы в своем творчестве выходили за рамки господствующего общеевропейского направления и соприкасались с эстетикой «андерграунда» того времени – например, с элементами того, что в литературоведении называют «ренессансным реализмом» (да и культура рококо, чисто французская по генезису, за пределами Франции выглядела экзотикой). Тогда возникали прецеденты типа некоторых сочинений Г. Ф. Телемана с явной отсылкой к музыкальной культуре конкретной страны – благо, Телеман несколько раз менял место проживания, от Испании и Швеции до Речи Посполитой (известный пример – Концерт для продольной и поперечной флейты с оркестром); многих произведений французских клавесинистов (пронизанных именно чисто французским колоритом), и особенно феномен британского мастера Генри Перселла, произведения которого настолько мощно несут в себе именно характерные черты британского музицирования, что можно говорить о выходе перселловской музыки за рамки барокко. Применительно к эпохе классицизма аналогом будет служить творчество М. Огиньского. Но, повторюсь, эти яркие и своеобразные феномены не являются определяющими для своего времени, их можно рассматривать как своеобразные «предтечи» того грандиозного парадигмального сдвига, который произойдет в европейской музыке в XIX веке в романтическую эпоху.

Исходя из сказанного, можно резюмировать проблему следующим образом. Тот традиционный концепт, который существует в отечественном музыковедении

применительно к феномену «национальной классической музыки», должен быть, как минимум, скорректирован. И скорректирован именно культурологически – путем введения в дискурс понятий и теорий, давно отработанных в рамках культурологии (и даже ставших там уже хрестоматийными). В данном конкретном случае – хорошо известную историю смены стилей в европейской музыке (и смену интонационных парадигм в рамках данных стилистических трансформаций) необходимо рассматривать в более широком научном контексте, оперируя не только и не столько искусствоведческими, сколько философско-культурологическими категориями. Следует говорить не о «национальной классической музыке», а о «национальной романтической музыке» – так точнее. И, соответственно, фигуры типа Глинки, Грига, Шопена, Сметаны, Вебера или Листа встанут на свое собственное место – как корифеи-романтики, создавшие индивидуальный (и национально ориентированный) стиль в рамках парадигмы «романтического национализма». А применительно к отечественной музыкальной культуре сразу резко и радикально раздвигаются временные и стилистические рамки русского музыкального классического искусства. Тогда классиками отечественной музыки – с полным на то основанием – можно будет назвать и творцов полихорного панегирического хорового концерта допетровской и Петровской эпох (Н. Дилецкий, В. Титов, Н. Калашников, Ф. Редриков, Я. Резвицкий, Колпенский, Дж. Сарти), и корифеев екатерининской эпохи (И. Хандошкин, В. Пашкевич, Ю. Козловский, Е. Фомин, А. Ведель, М. Березовский, Д. Бортнянский), и мастеров начала XIX века, композиторов предпушкинско-предглинкинского времени (С. Дегтярев, С. Давыдов, А. Верстовский, А. Львов, А. Алябьев, А. Варламов, А. Гурилев). И это будет не только восстановлением исторической справедливости, но и долгожданным приобщением России к тем самым «исконным ценностям», вокруг которых в последнее время сломано столько копий...

Литература

1. Барбашин М. Ю. Институты и этногенез: институциональное воспроизводство этнической идентичности в локальных сообществах. – 3-е изд. – Ростов н/Д : Изд-во Южного федерального университета, 2014.
2. Гордійчук М. М. Музика на Україні // Радянська енциклопедія історії України / редколегія: А. Д. Скаба (відповідальний редактор) та інші. – Київ : АН УРСР, Головна редакція Української радянської енциклопедії, 1971. – Т. 3 : Летичів Розкопки. – С. 184–185.
3. Ермаханова С. А. Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. – Новосибирск, 2005. – С. 233–247.
4. Кудряшов А. Ю. Теория музыкального содержания. Художественные идеи европейской музыки XVII–XX вв. – СПб., 2006.
5. Михайлова М. Б. Классицизм и национальные традиции стран Европы // Региональные и национальные аспекты в архитектуре: наследие и перспективы / отв. ред. Г. Г. Нугманова. – Казань : Kazan-Kazan, 2003. – С. 53–55.
6. Раздольская В. И. Европейское искусство XIX века: Классицизм, романтизм. – СПб. : Азбука-классика, 2005. – (Серия : Новая история искусства).
7. Суворов Д. В. Своеобразие российской цивилизации и процессы модернизации в России. – Saarbrücken : LAP LAMBERT Academic Publishing, 2011. – 326 с.
8. Palisca C. V. Baroque' as a Music-Critical Term // French Musical Thought, 1600–1800 / Ed. by G. Cowart. – Ann Arbor : UMI Research Press, 1989. – P. 7–11.
9. Popper K. R. Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge. – London and Henley : Routledge and Kegan Paul, 1972.
10. Swain J. P. Historical dictionary of Baroque music. – Lanham, 2013.

Dmitriy Vladimirovich Suvorov,

Candidate of Culturology, Associate Professor, the winner
of the P. P. Bazhov Writer's Prize (Yekaterinburg)

To the Issue of “National Schools of Composition” and their “Founders”

The article examines and criticizes the traditional for Russian musicology concepts of "national classical music" and its "founders". The considered philosophical and culturological problem is analyzed in the light of the concept of catching-up modernization, as well as the phenomenon of "romantic nationalism" and the ratio of "national" and "universal" styles of European and world music.

Keywords: national schools of composition; romantic nationalism; Baroque; Rococo; classicism; Renaissance; catch-up modernization; universalism.

НАУЧНЫЕ СОБЫТИЯ

О ежегодной конференции Гуманитарного университета «Публичное/частное в современной цивилизации»

16–17 апреля 2020 года состоялась XXII Российская научно-практическая конференция (с международным участием) «Публичное/частное в современной цивилизации». Выбор темы конференции был определен переходом современной культуры в радикально новое цивилизационное состояние, когда революционные изменения в технологиях привели к обновлению и проблематизации содержания, форм и взаимоотношений публичной и частной сфер в России и в мире.

Междисциплинарный характер конференции позволил рассмотреть широкий круг актуальных проблем публичной и приватной жизни общества и его граждан в их взаимоотношениях, отношениях с социокультурными институтами, ценностями и практиками и роли в существовании и развитии обществ XXI века в условиях информационно-технологической революции.

Важной частью программы ежегодной конференции Гуманитарного университета являются пленарная и панельные дискуссии, специальные мероприятия (в том числе круглые столы), которые проводятся с участием российских ученых, государственных деятелей, представителей бизнеса. В рамках конференции были запланированы 9 научных и прикладных тематических секций с привлечением ведущих экспертов страны:

1. *Философско-культурологическая* – «Трансформация публичной и приватной сфер в современной цивилизации» (руководитель секции д-р филос. наук, профессор Л. А. Закс).

2. *Экономическая* – «Частный рынок и государство: разграничение сфер деятельности и взаимодействие» (руководитель д-р экон. наук, доцент С. А. Мицек).

3. *Правовая* – «25-летний юбилей Гражданского кодекса РФ в контексте частного и публичного права России» (руководители д-р юрид. наук, профессор А. П. Семитко; д-р полит. наук, доцент С. И. Глушкова).

4. *Социально-психологические*: «Человек в континууме межличностной коммуникации: между социально-ориентированным и личностно-ориентированным общением» (руководители член-корреспондент РАО, д-р психол. наук, профессор Е. Б. Перелыгина; член-корреспондент РАО, д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова) и «Город как среда социальной коммуникации» (руководители академик РАО, д-р психол. наук, профессор А. И. Донцов; член-корреспондент РАО, д-р психол. наук, доцент О. Ю. Зотова).

5. *Журналистики, рекламы и связей с общественностью* – «Аудитория новых медиа: на границе публичного и приватного» (руководители канд. филос. наук, доцент С. Д. Балмаева; доктор культурологии, доцент А. В. Дроздова).

6. *Социально-культурного сервиса и туризма* – «Апгрейд бизнес-версий в гостеприимстве и туризме: от массового к индивидуальному» (руководитель канд. социол. наук, доцент С. А. Рамзина).

7. *Управления персоналом* – «Государственное и частное, коллективистское и индивидуальное в сфере управления персоналом: новые задачи и новые решения» (руководитель канд. психол. наук, доцент Т. Л. Сморкалова).

* Алла Владимировна Дроздова, д-р культурологии, доцент, завкафедрой рекламы и связей с общественностью, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

8. *Информационных технологий* – «Новые формы социализации и право на приватность в цифровую эпоху» (руководители канд. техн. наук, доцент А. В. Агеносов; д-р экон. наук, доцент Н. В. Хмелькова).

9. *Физической культуры и спорта* – «Взаимодействие людей в сфере физической культуры и спорта в условиях информационно-технологической революции» (руководитель д-р пед. наук, доцент Г. А. Ямалетдинова).

Однако в этом году в период пандемии конференция впервые проводилась в заочной форме. Новая мировая ситуация актуализировала проблемы концептуальной пары приватное – публичное, заострила внимание на дискурсивных и социальных трансформациях, которые претерпевают частная и публичная жизнь. Не случайно в этой непростой ситуации конференция привлекла внимание многих исследователей из разных сфер социогуманитарного знания и подтвердила свой всероссийский статус. В конференции приняли участие более 170 преподавателей, аспирантов и студентов из ведущих университетов Екатеринбурга, Москвы, Санкт-Петербурга, Калининграда, Нижнего Новгорода, Самары, Томска, Волгограда, Омска, Перми, Челябинска, а также зарубежные участники из Китая, Украины, Узбекистана.

По результатам конференции издан сборник научных материалов, включивший 162 статьи и размещенный в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки.

Alla Vladimirovna Drozdova,

D. Sci. (Culturology), Assoc. Prof., head of Advertising and Public Relations chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

**On Annual Conference “The Public/Private in the Current Civilization”
Hosted by University for Humanities (Yekaterinburg)**

«Новые голоса-2020» в онлайн-формате

Проведение Всероссийского научно-практического конкурса работ бакалавров, магистров, аспирантов «Новые голоса в науке: идеи и проекты» является многолетней традицией Гуманитарного университета, в этом году он проводился в пятнадцатый раз. Основная цель конкурса – вовлеченность студентов в научно-исследовательскую работу, а также формирование таких «мягких компетенций» (soft skills), как управление вниманием, критическое и креативное мышление, коммуникативные и презентативные практики. Наряду с развитием научной вовлеченности конкурс решает проблемы и академической вовлеченности, развивая у студентов предметные навыки по специальности, определяет образовательную траекторию. В агональном пространстве конкурса ежегодно происходит апробация курсовых и дипломных работ, вариантов аспирантских диссертаций, свои первые научные доклады делают студенты 1–2-го курсов. Так, за годы проведения конкурса его участники осваивали одну академическую ступень за другой – заканчивали бакалавриат, магистратуру и аспирантуру и затем становились экспертами секций и авторских мастер-классов. Иными словами, конкурс за все годы его проведения стал интеллектуальной площадкой для обмена научными идеями студентов нашего вуза и других вузов города и страны.

Новая, карантинная реальность внесла свои изменения в порядок проведения конкурса. В этом году работа секций («Сервис, стиль, искусство», «Проблемы экономики и права в информационном обществе», «Социальные коммуникации в современном обществе», «Социальная психология и профессиональное развитие» для бакалавров; «Психология», «Экономика», «Юриспруденция и политология», «Философия, культурология, социология» для магистров и аспирантов) проходила только в онлайн-режиме. Все это потребовало оперативного и слаженного взаимодействия не только от организаторов, но и от участников – преподавателей и студентов. Было решено отказаться от мастер-классов и дискуссии в формате «аквариум», однако все сформированные секции состоялись в течение последней декады мая. Открытие конкурса, как и было запланировано, состоялось 28 мая, его первым этапом стал традиционный отборочный тур – обсуждение исследовательских студенческих работ на факультетах университета. Всего в конкурсе приняли участие 92 студента, из которых в результате отборочного тура 36 записали видеопрезентации и выступили на секциях с докладами.

Участники конкурса – студенты 12 направлений подготовки бакалавриата в области рекламы и связей с общественностью, журналистики и медиакоммуникаций, психологии и управления персоналом, юриспруденции, сервиса, туризма, гостиничного дела, хореографического искусства, экономики, менеджмента, прикладной информатики, а также 4 направлений магистратуры и аспирантуры. Большинство участников представляют бакалавриат – 38 (41 %) и магистратуру 46 (50 %), а 8 (8 %) обучаются в аспирантуре.

Программа 8 секций конкурса была реализована в режиме видеоконференций: студенты записали и выложили видеопрезентации своих докладов, после чего состоялось их обсуждение в онлайн-режиме. Волновались все – организаторы и участники. Всем необходимо было освоить новый опыт, новые коммуникативные

* Алла Владимировна Дроздова, д-р культурологии, доцент, завкафедрой рекламы и связей с общественностью, АНО ВО «Гуманитарный университет» (г. Екатеринбург).

компетенции. В этом контексте вспоминается формула классика медиа Маршалла Маклюэна: «Средство коммуникации есть коммуникация». Онлайн-формат помог структурировать и визуализировать творческие идеи работ, усилил презентационную часть выступлений студентов.

Тематически конференция сохранила свой междисциплинарный характер, участники вместе с экспертами обсудили свои исследовательские и прикладные проекты в области цифровой экономики, гражданского права, психологии безопасности, управления персоналом, новых медиа и медиакommunikаций, маркетинга и рекламы, сервиса и гостиничных услуг, философии культуры, contemporary dance. Следует отметить, что внутри одной секции интересы студентов были тематически разнообразны (от изучения корпоративного стандарта гостиницы до взаимовлияния современного танца и медиа), представлены разными видами не только исследовательской, но и проектной деятельности. Жюри оценило 36 видеопрезентаций, отправленных на конкурс, отметив лучшие работы студентов в своих секциях. Итоги конкурса и записи докладов победителей можно найти на сайте Гуманитарного университета (<https://gu-ural.ru/2020/06/novye-golosa-v-nauke-est-itogi-konkursa/>).

При проведении вузовского научного конкурса важной задачей является обеспечение объективной экспертной оценки студенческих научно-исследовательских работ и проектов. Это и определило разработку методики оценки качества студенческих научных работ. Комиссия оценивала работу студентов и их доклады по следующим критериям: актуальности темы исследования, новизне и практической значимости идей и результатов, обоснованности выводов исследования и личной позиции автора, уровню мультимедийной презентации.

Несмотря на новизну формата, конкурсу удалось сохранить главное – возможность делиться своими исследовательскими идеями, задавать вопросы и получать комментарии, знакомиться с коллегами «по цеху» и, конечно же, двигаться дальше в своей работе. По результатам конкурса издан сборник научных материалов «Новые голоса в науке: идеи и проекты-2020».

Слова благодарности адресуем авторитетному жюри преподавателей Гуманитарного университета и особенно председателям комиссий: д-ру экон. наук Н. В. Хмельковой, д-ру полит. наук С. И. Глушковой, д-ру психол. наук, члену-корреспонденту РАО О. Ю. Зотовой, канд. филол. наук Ю. В. Архиповой, канд. филос. наук Е. Ю. Погорельской, канд. социол. наук, доценту С. А. Рамзиной, канд. культурологии Н. В. Курюмовой.

Alla Vladimirovna Drozdova,

D. Sci. (Culturology), Assoc. Prof., head of Advertising and Public Relations chair, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg)

«New Voices-2020» in online format

Требования к оформлению и порядку представления статей в журнал «Вестник Гуманитарного университета»

«Вестник Гуманитарного университета» включен в **Российский индекс научного цитирования** (лицензионный договор № 136-03/2014). Журнал размещается в РИНЦ на сайте Научной электронной библиотеки постатейно (**полные тексты в открытом доступе**).

Журнал принимает к публикации теоретические, научно-методические, научно-практические статьи по следующим наукам:

- Экономика
- Юриспруденция
- Философия

К изданию преимущественно принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся. Если статья создана на основе какого-либо научного исследования (диссертации), это необходимо указать в ссылке.

Требования к оформлению материалов

- Текстовый редактор Word 2003–2007, шрифт Times New Roman, размер шрифта – 12, межстрочный интервал – 1,5, абзацный отступ – 0,7 см; поля: сверху, снизу – 2 см, слева, справа – 3 см.
- Объем статьи до 40 000 знаков (с пробелами, включая сноски).
- Ссылки на литературу помещаются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и номера страницы (например, [2, с. 15]), список литературы – в конце статьи.
- Таблицы представляются в формате Word. Таблицы в тексте должны нумероваться и иметь заголовки, размещенные над полем таблицы.
- Иллюстративные материалы принимаются только в черно-белых тонах.
- Статье должен быть присвоен код УДК.

ОБЯЗАТЕЛЬНО УКАЖИТЕ СЛЕДУЮЩИЕ СВЕДЕНИЯ:

- **На русском и английском языках** приводятся:
 - **название статьи;**
 - **сведения об авторах:**
фамилия, имя, отчество **полностью;**
ученая степень, ученое звание, должность;
место работы – **полное название организации;**
контактная информация: адрес электронной почты (*укажите, согласны ли Вы опубликовать его*), телефон;
 - **аннотация** (150–250 слов);
 - **ключевые слова** (5–6 слов или словосочетаний).

Журнал рецензируемый. Все материалы проверяются на наличие заимствований через систему «Антиплагиат». Текст рукописи должен содержать более 70 % оригинального текста. Автор может представить рецензию на статью специалиста в данной области знания (доктора или кандидата наук), что не исключает допол-

нительного рецензирования. Для **магистрантов и аспирантов** необходим отзыв-рекомендация научного руководителя или представление профильной кафедры.

Рецензию, рекомендацию или представление необходимо заверить подписью и печатью организации и представить в редакцию (лично либо отсканированный вариант по электронной почте).

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации.

К изданию принимаются материалы, подлежащие открытой публикации. Автор(ы) должны письменно выразить согласие на размещение материалов в открытом доступе (на сайте журнала, в системе РИНЦ и других базах данных), указывая «согласен(на) на размещение материалов в открытом доступе» в письме либо в конце текста статьи.

Приветствуются работы, в которых содержатся ссылки на материалы, опубликованные в «Вестнике Гуманитарного университета».

Публикации бесплатные. Авторский гонорар не выплачивается.

Статьи направляются на электронный адрес редакции ektbriogu@mail.ru с указанием в теме письма «Вестник ГУ, область наук», например «Вестник ГУ, экономика». При успешном рецензировании редакция высылает автору ответ о приеме статьи в определенный номер журнала.

Редакция оставляет за собой право не публиковать статью или рекомендовать ее доработку с учетом замечаний. В случае отклонения статьи автору направляется аргументированный отказ в письменной форме. Материалы, переданные в редакцию, не возвращаются.

Периодичность издания – 4 номера в год.

Сроки представления материалов к публикации:

№ 1 – до 1 февраля

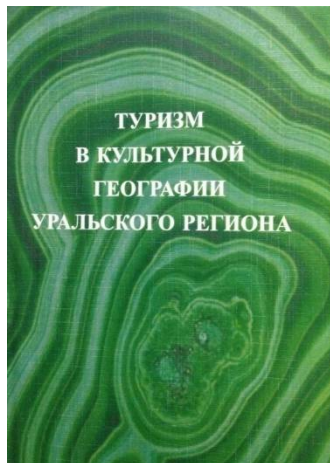
№ 2 – до 1 мая

№ 3 – до 1 августа

№ 4 – до 1 ноября

Адрес редакции: г. Екатеринбург, ул. Железнодорожников, д. 3, к. 207,
тел. (343) 365-99-73.

**Приглашаем Вас опубликовать свои работы
в «Вестнике Гуманитарного университета»!**

Туризм в культурной географии Уральского региона : монография / Л. А. Мясникова, С. А. Рамзина, О. Ю. Зотова [и др.] ; под общ. ред. д-ра филос. наук, проф. Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2017. – 362 с.

ISBN 978-5-7741-0269-3

В монографии представлены две основные линии анализа: культурная география Урала как «методологическая сетка» и «питающая среда», в которой развивается региональный туризм; виды и направления туризма, наиболее характерные для региона и способные влиять на его культурно-географические образы.

Рекомендуется специалистам – практикам и теоретикам туризма, гостеприимства, краеведам, регионоведам, культурологам, культурным антропологам.

Мясникова Л. А., Шайгарданова Н. Л.

Советский Эдем : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2016. – 209 с.

ISBN 978-5-7741-0264-8

В монографии осуществляется анализ советского парка культуры и отдыха. Советский парк представлен как культурный феномен, являющийся вариацией городского публичного парка, как звено культурно-исторической трансформации садов и парков. Вместе с тем парк культуры и отдыха является воплощением советского идеологического проекта по формированию нового человека и нового общества. Для авторов парк – идеальное место человека, попытка вернуться в утерянный рай, но понятый по-советски. Изменение советской культуры, идеологии, общества соотносятся с пространственно-смысловыми изменениями парка. История парка предстает как зеркало истории страны. Монография будет интересна философам, культурологам, историкам, а также специалистам по социально-культурным практикам организации досуга, туризма, арт-проектирования и др.

Либер Е.

Букварь начинающего арт-критика : учебное пособие. – Екатеринбург : Гуманитарный университет, 2015. – 214 с.

ISBN 978-5-7741-0231-0

Учебное пособие «Букварь начинающего арт-критика» охватывает основные формы профессиональной деятельности историка искусства и арт-критика: визуальное исследование, анализ, интерпретацию и оценку произведения искусства. Пособие учит понимать визуальные искусства, писать о них эссе, обзоры и исследовательские работы; знакомит с современными теориями искусства и методологией анализа произведений искусства. Пособие обращено к студентам высшим учебных заведений, изучающим визуальные искусства, а также к студентам-журналистам, специализирующимся в области культурной журналистики. Оно также содержит полезные рекомендации для преподавателей-инструкторов, в том числе рабочую программу практикума «Как писать об искусстве?»

Границы искусства и территории культуры : сб. науч. ст. / сост. и науч. ред. Л. А. Закс, Т. А. Круглова. – Екатеринбург : Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина : Гуманитарный университет, 2013. – 261 с.

ISBN 978-5-7741-0220-4

Авторы статей – философы и культурологи продолжают исследование специфики современной художественности, начатое в сборнике «Онтология искусства» 2005 года. В настоящем сборнике представлен итог работы серии теоретических семинаров, в центре которых традиционно центральная проблема философской эстетики – природа искусства – исследуется сквозь призму концепта «границы». Идея подобного подхода принадлежит известному российскому эстетике А. Ф. Еремееву. В книге обобщаются методологические поиски внутренних границ искусства: показана неисчерпаемость классической парадигмы философии искусства, а также предлагаются к обсуждению новые концепции на базе освоения опыта современной западной и отечественной философии искусства, осмысливается трансформация художественной онтологии под влиянием новых культурных феноменов постиндустриального общества: электронных медиа, компьютерных игр, рекламы. Сборник адресован исследователям искусства и культуры (эстетикам, искусствоведам, филологам), преподавателям и студентам, всем, кто интересуется искусством, его сложным «устройством» и существованием.

Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1600–1850. Екатеринбург : У-Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2005. – 640 с. : 947 ил.

ISBN 5-94799-423-2

Книга представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание 200 опер – большинство из них малоизвестны в России, – комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. Прилагается компакт-диск с записями фрагментов важнейших сочинений.

«Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для широкого круга читателей.

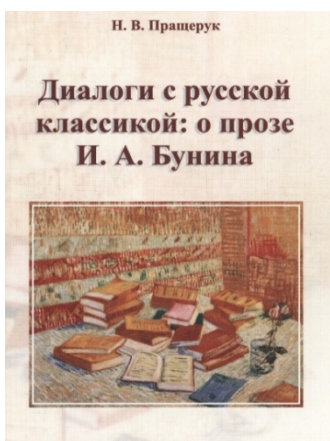
Мугинштейн М. Л.

Хроника мировой оперы. 1851–1900. Екатеринбург : Антверта (при участии изд-ва Гуманитарного университета), 2012. – 616 с. : 688 ил.

ISBN 978-5-905148-06-4

Книга продолжает издание *авторской* энциклопедии, начатое в 2005 («Хроника мировой оперы. 1600–1850»). Она представляет первую в России систематизированную по хронологическому принципу 400-летнюю историю оперы: содержание, увлекательный комментарий, сведения о постановках, аудио- и видеозаписях, насыщенная информация о композиторах и интерпретаторах, именные указатели. «Хроника мировой оперы» не только летопись жанра в его значительных образцах, но и живая картина современного мирового театра, частью которого предстает Россия.

Предназначена для профессионалов и любителей оперы, а также для самого широкого круга читателей.

Пращерук Н. В.

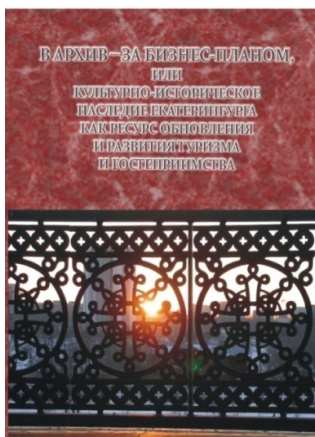
Диалоги с русской классикой: о прозе И. А. Бунина : монография. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2012. – 144 с.

ISBN 978-5-7741-0187-0

В монографии исследуется диалогический потенциал прозы И. А. Бунина (1870–1953). Опираясь на идеи философскокоммуникаторов XX века – М. Бубера, К. Ясперса, М. Бахтина, В. Библера и др., автор показывает, как в художественной практике писателя выстраивается диалогический способ общения с русской литературной классикой XIX века.

На материале произведений 1910–1940-х годов исследуются конкретные межтекстовые связи, механизмы взаимодействия художников, специфика и предмет диалога Бунина с предшественниками. Выявляется, как соединяются в творчестве писателя определенность авторского видения и желание услышать голос собеседника.

Книга адресована преподавателям, студентам, изучающим эстетику, культурологию, теорию и историю литературы, а также мировоззренческие и методологические основы гуманитарных наук.

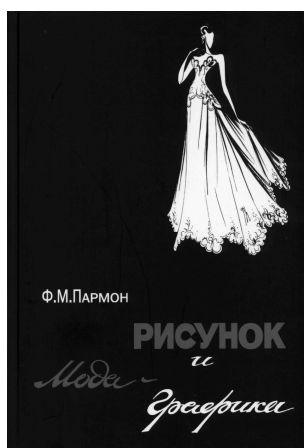
В архив – за бизнес-планом, или Культурно-историческое наследие Екатеринбурга как ресурс обновления и развития туризма и гостеприимства : колл. монография /

Л. А. Мясникова, С. Ю. Каменский, С. А. Рамзина [и др.]; под общ. ред. проф., д-ра филос. наук Л. А. Мясниковой. – Екатеринбург : Гуманитарный ун-т, 2011. – 368 с. : цв. фото.

ISBN 978-5-7741-0165-8

Одна из первых монографий, в которой исследуются возможности использования культурно-исторического наследия для развития туризма и гостеприимства Екатеринбурга.

Рекомендуется специалистам-практикам и теоретикам социально-культурного сервиса и туризма, краеведам, регионаледам, культурологам.

Пармон Ф. М.

Рисунок и мода-графика : учебник для вузов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, 2002. – 256 с. ил.

ISBN 5-901527-14-3

В книге излагается изобразительная грамота, рассматривается рисунок как наиболее быстрое и подвижное средство выражения творческой мысли художника. Большое внимание уделяется специальной художественной графике – мода-графике, составлению многопредметных художественно-графических композиций на основе предварительных зарисовок фигур человека в костюме или группы предметов/натюрморт/.

Основное внимание уделяется рисованию фигуры человека. Оригинальность издания заключается также в изложении изобразительной грамоты и мода-графики впервые с учетом направленности и специфики подготовки специалистов.

Для студентов вузов, а также колледжей, техникумов, училищ.

**По вопросам приобретения книг обращайтесь
в редакционно-издательский отдел Гуманитарного университета.**

E-mail: ektbriogu@mail.ru

МАГИСТРАТУРА

Прием на обучение по программам магистратуры на 2020/2021 год
проводится по следующим направлениям:

- **Психология (37.04.01)**
- **Экономика. Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)**
- **Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)**
- **Юриспруденция (40.04.01)**

Срок обучения в магистратуре составляет:

2 года на очной форме;

2,6 года на очно-заочной и заочной форме

(2,5 года по очно-заочной и заочной форме (Юриспруденция))

Подготовка магистров осуществляется:

- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2020/2021 учебный год:

- **Психология (37.04.01)**
очная форма – 6 мест;
заочная форма – 12 мест
- **Экономика. Управленческая экономика и стратегия бизнеса (38.04.01)**
очная форма – 3 места;
очно-заочная форма – 3 места
- **Экономика. Финансы и кредит (38.04.01)**
очная форма – 4 места;
очно-заочная форма – 3 места
- **Юриспруденция (40.04.01)**
очная форма – 6 мест;
очно-заочная форма – 6 мест;
заочная форма – 11 мест

Прием документов (паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)
проводится в следующие сроки:

бюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 4 сентября 2020 года

внебюджет

- очная форма – с 1 июня по 23 сентября 2020 года
- очно-заочная форма – с 1 июня по 23 сентября 2020 года
- заочная форма – с 20 января по 23 декабря 2020 года

Вступительные испытания для поступления в магистратуру:
тестирование профильной направленности

АСПИРАНТУРА

В аспирантуру Гуманитарного университета на конкурсной основе, на обучение по образовательным программам высшего образования – программам подготовки научно-педагогических кадров в аспирантуре, принимаются граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, имеющие высшее профессиональное образование на уровне дипломированного специалиста или магистра.

**Прием в аспирантуру Гуманитарного университета
в 2020/2021 учебном году
ведется по следующим направлениям:**

- Психологические науки (37.06.01)
- Экономика (38.06.01)
- Юриспруденция (40.06.01)
- Философия, этика и религиоведение (47.06.01)
- Культурология (51.06.01)
- Политические науки и регионоведение (41.06.01)
- Социологические науки (39.06.01)

Срок обучения в аспирантуре составляет:
3 года на очной форме;
4 года на заочной форме

Подготовка аспирантов осуществляется:
- за счет ассигнований федерального бюджета;
- на платной основе

Количество бюджетных мест на 2020/2021 учебный год:

- **Философия, этика и религиоведение (47.06.01)**
очная форма – 1 место
- **Социологические науки (39.06.01)**
очная форма – 1 место

Прием документов (паспорт, документ о высшем образовании, 4 фото 3×4)
проводится в следующие сроки:

бюджет

- с 1 июня по 15 сентября 2020 года.

внебюджет

- все формы обучения – с 1 июня по 15 сентября 2020 года.

Вступительные испытания (*проводятся на русском языке*):
с 16 по 18 сентября (19 сентября – резервный день).

Экзамены на все направления, кроме «Юриспруденции» (компьютерное тестирование), проводятся в устной форме

ПРИЕМНАЯ КОМИССИЯ

ул. Железнодорожников, 3, каб. 111а, тел.: (343) 305-50-74

Часы работы: пн.–пт. с 10.30 до 18.00

Авторы статей несут ответственность за точность приведенных фактов, статистических данных, собственных имен и прочих сведений, а также за содержание материалов, не подлежащих открытой публикации. Точки зрения авторов статей и редакции могут не совпадать.

Н а у ч н о е и з д а н и е

**Вестник Гуманитарного университета
2020. № 3 (30)**

Главный редактор Л. А. Закс

Редактор С. В. Фельдман
Переводчик Н. Н. Шабалова
Оригинал-макет В. В. Курьянович

Знак информационной продукции
(в соответствии с Федеральным
законом № 436-ФЗ от 29.12.2010)

Подписано в печать 25.09.2020.
Дата выхода в свет 30.09.2020
Формат 60x84/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 9,36
Тираж 100 экз. Заказ №

Гуманитарный университет
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3.
Лицензия № 2114 от 26.04.2016

Отпечатано с оригинал-макета
в копировальном центре
Гуманитарного университета
620041, г. Екатеринбург,
ул. Железнодорожников, 3